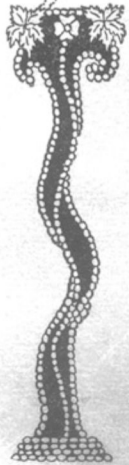

Belle

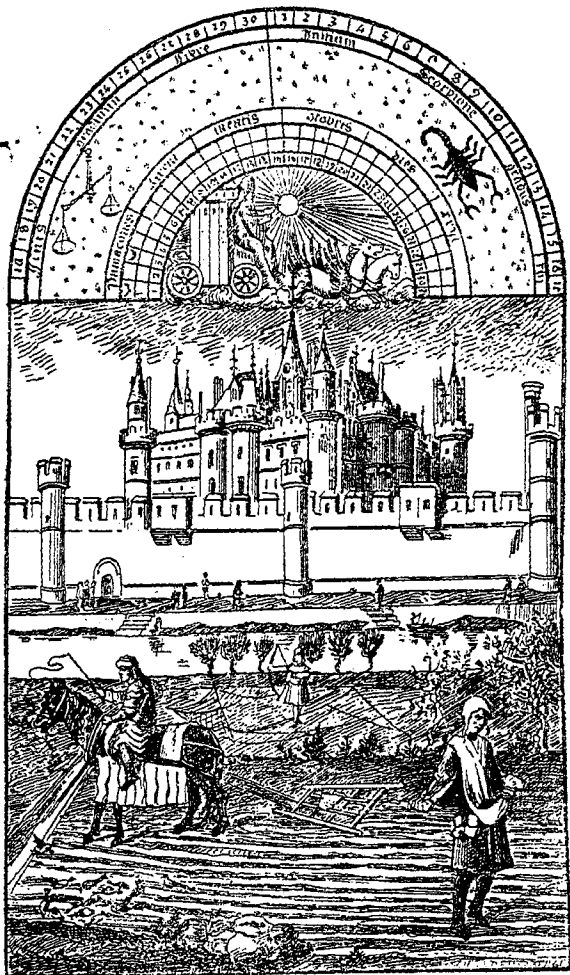
1906 №12

HO

ВѢСЫ ☉ ДЕКАБРЬ ☉ 1906

La Balance. Decembre. 1906.

Книгоиздательство «СКОРПИОНЪ»

Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23.

Moscou, Place de Théâtre, m. Métropole, 23.

«ВѢСЫ» ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ изданія третій. 1906. N 12, ДЕКАБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Текстъ:

Къ читателямъ	V
Ю. Балтрушайтисъ. Въ дневномъ хороводѣ, 7 стихотвореній	1
Ю. Верховскій. Три сонеты. 12 стихотвореній	13
Ю. Балтрушайтисъ. Спутники. Сказка	21
Оскаръ Уайльдъ. Американскія впечатлѣнія.	34
П. Муратовъ. Полю Сезаннъ	39
Ю. Верховскій. Памяти А. Н. Веселовскаго.	43
Елена Ц. Объ Уитманѣ, Бальмонтѣ и др. (Письмо въ редакцію)	46
Корнѣй Чуковский. О пользѣ брома.	52
О книгахъ. (I. Критика: Омуревскій. Полное собраніе сочиненій.— W. von Scholz, Der Jude von Konstanz.—W. von Scholz, Gedanken zum Drama.—W. von Scholz, Hebbel.—W. von Scholz, Kunst und Notwendigkeit.—И. Новиковъ. Изъ жизни духа.—Е. Жураковский. Трагикомедія современной жизни.—K. Joel. Der Ursprung der Naturphilosophie, — Tei-San. Notes sur l'art japonais. — Овидій. Пѣсни любви.—II. Библиографія: Дневникъ падшей.—M. Montaigne, Les Essais.—Э. Ренанъ. Жизнь Иисуса.—Валерій Брюсовъ. Земная Ось.—А. Блокъ. Нечаянная радость.—Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка).	61
Въ журналахъ и газетахъ. (Сапожникъ, пекущій пироги.—Къ горестнымъ замѣтамъ.—Memento)	73
Лѣтопись искусствъ и литературы	76
Горестныя замѣты	80
Указатель статей и разобранныхъ книгъ за 1906 г.	81
Списокъ подписчиковъ 1906 г.	V
Объявленія.	

Рисунки:

Павель Кузнецовъ. Ожиданіе. Неизданный рисунокъ. Цвѣтная автотипія	Передъ стр. V
Его-же. Чары. Неизданный эскизъ	стр. XI
Дж. Дж. Фрисландеръ. Изъ «Danses parnassiennes». Передъ стр. 33	
Его-же. Орхидеи.	Передъ стр. 49
Заставки и концовки Павла Кузнецова.—Обложка Н. Теофи- лактова.—Фронтиспись—миниатюра XIV-го вѣка.	

СОДЕРЖАНИЕ.

SOMMAIRE.

Aux lecteurs.—J. Baltruchaïtis et J. Verkhowsky. Poèmes.—J. Baltruchaïtis. Les Acolytes.—Oscar Wilde. Impressions d'Amérique.—P. Mouratoff. Paul Cézanne (Necrologie).—J. Verkhowsky. A. N. Véselovsky. (Necrologie).—Hélène Ts. A propos de W. Whitman, Balmont etc.—K. Chookovsky. L'utilité du brome (Reponse à M-me Hélène Ts.).—Bibliographie (Comptes-rendus sur les livres de MM. W. von Scholz, E. Jourakovsky, K. Joel, Tei-San, Valère Brussov, A. Block, St. Przybiszewski et sur les nouvelles éditions des œuvres d'Omoulevsky, Ovide, M. Montaigne, E. Renan).—Les revues et les journaux (Péréval—Svoboda i Jisn.—Stockholms Dagblad — Panathénaïa. — Literatur Anzeiger).—Chroniques littéraires et artistiques.—Table des matières pour 1906.—Liste des abonnés de «La Balance» en 1906.

«Attente», dessin inédit par Paul Kouznetzoff (autotypie en couleur).—«La fontaine» croquis inédit par le-même.—Un dessin de la série «Dances parnassiennes» et «Les Orchidés» par J. J. Frieslander.—Ornemenations (inédites) par Paul Kouznetzoff.—Couverture par N. Théophilaktoff. — Frontispice—miniature du Livre d'Heures du duc de Berri.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Въ 1907 году „Вѣсы“ вступятъ въ четвертый годъ изданія. За прошедшіе три года ихъ программа и направленіе выяснились съ достаточной опредѣленностью.

„Вѣсы“ идутъ своимъ путемъ между реакціонными группами писателей и художниковъ, которые до сихъ поръ остаются чужды новымъ теченіямъ въ искусствѣ (получившимъ извѣстность подъ именемъ „символизма“, „модернизма“ и т. под.) и революціонными группами, полагающими, что задачей искусства можетъ быть вѣчное разрушеніе безъ строительства. Соглашаясь, что кругъ развитія той школы въ искусствѣ, которую опредѣляютъ именемъ „новаго искусства“, уже замкнулся, „Вѣсы“ утверждаютъ, что дальнѣйшее развитіе художественнаго творчества должно брать исходной точкой — созданное этой школой.

Согласно съ этимъ, „Вѣсы“ ставятъ передъ собой въ области литературы двойную задачу. Съ одной стороны—они подводятъ итоги поэтическому творчеству Европы за послѣдніе тридцать лѣтъ, стараясь опредѣлить, что оно дало истинно-значительнаго, отдѣлить существенное и вѣчное отъ случайнаго и уродливаго. Съ другой стороны, оцѣнивая современную литературную дѣятельность, „Вѣсы“ выясняютъ ея преемственную связь съ только-что пережитой эпохой, чтобы отграничить дѣйствительное движеніе впередъ отъ попытокъ реакціи и беспочвенныхъ построеній. } 6-7

„Вѣсы“ за все время своего изданія особенно заботились объ томъ, чтобы ихъ читатели были освѣдомлены о культурной жизни

всего міра. Имѣя собственных корреспондентовъ во всѣхъ центрахъ умственной жизни, „Вѣсы“ могутъ давать своевременные и самостоятельные отчеты о всѣхъ выдающихся художественныхъ выставкахъ, лекціяхъ, театральныхъ и музыкальныхъ исполненіяхъ и т. под. Въ подробной библиографіи ежемѣсячно даются отзывы о новыхъ книгахъ, появившихся на русскомъ, польскомъ, чешскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, шведскомъ, норвежскомъ, ново-греческомъ и другихъ европейскихъ языкахъ.

Съ 1906 года въ „Вѣсахъ“ введенъ беллетристическій отдѣлъ, въ которомъ печатаются романы, повѣсти, рассказы, сказки, драматическія произведенія, стихотворенія и т. под., какъ оригинальные и переводные. Къ кругу сотрудниковъ „Вѣсовъ“ принадлежатъ какъ всѣ писатели, группирующіеся уже въ теченіе 7 лѣтъ вокругъ книгоиздательства „Скорпіонъ“, такъ и многіе дѣятели другихъ литературныхъ группъ. Этотъ кругъ постоянно пополняется молодыми силами.

Въ области художественной „Вѣсы“ стараются знакомить читателей съ произведеніями современной живописи и графики, русской и иностранной. Большая часть рисунковъ, помѣщаемыхъ въ „Вѣсахъ“, появляется въ репродукціяхъ въ первый разъ—съ оригиналовъ, принадлежащихъ редакціи или предоставленныхъ въ ея распоряженіе авторами. Другіе воспроизводятся съ изданій рѣдкихъ или вышедшихъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. „Вѣсы“ стремятся къ тому, чтобы помѣщаемые рисунки по возможности точно, fac-simile, воспроизводили оригиналь. Въ каждомъ № „Вѣсовъ“, кромѣ рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ, печатаются художественныя виньетки въ текстѣ.

Въ „Вѣсахъ“ принимаютъ участіе:

Русскіе писатели: Ю. Айхенвальдъ, пр. доц. Е. Аничковъ, Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, Н. Бердяевъ, А. Блокъ, И. Бороздинъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Ю. Верховскій, М. Волошинъ, З. Гиппіусъ, С. Городецкій, И. Грабарь, В. Григорьевъ, Н. Гумилевъ, О. Дымовъ, С. Ещбоевъ, Вяч. Ивановъ, В. Каллашъ, А. Курсинскій,

М. Кузминъ, Н. Лернеръ, М. Ликиардопуло, Д. Мережковский, Н. Минский, П. Муратовъ, Н. Петровская, С. Рафаловичъ, А. Ремизовъ, В. Розановъ, Б. Садовской, В. Саводникъ, С. Соловьевъ, Ф. Сологубъ, Д. Философовъ, К. Чуковский, Г. Чулковъ, И. Щукинъ, П. Эттингеръ и мн. др.

Иностранные писатели: Дж. Амендола (Римъ), А. ванъ-Бевеъ (Парижъ), Эсмеръ-Вальдоръ, Ренэ Гиль (Парижъ), Жанъ и Реми де-Гурмонъ (Парижъ), Дагни Кристенсэнь (Христiанiя), проф. В. Морфиль (Оксфордъ), С. Мэзонъ (Лондонъ). П. Нирванасъ (Аѳины), Э. Остерманъ (Стокгольмъ), Дж. Папини (Флоренцiя), Ст. Пишибышевскiй (Мюнхенъ), А. Симонсъ (Лондонъ), М. Шикъ (Берлинъ), И. Шнабль (Прага), Ф. Эверсъ (Германiя). — Произведенiя этихъ писателей доставляются намъ въ рукописи.

Русскiе художники: Л. Бакстъ, П. Кузнецовъ, Л. Мейстеръ, В. Милiоти, Н. Рерихъ, Н. Сапуновъ, К. Сомовъ, Л. Пастернакъ, С. Судейкинъ, М. Шестеркинъ, Н. Феофилактовъ и др.

Иностранные художники: К. Брунелески, К. Вальзеръ, А. де-Каролисъ, Ф. Кристофъ, Г. Крэгъ, Ш. Лакостъ, Е. Надельманъ, Тео ванъ-Риссельберге, Одилонъ Рэдонъ, Фидусъ и мн. др.

Въ первыхъ №№ „Вѣсовъ“ 1907 г. будетъ между прочимъ помѣщено:

Валерiй Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Романъ изъ жизни XVI вѣка.

К. Бальмонтъ. Малыя Зерна. Мысли и ощущенiя.

Оскаръ Уайльдъ. Неизданное произведенiе. (Переводъ съ рукописи).

Андрей Бѣлый. Кубокъ Метелей. IV симфонiя.

Ф. Сологубъ. Литургiя Мнѣ. Мистерiя.

Ю. Балтрушайтисъ. Мое нисхожденiе съ Эдгаромъ По. Разсказъ.

М. Кузминъ. Исторiя любви этого лѣта. Лирическая поэма.

А. Блокъ. Незнакомка. Драма.

З. Гиппиусъ. Письма изъ Парижа.

Ш. Лербергъ. Приключенія принца Сатурна. Сатирической романъ.

Ренэ Гиль. Французская поэзія въ 1906 году. (Обзоръ).

Максимиліанъ Шикъ. Берлинскія художественныя выставки въ 1906 году. (Обзоръ).

Неизданные стихи А. Пушкина, Е. Баратынскаго, Н. Огарева и др.

Новые стихи: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, С. Городецкаго, М. Волошина, Вяч. Иванова и др.

„Вѣсы“ выходятъ разъ въ мѣсяць тетрадами отъ 80 до 100 страницъ съ рисунками на отдѣльныхъ листахъ (черными и въ краскахъ) и съ виньетками въ текстѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Россіи на годъ (12 №№) пять рублей съ пересылкой; на полгода три рубля съ пересылкой. За-границу семь рублей. При обращеніи непосредственно въ редакцію, допускается разсрочка платежа.

Отдѣльные №№ не продаются.

Годовые подписчики на 1907 годъ, внесшіе всю сумму до 15-го января, имѣютъ право получить бесплатно одинъ № изъ слѣдующихъ изданій к—ва „Скорпіонъ“:

1. Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное изданіе (съ портретомъ автора), подъ ред. и съ прелисл. Валерія Брюсова. (М. 1904. Ц. 2 р.).
2. Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. (М. 1904. Ц. 2 р.).
3. Э. Сологубъ. Жало Смерти. Разказы. (М. 1905. 1 р. 50 к.).
4. Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, изд. подъ ред. Валерія Брюсова. Съ приложеніемъ факсимиле рукописей. (М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.).
5. Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни А. С. Пушкина. (М. 1903. Ц. 1 р.).

6. Сѣверные цвѣты. Альманахъ. на 1901 г. Стихи, рассказы и статьи. Обложка К. Сомова. (М. 1901. Ц. 1 р.).

7. Сѣверные цвѣты. Альманахъ на 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. (М. 1902. Ц. 1 р.).

8. Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія. Обложка О. Бергслея. (М. 1904. Ц. 75 к.) и Жагалисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. (М. 1905. Ц. 65 к.).

9. А. Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія. (М. 1901. Ц. 60 к.) и М. Метерлинкъ. Избіеніе младенцевъ. Рассказъ. Со вступит. статьей А. ванъ-Бевра. (М. 1904. Ц. 40 к.).

10. Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. (М. 1905. Ц. 50 к.) и Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Памфлетъ. (М. 1902. Ц. 70 к.).

Подъ №№ 8, 9 и 10 высылается одновременно двѣ книги. Пересылка всѣхъ этихъ изданій за счетъ подписчиковъ по дѣйствительной стоимости.

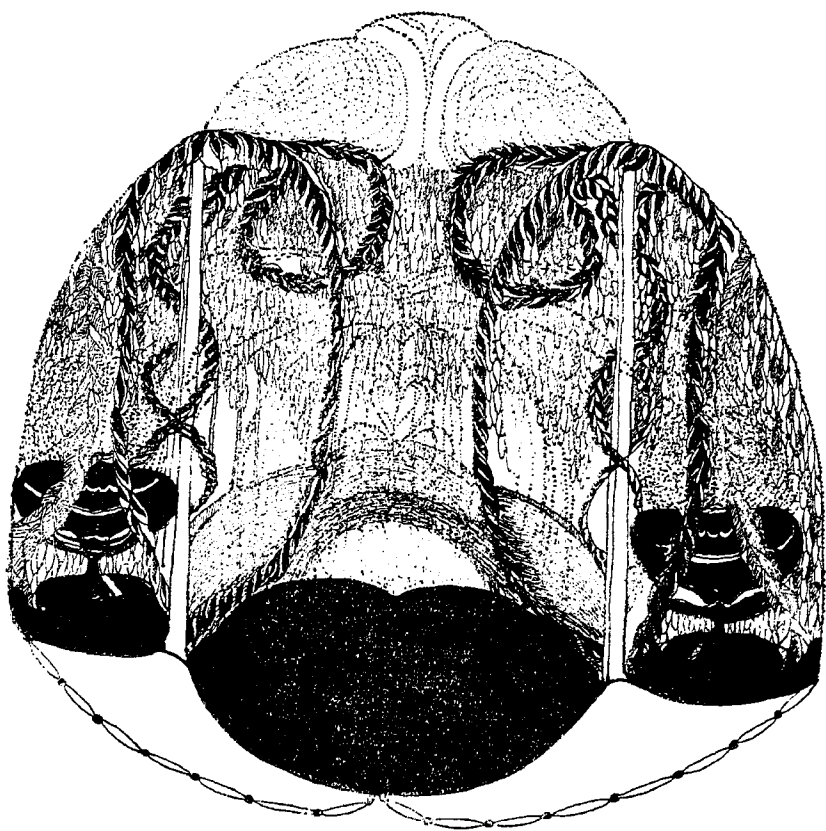
Всѣ подписчики на 1907 годъ пользуются при выпискѣ изъ редакціи изданій к—ва „Скорпіонъ“ скидкой отъ 15 до 50%.

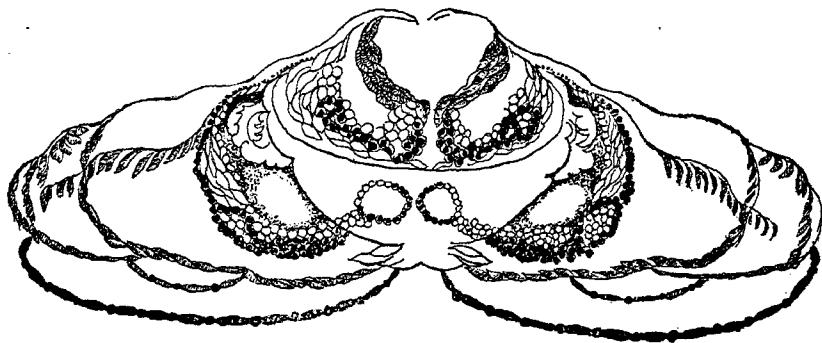
Подписчики „Вѣсовъ“ при подпискѣ на художественный журналъ „Золотое Руно“ пользуются скидкой въ 10%, уплачивая въ годъ 13 р. 50 к. вмѣсто 15 р.

Адресъ главной конторы: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23, книгоиздательство „Скорпіонъ“. Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Садовая, 18, складъ „Комиссіонеръ“.

Редакторъ-издатель С. А. ПОЛЯКОВЪ.

ВЪ ДНЕВНОМЪ ХОРОВОДѢ.

7 СТИХОТВОРЕНІЙ.

І. СЛАВЬСЯ, УТРО.

ОРАТОРІЯ.

Io nascui ogni mattina.

G. d' Annunzio.

Ты каждый день, жемчужно-золотое,
Приходишь къ намъ изъ Божьей глубины—
Сзывать сердца на пиршество святое,
Возвечь людскіе трепетные сны!

Едва—взметнувъ свой факель огнецвѣтный—
На выси горъ Ты кинешь первый лучъ,
Ты всюду въ мірѣ слышишь гимнъ отвѣтный,
Гдѣ каждый возгласъ празднично-пѣвучъ...

Сверкнувъ росой на каждомъ темномъ склонѣ,
Ты льешься съ пѣньемъ въ каждый дымный доль,—
Дрожишь, гудишь—и въ колокольномъ звонѣ
И въ радостномъ жужжаньи раннихъ пчель;

Въ Твой звонкій часъ, въ готовности раскрыться,
Просторъ лишь ждетъ воскресаго луча,
Чтобъ трепетомъ сверканья озариться.—
Чтобъ стала жизнь, какъ пламя, горяча...

И вотъ, расторгнувъ дымную преграду
Въ Твой свѣтлый вихрь вплетенныхъ облаковъ,
Ты ринулось, подобно водопаду,
И нѣтъ границъ—и нѣтъ Тебѣ оковъ!

И въ первый мигъ живого содраганья
Весь міръ поетъ, какъ вѣщая струна,
И вся земля, что кубокъ ликования,
Тобой—до края—огненно-полна!—

Но если Ты своей лазурной славой
Зажгло поля и даль зеркальныхъ водъ
И пронеслось надъ каждою дубравой,
Какъ звонкихъ вихрей свѣтлый хороводъ;

И если Ты, живымъ прикосновеньемъ,
Коснулось ярко cadaго цвѣтка
И свой же лучъ, волшебнымъ дуновеньемъ,
Спѣшишь раздуть въ порывѣ вѣтерка,—

Ты все жъ нигдѣ съ такою силой звонной,
Такъ пламенно, раскрыться не могло,
Пока, во мглѣ, свою пѣсней стройной—
Людское сердце въ мірѣ не зажгло!

Едва пастухъ, на Твой призывъ звенящій,
Запѣлъ о часѣ радостныхъ чудесъ,
Уже оно, что птица въ темной чашѣ,
Приемлетъ кличъ отъ пламенныхъ небесъ,—

И все, что Ты, владея Божьимъ міромъ,
Могло раскрыть въ восторгѣ красоты,
Въ горячемъ сердцѣ дышитъ вешнимъ пиромъ,
Таинственнымъ просторомъ высоты,—

Твой горній свѣтъ, пролившійся обильно,
Воззвалъ къ нему, склоненному ко сну,

И вотъ, оно теперь уже бессильно
Свою—Твою—измѣрить глубину!

Еще морской напѣвный валъ
Къ дневной тревогѣ не воззвалъ,—
Еще, въ горахъ, туманъ ночной
Виситъ, дымясь, надъ крутизной,—
Еще орелъ своимъ крыломъ
Не машетъ въ небѣ голубомъ,—
Уже земля обнажена,
Какъ ширь, какъ даль, какъ глубина,
И пѣнно каждая струя,
Стремится въ русла бытія,
Чтобъ всѣхъ коснулось Торжество
Всѣмъ свѣтомъ часа своего!
И вотъ, въ просторѣ безъ границъ
Сверкнулъ за роемъ рой зарницъ
И всюду ливнемъ изъ огня
Поеть-пылаетъ радость дня,
И въ дальній гулъ и въ ближній крикъ,
Восторгъ стремленія проникъ!
Какою сказкой неземной,
Во всемъ, возникъ алмазный зной!
Какая сила у луча!
Какъ ласка жизни горяча!

Безконечно шумна свѣтовая волна,
Гдѣ, въ жемчужномъ вѣнцѣ, голубѣетъ весна,
Гдѣ, какъ огненный шитъ, Божье утро горитъ,—
Гдѣ просторъ безпредѣльно раскрытъ!

Много замкнуто въ ней искрометныхъ огней
И мгновений и долгихъ безоблачныхъ дней,
Что зажгутся не разъ, какъ рубинъ, какъ алмазь,
Въ благодатный строительный часъ!

Въ брызгахъ этой волны, неземной глубины,
Вспыхнутъ мысли, засвѣтятся вѣщія сны,—
Оросятся поля, утолится земля,
О продленіи часа моля!

Подъ дождемъ огневымъ станетъ сердце живымъ,
 Беззавѣтно-упорнымъ, разсвѣтно-инымъ,—
 И заискрятся всѣ, въ перевозданной красѣ,
 Какъ сіяніе Утра въ росѣ!—

Льются волны воскресшаго свѣта
 Въ безпредѣльный просторъ безъ конца,
 Чтобы вспыхнуло празднество лѣта
 И на нивѣ и—въ сердцѣ жнеца!

Разгораясь пожаромъ всемірнымъ,
 Чередуются вихремъ огни
 И горять трепетаніемъ пирнымъ
 Даже въ тѣхъ, кто томится въ тѣни...

Въ ликованіи кубковъ заздравныхъ
 На разсвѣтномъ великомъ пиру,
 Нѣтъ у знойнаго Солнца неравныхъ,
 Невплетенныхъ въ живую игру,—

То, что вспыхнуло въ сердцѣ усталомъ,
 То, что утро зажгло въ небесахъ,—
 Трепетанье въ великомъ и маломъ
 Равновѣсно на вѣчныхъ вѣсахъ,—

Всюду, Утро, безмѣрно и щедро
 Воспылало Твое торжество—
 Да расторгнутся темныя нѣдра
 Благодатью луча Твоего!

2. УТРЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Чу! Свѣтаетъ! Сумракъ таетъ,
Обнажается земля,—
День пригожій, праздникъ Божій,
Будить роши и поля!

Изобильно и всеильно
Брызжетъ золотомъ лучей,
Въ міръ дымномъ свѣтлымъ гимномъ
Льется шире, горячѣй...

Раздувая, развѣвая
Стаи темныхъ облаковъ,
Зеленѣетъ, голубѣетъ,—
Кинетъ лучъ и—нѣтъ оковъ!

Съ пѣсней вольной, колокольной,
День раскинулся, горитъ,—
На просторъ, будто море,
Плещетъ, пѣвнится, гудитъ...

3. ПОЛДЕНЬ.

Полдень.. Граней нѣтъ простору!
Высь и долъ—какъ изъ огня,—
Весела дорога въ гору,
Къ золотой вершинѣ дья!

Въ юномъ сердцѣ—въ знойномъ небѣ—
Тишь—сіянье—синева...
Славься, первый тайный жребій!
Звонче, свѣтлыя слова!

Тѣнь мелькнетъ ли—въ свѣтѣ общемъ—
Мы, сестра моя, съ тобой
На прохладу не возропшемъ,
Ласку выси голубой...

Вихрь примчится-ль, дугъ ероша...
Мірѣ—ромашка, ты—пчела,—
Пусть твоя земная ноша
Будетъ сладко тяжела!

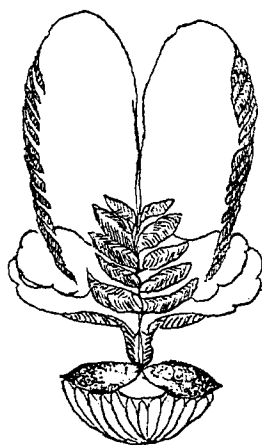
4. ПРИБОЙ.

Поеть, гремитъ дневное море
О роковые берега...
Въ его валахъ—нѣмое горе,
Въ нихъ—смѣхъ осилившихъ врага,—
Ихъ блескъ—какъ радость въ вешнемъ взорѣ,
Ихъ блескъ—какъ зимніе снѣга...

Вотъ, первый валъ, побѣдно-гнѣвный,
Призывно вскинутый на мигъ,
Хочочетъ съ радостью напѣвной,
Бросая въ воздухъ звонкій крикъ,—
О томъ, что ярче лучъ полдневный
Въ него сіяніемъ проникъ...

За нимъ, чуть пѣня глубь морскую,
Возсталъ другой, взрывая иль,
И хлынулъ въ тишь береговую
Угрюмо, грузно и безъ силъ,
Какъ еслибъ ношу роковую
Усталый путникъ съ плечъ свалилъ,—

И въ каждый мигъ—лишь съ силой разной—
Гремитъ прибой, наединѣ,
То озабоченный, то праздный,
Какъ сердце темное во снѣ,—
Поетъ свой гимнъ однообразный
Непостижимой Тишинѣ...

5. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Л. Г. Щукиной.

Вырыты извилисто
 Русла бытія,
И дорогой илистой
 Мечется струя...

Съ плескомъ несмолкающимъ
 Воетъ вѣтра свистъ,—
Горе погибающимъ—
 Берегъ каменистъ!

Въ высь отвѣсно строится
 Зданье темныхъ скалъ,—
Негдѣ успокоиться,
 Какъ бы ни усталъ...

Только вспыхнетъ сладостно
 Въ пѣнѣ солнца лучъ
Да вольтется радостно
 Чистый Божій ключъ,—

Только въ ночь бездонную
Звѣзды съ высоты
Бросать въ душу сонную
Трепетъ красоты...

Въ колыбели илстой
Свѣтлая струя...
Сумрачны, извилисты,
Русла бытія...

6. ДѢТСКІЕ СТРАХИ.

Въ нашемъ домѣ нѣтъ затишья...
Жутко въ сумракѣ ночномъ
Все тужить забота мышья,—
Миръ не весь окованъ сномъ!

Кто-то ищетъ, шаритъ, гложетъ,
Бродитъ, крадется въ тиши,—
Отгоняетъ и тревожитъ
Сладкій, краткій миръ души,—

Чѣмъ-то стукнулъ ненарокомъ,
Что-то грузно уронилъ,—
Въ нашемъ домѣ, одинокомъ,
Бродятъ выходы могилъ!

Всюду—вздохи, всюду—тѣни,
Шопотъ, дробный стукъ копытъ,
Вотъ ужъ кто-то лѣзетъ въ сѣни,—
Что-же входъ-то не закрыть!

Вражьей силѣ нѣтъ преграды,—
Въ домѣ больше не свѣтло,
И колеблетъ свѣтъ лампады
Чье-то темное крыло...

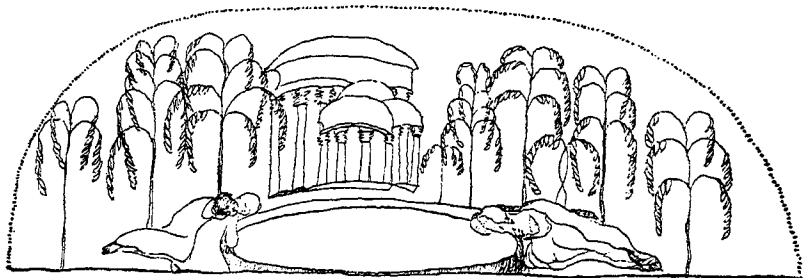
7. МАЯТНИКЪ.

Въ тягостномъ сумракѣ ночи нѣмой
Мѣрно качается Маятникъ мой,—
Съ визгомъ протяжнымъ, то ржаво скрипя,
Каждый замедлившій мигъ торопя...

Будто съ тоской—по утраченнымъ днямъ—
Кто-то по древнимъ, глухимъ ступенямъ,
Поступью грузной идетъ, въ глубину,—
Ниже, все ниже, все глубже,—ко дну...

Будто съ угрюмой мольбой—о быломъ—
Сумрачный Кормчій упорнымъ весломъ
Глухо, отрывисто, гонитъ ладью,—
Въ даль, въ неизвѣстную Пристань мою...

Злой Перевозчикъ стучитъ да стучитъ...
Дальше, все дальше, все глуше звучитъ
Всѣмъ неизбежный, безжалостный врагъ,—
Всѣмъ неминуемый Времени шагъ...

ТРИ СЮИТЫ.

12 СТИХОТВОРЕНИЙ.

1. СТРУНЫ.

1.

Вѣтъ вѣтеръ, воегъ вѣтеръ,
Сѣрый дождь течетъ, сѣчетъ;
Приуныль слезливый Питеръ—
И молчить, и не молчить.

Тусклымъ пологомъ тумана
Занавѣсился фонарь;
Гдѣ-то чудится измѣна,
Вяло слышится: не вѣрь!

2.

Слышу шорохъ, шумъ и шелестъ
Вечерами темными;
Ахъ, зачѣмъ брожу я холостъ
Съ грезами безумными.

Вонъ, спѣша летить ворона—
Крыльями повѣяла;
Вонъ вдали кричить сирена—
Душу мягъ измаяла.

3.

Ночь какъ сонъ спокойна.
Только сердце слышу.
Медленная тайна
Обнимаетъ душу.

Вотъ напѣвъ дыханья;
Тишина трепещетъ.
Прежнія видѣнья;
Сердце ждеть—не ищетъ.

4.

Спитъ вагонъ.
Воетъ вѣтеръ.
Я одинъ.
Близокъ Питеръ.

Вновь туманъ.
Вновь видѣнья.
Жду измѣнь.
Жду свиданья.

II. РОМАНСЫ О ГРАФѢ ВИЛЛАМЕДЬЯНѢ.

I.

Былъ турниръ великолѣпенъ.
Жарко бились кавалеры—
И герольды возгласили
Многихъ храбрыхъ имена.
Кто же первый? Чей же рыцарь—
Побѣдитель всѣхъ безстрашныхъ,
Славныхъ рыцарей кастильскихъ,
Слугъ Филиппа короля?
Онъ явился на арену
Весь покрытый чешуею
Изъ серебряныхъ реаловъ—
И блистая, и звени.
Вотъ уже въ пыли и въ славѣ
За наградой къ королевѣ
Онъ идетъ—и смотритъ смѣло;
На щитѣ—его девизъ.

Mis amores son reales—
Королева прочитала;
Передъ ней стоялъ, склоняясь,
Храбрый графъ Вилламедьяна.

2.

Гдѣ была еще на свѣтѣ
Ослѣпительнѣй картина—
Торжество въ Аранхуэсѣ
Въ честь четвертаго Филиппа?

Но всего прекраснѣй—сцена.
Здѣсь—гирлянды стройныхъ дамъ.
Съ ними роза—королева
Льетъ созвучій ароматъ.

Чье искусство въ монологахъ
Остроумномъ, томномъ, страстномъ?
Кѣмъ же, кѣмъ онъ созданъ, Боже?
Элегантнымъ, нѣжнымъ графомъ.

И веселымъ, гордымъ взглядомъ
Графъ на сцену посмотрѣлъ.
Онъ перомъ владѣлъ какъ шпагой,
Нашъ изящнѣйшій поэтъ.

3.

Граціозна Изабелла—
Утомленная, одна...
Проходила королева
Галлереями дворца.

Кто-то вонъ—за нею слѣдомъ.
Мигъ—погоня ужъ близка,—
Двѣ ладони взмахомъ смѣлымъ
Вдругъ закрыли ей глаза.

Не смутилась королева—
И съ улыбкой на устахъ
Молвить весело, напѣвно:
«Полно! Что такое, графъ!»

Ужъ не держать. Свѣтомъ бѣлымъ
День блеснулъ ея очамъ.
Обернулась—съ ликомъ гнѣвнымъ
Передъ ней король стоялъ.

4.

Кавалеръ, поэтъ и рыцарь—
Стройный, смѣлый, горделивый—
Въ яркій день съ толпой веселой
Шелъ по площади столицы.
Вдругъ онъ видитъ: справа, слѣва,
Впереди—иные люди:
Трое въ черныхъ полумаскахъ...
«Смерть во имя короля!»
И сверкнули три кинжала—
И, смертельно пораженный,
Онъ упалъ на мостовую;
А убійцы, а злодѣи—
Трое въ черныхъ полумаскахъ—
Скрылись тотчасъ же, мгновенно
Поглощенные толпою.
И толпа стоитъ надъ нимъ.

И, къ землѣ уже склоняясь,
Произнесъ спокойно, ясно:
Mis amotes son reales—
Вѣрный графъ Вилламедьяна.

III. ЭЛЕГИЧЕСКАЯ СЮИТА.

I.

За полночь, завывающей зимой,
Безъ блеснокъ, и звѣздъ, и луны,
Когда ты возвращаешься домой
И видишь, что окна темны,—

Еще ты приближаешься и ждешь:
Рядъ оконъ засвѣтитъ вотъ-вотъ...
Но чуешь засмѣявшуюся ложь,—
И сердце во мракъ упадетъ.

И, слившись съ заполюночной зимой,
Поймешь ты и то, что темно;
Спокойно ты постигнешь, что домой
Вернуться душѣ не дано.

2.

КОНЕЦЪ МАРТА.

Пято туманной луны
Маячить въ выси туманной.
А снѣгъ, дыша умиленностью,
Исходить каплями благодствыми.

Подъ снами нашими тягостными
 И здѣсь весенней влюбленностью—
 Больною, тусклой, обманной—
 Мы всѣ—уже влюблены.

3.

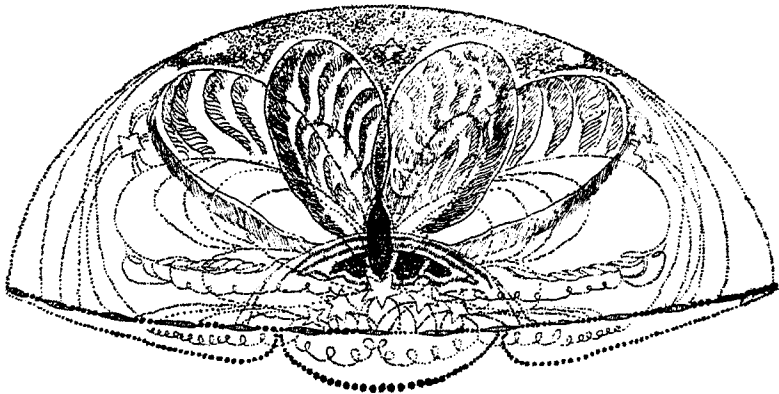
ИСТОМА.

Душень яркій зной,
 Никнешь головою.
 Папоротникъ сквозной
 Съ ласковостью живою—
 Словно сонъ колышится;
 Ты подъ нимъ въ забывчивости;
 Чувствуется и слышится
 Снящееся въ расплывчивости.

Тихо взоръ замкнулъ
 Ты зарей пурпурной.
 Вслушивайся же въ гулъ
 Жизненности лазурной—
 Въ сны благоуханные,
 Легкіе и тягостные,
 Призрачные, неожиданные,
 Солнечные и благостные.

4.

Когда я въ августѣ, въ закатный часъ, иду
 Въ моемъ запущенномъ мечтательномъ саду,
 И этотъ ясный часъ различно—одинаковъ
 Въ покровѣ, рѣющемъ на купахъ мальвъ и маковъ,
 На листьяхъ и цвѣтахъ, на небѣ и землѣ,—
 И я среди цвѣтовъ качаюсь на стеблѣ,
 И тихо насъ манить, прозрачной дремой вѣя,
 Лилово-свѣтлая плѣнительная фея.

СПУТНИКИ.

СКАЗКА.

Впервые мы встрѣтились съ ними въ безмѣрной осенней степи, къ вечеру, когда ноги у насъ отказывались двигаться, а наши тяжелыя сердца уже устали биться и биться—тупою скорбью безконечнаго пути...

Говорю, къ вечеру, судя исключительно по нашей полной изнуренности.

Въ дѣйствительности же могъ быть еще второй часъ дня, и даже первый, а то и полдень — или еще раньше... Ибо о времени мы знали только то, что оно—безконечно и медлительно до удушья. И всѣ наши соображенія о немъ основывались исключительно на внутреннихъ признакахъ истощенія силъ, отчаянія, — тяжело, звонкимъ бѣненіемъ, стучавшей въ нашихъ вискахъ крови.

Изжелта-блѣдное въ то утро солнце, по которому мы могли бы судить о текущемъ часѣ,—едва мы вступили въ степь,—очень скоро скрылось за необычно-сѣрыми, похожими на сухой дымъ, все ниже и ниже нависавшими, облаками...

Въ началѣ дня мы опредѣляли разстояніе, — а по нимъ и

время,— по тому, насколько становился выше и виднѣ какой-нибудь изрѣдка попадавшійся курганъ, впереди насъ, или по тому, какъ медленно уходилъ въ землю, еще болѣе рѣдкій, придорожный крестъ, позади. Но и они, какъ и вся пустынная безграничная равнина, стали сначала едва различимы, а потомъ совершенно исчезли, въ дымчатомъ, странно густѣвшемъ, воздухѣ, который, незамѣтно, перешелъ въ непроницаемый для глазъ, изсиня-сѣрый, сухой туманъ.

Въ этомъ туманѣ мы вполнѣ ясно различали вокругъ себя землю всего на двадцать шаговъ съ небольшимъ; на такомъ же приблизительно протяженіи вверхъ, страннымъ сводомъ, туманъ выгибался надъ нами, замыкая насъ въ неизмѣнную въ своемъ объемѣ, двигавшуюся вмѣстѣ съ нами, сумрачную полость.

Подавленные уныніемъ осенняго простора, въ первыя мгновенія мы отчасти были даже рады своему воздушному—гробу. Но очень и очень скоро онъ превратился въ мучительное орудіе нашей первой жизненной пытки, въ несказанный ужасъ нашего перваго исканія...

Началось это съ легкой озадаченности, съ стѣльныхъ толчковъ возраставшаго недоумѣнія...

Нами овладѣвало какое-то смутное безпокойство. Мы стали замедлять шагъ, вопросительно переглядываться между собой. Порой даже останавливались и, притаивъ дыханіе, напряженно прислушивались къ тишинѣ, которая, въ первый разъ, поразила насъ своею, казалось, только теперь наставшею, волнующе-безжизненной глубиной.

И мы молча, скрывая другъ отъ друга болѣзненное, находившее какъ-то волнами, чувство остраго страха, устремлялись впередъ, ускореннымъ почти до бѣга шагомъ, въ надеждѣ во что бы то ни стало вырваться изъ этой омерзительной полости въ непроглядно-сѣромъ туманѣ.

Но нашъ заколдованный кругъ передвигался вмѣстѣ съ нами...

Намъ начинало казаться, что въ туманѣ притаилось нѣчто чудовищное, только и ждавшее, чтобы мы подошли къ нему на разстояніе прыжка...

И такъ какъ всѣ встрѣчные предметы выступали изъ туман-

на вдругъ, точно внезапно возникая передъ нами, то стоило случайному бугорку земли, или пучку болѣе высокой травы, или кому-нибудь изъ насъ же, ушедшему нѣсколько впередъ, очутиться въ кругѣ нашего зрѣнія, какъ всѣ мы вскрикивали пронзительнымъ крикомъ ужаса и, смертельно-блѣдные, съ искривленными лицами, дрожа всѣмъ тѣломъ, бросались въ кучу и хватались другъ за друга судорожными руками утопающихъ.

Наше положеніе ухудшалось еще и тѣмъ, что видимый кругъ однообразной ровной степи, гдѣ бы и черезъ сколько бы времени мы ни останавливались, при самомъ тщательномъ осмотрѣ, былъ всегда одинъ и тотъ же... Точно мучительными окольными путями мы возвращались къ одному и тому же мѣсту, не подвинувшись къ цѣли ни на шагъ...

Мы не переставали прислушиваться къ безконечной тишинѣ; все чаще и чаще припадали къ землѣ...

Но не было ни отдаленнаго гула, ни одинокаго крика, ни шелеста...

Иногда намъ казалось, что этотъ невыносимый туманъ кончался гдѣ-то сейчасъ же надъ нашими головами. И мы, звѣринымъ движеніемъ, взбирались другъ другу на плечи. Или изступленными прыжками раненыхъ звѣрей, какъ бѣсноватые, подскакивали вверхъ... Или же разбѣгались въ разныя стороны, въ надеждѣ отыскать или курганъ, или крестъ, или дерево... Чтобы какъ-нибудь выглянуть въ свѣтъ и, хотя бы на мигъ, увидѣть пространство и время.

Но въ пустынной степи не попадалось ничего...

И, боясь въ то же время потерять другъ друга, въ несказаномъ ужасѣ одиночества, мы начинали перекликаться хриплыми, дикими голосами и снова сбивались въ одну тѣсную кучу.

И тогда мы, въ послѣднемъ истощеніи силъ, сваливались на землю.

Но отдыха не было...

И мы снова влачились дальше.

Плелись и плелись,—молча, хрипло, какъ въ жару, переводя тяжелое дыханіе,—безсмысленно и тупо смотря каждый передъ собою широко раскрытыми, налитыми кровью глазами...

И, чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ глубже проникала въ наши души мука отчаянія.

И чѣмъ глубже была эта боль въ каждомъ изъ насъ, тѣмъ безпредѣльнѣе становилось наше одиночество...

И въ этомъ послѣднемъ одиночествѣ смерти мы съ непонятнымъ озлобленіемъ ненавидѣли другъ друга за ту же боль...

И чѣмъ больше сжимались наши сердца, тѣмъ крѣпче и судорожнѣе мы обхватывали другъ друга... Но чувство смертельнаго сиротства становилось только чудовищнѣе... Ибо нѣтъ въ мірѣ болѣе скорбнаго одиночества, чѣмъ одиночество объятий...

Наконецъ, мы совсѣмъ выбились изъ силъ, и оцѣпенѣніе животной усталости нѣсколько притупило остроту нашего душевнаго терзанія.

И тогда-то мы встрѣтились съ ними...

Собственно, мы не замѣтили, когда они пришли... Лично мнѣ казалось, что они плетутся съ нами уже давно. Самый юный изъ насъ увѣрялъ, что они выступили изъ тумана только что...

Во всякомъ случаѣ, мы не удивились ихъ появленію. Не ужаснулись, какъ и не обрадовались. Мы всѣ знали, что такъ должно было быть.

Намъ даже не пришлось спрашивать ихъ о пути, такъ какъ въ самый мигъ своего возникновенія, не дожидаясь нашихъ вопросовъ, они, тихимъ печальнымъ хоромъ, пропѣли:

— Мы сами—нездѣшніе... Переселенцы... Кочевые.

Послѣ этого ихъ присутствіе было для насъ, по меньшей мѣрѣ, безразлично.

Самъ я, въ началѣ, почему-то старался не замѣчать ихъ. Но очень скоро какое-то, внушенное мнѣ ими же, любопытство пересилило меня.

Первое, на что я обратилъ вниманіе, были ихъ странные, сѣдые, цвѣта окружающаго насъ тумана, глаза. Во-вторыхъ же, меня волнующе поразили тщедушные тѣла ихъ и, въ особенности, нервное подергиваніе въ складкахъ привычныхъ къ гримасамъ, блѣдныхъ, исхудалыхъ лицъ, которыя положительно не могли остановиться ни на какомъ опредѣленномъ выраженіи.

По общему впечатлѣнію, я готовъ былъ принять ихъ за привидѣнія. Но въ то же время я очень глубоко чувствовалъ въ нихъ нѣчто изначально - земное, рудниковое, или скорѣе, — болотное.

Смѣшные лицомъ и всѣмъ костлявымъ тѣломъ, они были еще смѣшнѣе своими, не по росту, точно съ чужого плеча, клѣтчатыми нарядами, безукоризненнаго, впрочемъ, англійскаго покроя.

Забавны были и ихъ тонкія ноги, какъ и невѣроятно длинныя, почти до колѣнъ, руки съ блѣдными, худыми пальцами. Какъ и многое другое.

Но никто изъ насъ даже не улыбнулся...

Они суетливо, съ какимъ-то преувеличенно - почитательнымъ видомъ, сновали въ нашей толпѣ, заглядывая, поочередно, каждому изъ насъ въ лицо, и, то съ отгѣнкомъ извиненія, а чаще съ выраженіемъ дружескаго укора, покачивали головами, на которыхъ я только теперь замѣтилъ безкровныя, оттопыренныя, скобообразныя уши.

Страннѣе же всего было то, что число ихъ было неодинаково для каждаго изъ насъ, неодинаково даже по двумъ послѣдовательнымъ подсчетамъ одного и того же лица. Я, напри- мѣръ, утверждалъ, что ихъ—всего пять. Мой сосѣдъ настаивалъ на семи; когда же мы принимались считать ихъ, то, на его взглядъ, оказывалось восемь, на мой же—девять.

И въ то же время каждый изъ насъ слишкомъ опредѣленно чувствовалъ и зналъ, что ихъ—одинъ...

Спустя четверть часа, или немного больше, одинъ изъ нихъ, со сплюснутымъ орлинымъ носомъ и еще болѣе изысканными, чѣмъ у остальныхъ, манерами, сталъ выказывать особое вниманіе именно ко мнѣ и, какъ я ни уклонялся отъ него, пошелъ рядомъ со мною, все время стараясь итти въ ногу, часто сбиваясь и суетливо припрыгивая...

Я дѣлалъ видъ, что не замѣчаю его. Но въ то же время, украдкой, чтобы не выдать себя, сколько могъ, старался при- смотреть къ моему незнакомцу поближе.

Точно угадавъ это мое желаніе, на всю ничтожную продол-

жительность каждаго моего взгляда, онъ придавалъ своему — одинъ разъ молодому, другой разъ старому, — неизмѣнно безкровному лицу выраженіе чрезвычайной степенности и дружеской любви, причѣмъ въ его сѣрыхъ зрачкахъ, какъ въ мутномъ опалѣ, то и дѣло вспыхивала красноватая искорка злорадства. А его тонкія, странно натянутыя на челюсти, губы искривлялись въ полупрезрительную, полувиноватую улыбку...

Когда я достаточно присмотрѣлся къ моему спутнику, я сталъ держаться нѣсколько въ сторонѣ отъ него, стараясь обдумать наше несказанное горе.

Но мыслей больше не появлялось...

Вѣрнѣе, всю душу занимала одна мысль, тупая, предсмертная, ясная и непонятная. Или еще вѣрнѣе, это была не мысль, а одно сложное чувство конца, напряженное до того, что малѣйшее усиленіе его останавливало всю кровь, отзываясь физическою болью въ груди. И одной ничтожной доли его — хотя бы моего мучительнаго сожалѣнія о быломъ, — казалось было достаточно, чтобы разбилось живое сердце человѣка...

И не успѣло это чувство дважды сдвинуть мою надорванную грудь, какъ мой спутникъ вдругъ преувеличенно оживился, дружески хлопнулъ меня по плечу и заглянулъ мнѣ въ лицо такимъ пристальнымъ взглядомъ, что по всему моему тѣлу пробѣжала острая дрожь.

— Такова, видите ли, экскурсія въ область неизвѣстнаго, — сказалъ онъ неожиданно, подчеркивая свои пошлыя слова и произнося ихъ какимъ-то театральнымъ, неестественно-важнымъ голосомъ, въ которомъ мнѣ, въ то же время, слышалось нѣчто весьма и весьма знакомое.

И, какъ-то дѣланно вздохнувъ, прибавилъ:

— Разумнѣе довольствоваться тѣмъ, что есть... Всѣ эти порывы и мечты — дѣло ненадежное... Вы совершенно правильно разсудили... Не стоитъ того...

Я хотѣлъ, было, возразить, что ничего подобнаго я и думать не могъ. Но, какъ бы въ отвѣтъ на это мое движеніе, мой спутникъ улыбнулся и сказалъ:

— Виновать! А не разсудили, такъ непремѣнно разсудите. Непремѣнно...

И въ то же мгновеніе, съ какою-то школьническою прытью, онъ внезапно схватилъ меня за руки, откинулся назадъ и, шутовски перебирая худыми ногами, сталъ быстро и долго, до головокруженія, вертѣться со мною.

Наконецъ, мнѣ удалось вырваться изъ его рукъ. Я снова пошелъ дальше, держась на нѣкоторомъ разстояніи отъ него. И чѣмъ больше я старался уклониться отъ неизвѣстнаго, тѣмъ глубже чувствовалъ мою внутреннюю зависимость отъ него, какъ еслибы ему было подчинено малѣйшее движеніе моей, когда-то самовластной, человѣческой воли...

Мое сердце сдавило убійственное чувство послѣдней пустоты, изъ моихъ глазъ, горячею струею, впервые въ жизни, полились горькія слезы безсилія. И мой мозгъ, физической болью, жгло невыносимое сознаніе роковой несоразмѣрности силъ человѣка съ его сатанинскою жаждою невѣдомой полноты.

— Вотъ это по-человѣчески, истинно по-человѣчески, — какъ-то нараспѣвъ, бормоталъ Неизвѣстный, голосомъ, оттѣнка котораго я не понималъ.

И въ это мгновеніе мнѣ послышался какой-то отдаленный гулъ, похожій на скорбное гудѣніе погребальнаго колокола.

Очевидно, то же почувдилось и остальнымъ...

Мы остановились и стали напряженно прислушиваться...

— Не извольте беспокоиться. Это—голосъ вашего ожиданія и вашей надежды,—замѣтилъ мой спутникъ и разразился пронзительнымъ, торжествующимъ хохотомъ, отъ котораго, какъ мнѣ казалось, сумрачно загудѣла вся земля.

Безконечный туманъ уже становился гуще и постепенно темнѣлъ.

Мы поняли, что тамъ, въ свѣтломъ мірѣ, заходило солнце.

Нашъ воздушный шатеръ сталъ неуловимо мѣняться и на осеннюю степь легла непроглядная, беззвѣздная ночь.

И у насъ уже не было силъ двигаться дальше...

Я окликнулъ всѣхъ по имени и, скованные смертельною усталостью, съ хриплыми вздохами, мы улеглись на голой холодной землѣ.

Мой спутникъ расположился всего въ нѣсколькихъ верхкахъ отъ меня... При моемъ крайнемъ переутомленіи, нечего было и думать о снѣ. Все же, боясь неизбежной бесѣды, я притворился спящимъ, стараясь придать моему тяжелому дыханію возможную равномерность. Но это нисколько не помѣшало Неизвѣстному вступить со мною въ мучительно волновавшій меня разговоръ.

Я чувствовалъ холодное дыханіе его рѣчи. Старался какъ можно незамѣтно отодвинуться подальше отъ моего зловѣщаго собесѣдника. Но его глухія, сумрачныя слова неотступно слѣдовали за мною, странно раздаваясь въ моихъ ушахъ, точно ихъ нашептывалъ самъ безконечный мракъ ночной.

Онъ произносилъ свои фразы такъ, что, казалось, не обращался ни къ кому. И каждое его слово, огненной надписью, вспыхивало въ моемъ воспаленномъ мозгу.

— Людское сердце алчно рвется къ великой полнотѣ,—шипѣло въ ушахъ у меня.—Къ великой полнотѣ... И человѣкъ слѣпо повинуется таинственному зову... Зову... И волшебный кладъ снится ему. Снится ему... И онъ ищетъ его. А весь безграничный міръ кругомъ мечется въ бреду вѣчной ночи. Ночи... И онъ затерянъ въ ней... Ему снится пожаръ. А въ мірѣ — только искры... Немного тепла и свѣта, а все остальное — темнота и холодъ. Темнота и холодъ...

Онъ какъ-то странно захихикалъ. Потомъ умолкъ. Снова захихикалъ. И снова умолкъ.

Я не выдержалъ своей роли спящаго и, скрежеща зубами, застался.

— А я думалъ, вы спите, — засуетился Неизвѣстный, пользуясь этимъ предлогомъ, чтобы придвинуться ко мнѣ почти вплотную.

И я чувствовалъ, что онъ пристально смотритъ на меня, сквозь мучительную темноту, въ которой я не видѣлъ ничего, кромѣ желтыхъ круговъ въ моихъ собственныхъ глазахъ.

— А я, видите ли,—началъ онъ, точно все время молчалъ,—я тутъ, видите ли, былъ всецѣло поглощенъ мыслью о Блудномъ Сынѣ... Такая ночь поразительно располагаетъ къ размышле-

нію... Да и тема чрезвычайно поучительная. Откровенно говоря, въ этомъ дѣлѣ меня особенно интересовала всегда одна его сторона... Признаться, я—вообще одностороненъ. Говорять, это—дурно... А почему дурно?—Но это къ дѣлу не относится.— Повторяю: меня занимаетъ, во всемъ, одна сторона вопроса. Та, которую въ каждомъ данномъ случаѣ не принято замѣчать... Я отыскиваю ее. И считаю своимъ долгомъ, обратить на нее вниманіе ближняго. Такъ сказать, для полноты картины. Исключительно для полноты картины!..

И тутъ онъ какъ-то кровожадно захохоталъ. И, немного помолчавъ, странно шутивымъ голосомъ, продолжалъ:

— Въ Блудномъ Сынѣ меня прежде всего поражаетъ это его, съ позволенія сказать, въ высшей степени ребяческое легкомысліе... Во-первыхъ, совершенно неразумно отдѣляться отъ Отца... Но вольному воля... Онъ потребовалъ и получилъ свою долю сполна... И промоталъ!.. Впрочемъ... Можетъ быть, и сама-то людская доля не Богъ вѣсть что... Къ тому же купить нѣсколько сладкихъ мгновений цѣною будущаго, цѣною всего достоянія жизни человѣческой—вещь, знаете ли, немалая. Согласитесь, что въ этомъ есть какая-то своеобразная и, можетъ быть, даже великая красота. Своего рода подвигъ... Еслибъ за этимъ не послѣдовало раскаяніе. Оно какъ-то сразу обезцѣниваетъ, чтобы не сказать, опошляетъ, весь смыслъ дѣла... Вы только взвѣсьте: завидовать свиньямъ... Позоръ!.. А потомъ весь этотъ обратный путь въ отчій домъ... Отсутствіе всякой гордости! Воистину: Аки песь... Эхъ-эхъ-эхъ!

Вся его рѣчь дышала безконечнымъ уныніемъ холодного пожара. Каждое слово его звучало, какъ сумрачный шелестъ безконечнаго осенняго дождя.

Наконецъ, мною овладѣло тяжелое равнодушіе приговореннаго къ смерти, и я сталъ засыпать.

И, засыпая, сквозь удушливый, исполненный ужасающихъ видѣній, сонъ, я еще долго слышалъ отдѣльные слова безрадостной рѣчи Неизвѣстнаго, которыя онъ произносилъ тоскливо-безучастнымъ голосомъ дьячка, читающаго свои слишкомъ знакомыя и слишкомъ постылыя молитвы...

Онъ говорилъ о проклятіи сомнѣнія, о малодушіи людского сердца, о мимолетности человѣческаго порыва, о роковой отдѣльности и горькомъ сиротствѣ человѣка...

Онъ говорилъ и говорилъ... О совмѣстимости несогласуемыхъ побужденій въ человѣческой волѣ, о случайности людского сознанія, о вѣчномъ отливѣ бытія...

Говорилъ о скукѣ Рая... Говорилъ о мнимой цѣнности утраченного. Объ ужасѣ Голода и мерзости хлѣба насущнаго... Пока его слова не перешли въ невыносимый потокъ чудовищныхъ видѣній моего сна, передъ каждымъ изъ которыхъ блѣднѣла нечеловѣческая пытка нашей дѣйствительности...

Мы проснулись отъ изступленнаго крика одного изъ насъ:
— Солнце! Солнце!

И это далекое осеннее солнце еще никогда и никому въ мірѣ не свѣтило такъ ярко!

— Солнце! Солнце! — преображенные, шептали мы сквозь слезы.

Ко всѣмъ далямъ откинулась сѣрая осень, въ безмѣрной степи...

Но она была краше весны...

Далеко-далеко на Западѣ, по самому кругу горизонта, зубчатою блѣднѣющей короною, сіяли облака. Вѣроятно, туманъ предыдущаго дня. Теперь онъ былъ какъ волшебный призракъ въ солнечномъ хороводѣ.

И только изрѣдка, когда въ солнечномъ пламени дымно загоралось случайное облачко и ярче засвѣчивались въ его недолгой тѣни наши блѣдныя лица, мы невольно вздрагивали отъ мучительнаго воспоминанія о недавнемъ...

И только безпредѣльнѣе радовались далекому солнцу...

И радостнѣе, чѣмъ на солнце, мы смотрѣли на одинокія башни нашего родного города. И благословляли руку, въ безвѣстномъ блужданіи, приведшую насъ назадъ—къ отчему дому...

Нашихъ спутниковъ, утромъ, съ нами не оказалось...

Но съ этого дня къ веселому звону нашихъ, еще недавно

шутливыхъ рѣчей, къ нашему юношески-серебристому смѣху, къ легкому біенію нашихъ дѣвственно-беззавѣтныхъ сердець, — ко всей могучей бодрости нашихъ душъ стали примѣшиваться какіе-то загадочные, глухіе и темные, звуки, — перевивали ихъ тѣнью, вплели въ нихъ неувѣренность и робость, и каждый изъ насъ уже пересталъ узнавать свой собственный голосъ.

Нашихъ спутниковъ, утромъ, не оказалось...

Но это была лишь первая встрѣча...

Прошло немного лѣтъ... Надо мною искрилось небо. Флоренціи...

Въ одинъ изъ пустынныхъ часовъ, когда мое сердце больше обычного замирало отъ горечи человѣческаго сиротства, я отправился въ монастырь св. Марка, чтобы хоть сколько-нибудь вздохнуть подъ неземныя созвучія возвышенной мессы Палестрины.

Въ прозрачномъ полумракѣ мирной святыни я увидѣлъ всего нѣсколько молящихся... И среди нихъ молодую женщину невыразимой красоты, кормившую обнаженной грудью своего ребенка...

Величавое пѣніе органа, святая Чаша на Божьемъ алтарѣ и эта нѣжная грудь матери казались мнѣ божественнымъ единствомъ одного и того же таинства...

И едва я, въ благоговѣннй, склонилъ свои колѣни, какъ увидѣлъ рядомъ со мною отвратительное лицо моего собесѣдника того осенняго вечера... Онъ какъ-то по-особенному зачмокалъ тонкими безкровными губами, короткимъ движеніемъ оттопыренного большого пальца лѣвой руки, какъ-то черезъ плечо, трижды указалъ на женщину и хриплымъ, похотливымъ на визгъ разгоряченнаго похотью звѣря, голосомъ промычалъ:

— Да вы только взгляните — вы только взгляните: какой дьявольски-соблазнительный изгибъ...

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ...

Я бродилъ съ моей возлюбленной по сказочнымъ садамъ графа Корсини...

Моя грудь пылала невыразимымъ трепетомъ нечеловѣческаго счастья. По склону холма, гребнями пѣвѣчныхъ волнъ, раскинулась волшебная флорентійская весна... Малѣйшая былинка была напряжена ликующимъ избыткомъ жизни...

И, только мы подошли къ узорной рѣшеткѣ вдоль улицы, какъ вдругъ, изъ-за угла, появилось погребальное шествіе. И безжалостный Неизвѣстный тотчасъ же замахалъ мнѣ шляпой, изъ толпы шедшихъ за гробомъ. Загѣмъ подбѣжалъ къ рѣшеткѣ, показалъ пальцемъ на мою возлюбленную и потомъ на гробъ, и еще на гробъ и еще на возлюбленную, и, вытянувъ впередъ свою длинную худую шею,—какъ готовый запѣть пѣтухъ, дважды громко прокричалъ:

— Ощутите это вмѣстѣ! Ощутите это вмѣстѣ!

Съ тѣхъ поръ я все чаще и чаще встрѣчаю его...

Наши пути перекрещиваются всякій разъ, когда меня осянуетъ благодатная искра жизни, когда на мою темную душу нисходитъ лучъ добра, когда моя кровь пылаетъ радостью стремленія...

Еще совсѣмъ недавно... Изъ шумныхъ римскихъ улицъ я выбрался въ ночное безмолвіе Авентинскаго холма... Мой тоскующій взоръ поразило величіе звѣзднаго неба. Душевная пустота вдругъ стала наполняться молитвеннымъ трепетомъ какой-то таинственной ласки... Вѣковыя пиніи, казалось, ушли въ такую высоту, что въ ихъ вѣтвяхъ уже пылали волнуяще-крупныя въ этотъ вечеръ звѣзды. Земля слилась съ небесами... Мой сумрачный разумъ вотъ-вотъ готовъ былъ просіять и смириться, наконецъ, въ созерцаніи непостижимой гармоніи міра и вся моя душа уже преображалась въ вѣщемъ чувствѣ единенія съ Богомъ, — какъ вдругъ, противъ церкви св. Сабины, всего въ двухъ шагахъ отъ меня, точно выросъ изъ земли мой безжалостный мучитель...

На его устахъ уже заиграла какая-то омерзительная улыбка...

И, боясь его адскаго слова, въ припадкѣ несказаннаго бѣшенства, я бросился къ этому чудовищному воплощенію моего земного проклятія, выхватилъ кинжалъ и, насколько позволяло расчитать мое волненіе и стремительность неожиданнаго для

Изъ серіи рисунковъ «Dances Ragassiennes» Дж.-Дж. Фрислэндера.

меня самого удара, казалось, вонзилъ ему остріе прямо въ область сердца...

Но Незвѣстный, юркою тѣнью, пригнулся къ землѣ и исчезъ...

Моя рука со всего размаха уткнулась въ каменный заборъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что кинжалъ сломался и блестящій кончикъ его, отскочивъ далеко въ сторону, запрыгалъ по мостовой съ тонкимъ звономъ, похожимъ на рѣзкое, отрывистое хихиканье...

А на мѣстѣ моего удара я увидѣлъ грязное, пожелтѣвшее отъ сырости, театральное объявленіе, гдѣ, среди другихъ полустертыхъ крикливыхъ словъ, я вполнѣ отчетливо могъ разобратъ:

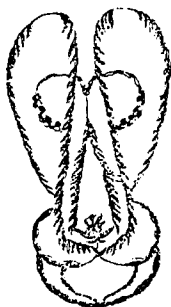
— Ново, хоть старо!!! Всемирный успѣхъ!!!

И нѣсколько ниже, между двумя рядами огромныхъ указательныхъ пальцевъ, по три съ каждой стороны, аршинными буквами, было напечатано:

— Поучительная комедія подъ названіемъ—

— Демонъ Двойственности.—

Ю. Балтрушайтисъ.

АМЕРИКАНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Оскара Уайльда *.

Оскаръ Уайльдъ посѣтилъ Америку въ 1882 г., съ цѣлью прочитать въ разныхъ городахъ Новаго Свѣта рядъ лекцій по вопросамъ искусства. Слава Уайльда, въ то время уже признаннаго главой известной эстетической школы, перенеслась и за океанъ, и прїѣздъ его былъ своего рода литературнымъ событіемъ для Америки. Газеты посвящали ему цѣлые столбцы, подробно описывая его наружность, костюмъ, манеры, привычки, передавая афоризмы и остроумныя изреченія, которыя онъ разсыпалъ на интервью. Свои лекціи онъ началъ въ Нью-Йоркѣ, 9 января 1882 г., краткимъ но блестящимъ, сообщеніемъ о „Англійскомъ Возрожденіи“. Эта лекція, возстановленная по газетнымъ отчетамъ того времени (съ какой точностью — судить трудно) — единственное, что до насъ дошло изъ всего прочитаннаго Уайльдомъ въ Америкѣ. Отъ остальныхъ лекцій сохранились лишь заглавія, общее содержаніе и кое-какія отдѣльныя мѣста. Такъ, объѣзжая главнѣйшіе города Соединенныхъ Штатовъ и Канады, Уайльдъ, кромѣ лекціи о „Англійскомъ Возрожденіи“, читалъ и о „Декоративномъ искусствѣ“, о вопросахъ связанныхъ съ „реформами въ искусствѣ и одеждѣ“ и т. д. При этомъ Уайльдъ высказывалъ не разъ, что американскіе дома безобразны, отдѣланы по-мѣщански, безвкусно, что одна лишь комната въ Америкѣ произвела на него впечатлѣніе — та, въ которой онъ познакомился, въ Камденѣ, съ Уотомъ Уитманомъ. Въ ней было много воздуха и солнечнаго свѣта, а на столѣ стояла лишь простая кружка съ водой. Что же касается поэзіи, то, по мнѣнію Уайльда, величайшимъ поэтомъ въ Америкѣ былъ Эдгаръ По, а Уотъ Уитманъ, если не поэтъ, то, по крайней мѣрѣ — человекъ, давшій нѣчто сильное, можетъ быть не прозу, и не стихи, но нѣчто свое, особенное, „великое, оригинальное, единственное“.

Вернувшись въ 1883 г. въ Англію, Уайльдъ предпринялъ поездку по провинціальнымъ городамъ, читая лично свои „Американ-

* Impressions of America by Oscar Wilde. Edited, with an introduction, by Stuart Mason. Keystone Press. Sunderland. 1906.

скія впечатлѣнія“, нынѣ собранныя въ книгу г. Ст. Мэзономъ, съ любезнаго разрѣшенія котораго мы приводимъ здѣсь изъ нея главнѣйшіе отрывки.

М. Л.

Высадившись въ Америкѣ, я прежде всего былъ пораженъ тѣмъ, что американцы наиболѣе комфортабельно, если не наиболѣе изысканно одѣтые люди въ мірѣ. Тамъ можно видѣть мужчинъ въ ужасномъ цилиндрѣ, но зато мало людей совѣтъ безъ шляпъ. Люди носятъ возмутительный фракъ, но немногихъ можно видѣть безъ пиджака. Во внѣшности этихъ людей чувствуется комфортабельность, это и является рѣзкимъ контрастомъ тому, что мы видимъ у себя, гдѣ слишкомъ часто встрѣчаешь людей въ блискомъ соприкосновеніи съ лохмотьями.

Затѣмъ поражаетъ то обстоятельство, что въ Америкѣ каждый словно спѣшитъ на поѣздъ. Подобное положеніе вещей не можетъ особенно благоприятствовать поэзіи. Если бы Ромео или Джульета находились въ постоянномъ безпокойствѣ о поѣздахъ, или если бы ихъ умы постоянно волновались вопросомъ объ обратныхъ билетахъ, врядь ли Шекспиръ могъ дать намъ тѣ прекрасныя сцены на балконѣ, полныя поэзіи и пафоса.

Америка — самая шумная страна, какая когда-либо существовала. Утромъ васъ будитъ не пѣніе соловья, а гудокъ. И удивительно, что практическій здравый смыслъ американцевъ не устранилъ еще этотъ невыносимый шумъ. Всякое искусство основано на изысканной и нѣжной чувствительности, а подобная непрерывная суматоха должна окончательно уничтожить всякія музыкальныя способности въ людяхъ.

Въ американскихъ городахъ не найти столько красоты, какъ въ Оксфордѣ, Кембриджѣ, Салисбюри или Уинчестерѣ, съ ихъ останками прекраснаго прошлаго; но изрѣдка и здѣсь можно увидѣть много красиваго, правда, только тамъ, гдѣ американецъ не пытался самъ его создать. Тамъ, гдѣ американцы пытались создавать красоту, они всегда терпѣли неудачу.

Характерно для американцевъ, какъ они сумѣли примѣнить науку къ современной жизни. Это бросается въ глаза при самой поверхностной прогулкѣ по Нью-Йорку. Въ Англии на изобрѣтателя смотрятъ почти какъ на сумасшедшаго, и слишкомъ часто открытія кончаются разочарованіемъ и нуждой. Въ Америкѣ изобрѣтателя чтутъ, ему охотно помогаютъ, а изобрѣтательность, примѣненіе науки къ человѣческому труду — тамъ кратчайшій путь къ богатству. Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ машины были бы такъ красивы, какъ въ Америкѣ. Мнѣ всегда хотѣлось вѣрить, что пути красоты и силы — тождественны.

Это мое желаніе осуществилось, когда я взглянулъ на американскія машины. Только увидѣвъ водопроводныя сооружеія въ Чикаго, я позналъ чудеса машиностроенія; поднятіе и паденіе стальныхъ рычаговъ, симметричное движеніе маховиковъ — прекраснѣйшее ритмическое явленіе, какое я когда-либо видѣлъ.

Въ Америкѣ поражаешься,—но не къ лучшему—неимоверной величиной всего. Своей поразительной величиной страна словно хочетъ запугать человѣка и заставить его повѣрить въ свою мощь. Ниагарскій водопадъ меня разочаровалъ — и онъ, навѣрное, разочаровываетъ большинство людей. Въ Америкѣ туда возять каждую невѣсту, и видъ знаменитаго водопада, должно-быть, является однимъ изъ первыхъ, если не однимъ изъ самыхъ ощутительныхъ, разочарованій американской брачной жизни. Вамъ показываютъ его при скверныхъ условіяхъ, издали, съ мѣста, откуда не видно красоты воды. Чтобы оцѣнить его какъ слѣдуетъ, нужно увидѣть его снизу, а для этого надо одѣть желтую „непромокайку“, которая такъ же безобразна, какъ и макинтошъ, а я надѣюсь—никто изъ васъ никогда не носилъ ихъ. Все же утѣшительно знать, что такая артистка, какъ Сара Бернаръ, не только надѣвала этотъ безобразный желтый костюмъ, но даже снималась въ немъ.

Быть можетъ, самая красивая часть Америки — Западъ. Чтобы добраться до него, нужно предпринять шестидневное путешествіе по желѣзной дорогѣ. Во время этой поѣздки я нашелъ мало утѣшенія въ томъ фактѣ, что мальчишки, наводнявшіе вагоны и продававшіе все, что можно ѣсть—или чего не надо ѣсть,—продавали также изданія моихъ стиховъ, отвратительно отпечатанныхъ на какой-то разновидности сѣрой промокательной бумаги, за ничтожную цѣну въ десять центовъ. Отзывая этихъ мальчишекъ въ сторону, я имъ говорилъ, что хотя поэты любятъ популярность, но они все же хотятъ получать и вознагражденіе, а продавать изданія моихъ стиховъ, не давая мнѣ никакого барыша, это значить — наносить литературѣ ударъ, который возымѣетъ весьма вредное воздѣйствіе на начинающихъ поэтовъ. Неизмѣнный отвѣтъ, который я слышалъ, былъ: сами они получали барышъ отъ этого предпріятія, и это все, что ихъ касается.

Въ Америкѣ существуетъ ходячій предрассудокъ, что къ туристу обязательно обращаются со словомъ „иностранецъ“. Меня ни разу не назвали „иностранцемъ“. Когда я поѣхалъ въ Техасъ, меня все звали — „капитанъ“; когда я доѣхалъ до середины страны, ко мнѣ обращались — „полковникъ“, а когда я добрался до границы Мексики, меня ужъ величали „генераломъ“. Въ общемъ, однако, старинная англійская форма обращенія: „сэръ“ — наиболѣе употребительна.

Санъ-Франциско, дѣйствительно, красивый городъ. Китайскій кварталъ (China Town), населенный рабочими-китайцами, наиболѣе художественно-чуткій городъ, какой я когда-либо встрѣчалъ. Жители его—странные, грустные сыны Востока,—рѣшили окружить себя только тѣмъ, что прекрасно. Въ китайскомъ ресторанѣ, гдѣ эти черно-рабочіе сходятся по вечерамъ поужинать, я засталъ ихъ пьющими чай изъ фарфоровыхъ чашекъ, нѣжныхъ, какъ лепестки розъ, тогда какъ въ аляповатыхъ отеляхъ мнѣ подавали глиняныя чашки, толщиной въ полтора дюйма. Когда мнѣ подали китайскій счетъ, онъ оказался на рисовой бумагѣ и былъ написанъ тушью такъ причудливо, словно художникъ рисовалъ птичекъ на вѣрѣ.

Въ Солтъ-Лэйкъ-Сити [Salt-Lake-City] всего два зданія, стоющихъ вниманія. Главное изъ нихъ—Скинія, по формѣ напоминающая суповую миску. Внутри оно расписано единственнымъ мѣстнымъ художникомъ, который религиозныя темы толковалъ въ наивномъ духѣ раннихъ флорентинскихъ мастеровъ, изображая людей нашего времени, въ соответствующихъ одеждахъ, рядомъ съ лицами библейской исторіи, одѣтыми въ разные романтическіе костюмы. Слѣдующее по значительности зданіе называется „Амелія-Палэсъ“, въ честь одной изъ женъ Брайгама Юнга. Когда Юнгъ умеръ, нынѣшній президентъ мормоновъ всталъ среди Скиніи и заявилъ о бывшемъ ему откровеніи, что Амелія-Палэсъ долженъ принадлежать ему и что по этому вопросу никакихъ откровеній больше не должно быть.

Отъ Солтъ-Лэйкъ-Сити ѣдешь дальше по огромнымъ равнинамъ Колорадо, затѣмъ поднимаешься на Скалистыя Горы, на вершинѣ которыхъ находится Ледвилль, богатѣйшій городъ въ мірѣ. Онъ пользуется также репутацией самаго отчаяннаго, и всѣ тамъ носятъ револьверы. Мнѣ говорили, что если я туда поѣду, навѣрное убьютъ или меня, или моего импрессаріо. Тогда я написалъ имъ, что меня они не устрашатъ, что бы они не дѣлали съ моимъ импрессаріо.

Жители Ледвилля — шахтеры, люди, добывающіе металлъ, и по этому я имъ прочиталъ лекцію объ „этикѣ искусства“. Я прочелъ имъ отрывки изъ біографіи Бенвенуто Челлини, и, казалось, они были очень довольны. Мои слушатели меня упрекнули, зачѣмъ я не привезъ его съ собой. Я объяснилъ, что вотъ уже нѣкоторое время, какъ онъ умеръ, и это вызвало вопросъ: „кто его застрѣлил?“ Потомъ меня повели на балъ, гдѣ я позналъ единственный рациональный методъ художественной критики, когда-либо встрѣченный мною. Надъ роялемъ висѣло печатное объявленіе: „Просятъ не стрѣлять въ піаниста. Онъ старается, сколько можетъ“. Смертность среди піанистовъ въ томъ городѣ поразительна. Затѣмъ меня пригласили ужинать, и, когда я согласился, мнѣ пришлось спуститься въ шахту въ распатанномъ ведрѣ, въ которомъ немисливо было

сохранить свою изысканность. Когда мы спустились въ самыя нѣдра горы, намъ подали ужинъ, гдѣ первое блюдо было — виски, второе было — виски и третье — виски. Я пошелъ въ театръ прочитать лекцію, и мнѣ сказали, что какъ разъ предъ моимъ приходомъ схватили двухъ людей, совершившихъ убійство, привели ихъ въ восемь часовъ вечера на сцену этого же театра, тутъ же судили ихъ и казнили при переполненной залѣ. Но въ общемъ мнѣ эти шахтеры показались очень милыми и советамъ не грубыми людьми.

Среди болѣе пожилыхъ жителей Юга я замѣтилъ склонность вести счетъ всѣмъ мало-мальски значительнымъ событіямъ отъ времени послѣдней войны. „Какъ прекрасна сегодня луна!“ — замѣтилъ я какъ-то джентельмену, стоящему рядомъ со мною. „Да“, — отвѣтилъ онъ, — „но если бы вы видѣли ее передъ войной!“

Такъ минимально понятіе объ искусствѣ западнѣ Скалистыхъ Горъ, что нѣкій меценатъ — бывший въ свое время шахтеромъ — даже предъявилъ искъ къ желѣзнодорожному обществу за то, что выписанный имъ изъ Парижа гипсовый слѣпокъ Венеры Милосской былъ доставленъ ему съ отбитыми руками. И, что еще поразительнѣе, онъ выигралъ искъ и ему возмѣстили убытки.

Пенсильванія, съ ея скалистыми ущельями и лѣсными видами, напомнила мнѣ Швейцарію. Преріи напомнили мнѣ листъ промокательной бумаги.

Испанцы и французы оставили за собой памятники — красивыя имена. Всѣ города съ красивыми названіями получили ихъ отъ испанцевъ или французовъ. Англичане даютъ удивительно безобразныя названія мѣстамъ. У одного города было такое безобразное имя, что я даже отказался читать тамъ лекцію. Его звали Григевиль.

Посѣтивъ Америку, узнаешь, что нужда не всегда бываетъ обязательнымъ приложеніемъ къ цивилизаціи. Вотъ, по крайней мѣрѣ, страна, гдѣ нѣтъ ливрей, нѣтъ торжественныхъ шествій и церемоній. За все время моего пребыванія тамъ я видѣлъ только двѣ процессіи — въ первой шествовала пожарная дружина, имѣя впереди себя полицію, во второй шествовала полиція, имѣя впереди пожарную дружину. Тамъ каждый, достигшій совершеннолѣтія, получаетъ право голоса и этимъ сразу завершаетъ свое политическое воспитаніе. Американцы наиболѣе политически развитый народъ въ мірѣ. Стоить труда поѣхать въ страну, которая можетъ насъ научить красотѣ слова „Независимость“ и цѣнности того, что зовется „Свободой“.

Пер. М. Ликіардопуло.

ПОЛЬ СЕЗАННЪ.

† 23 октября н. ст.

Поль Сезаннъ (Paul Cézanne) родился въ 1839 году въ городѣ Эксъ въ Провансѣ (Aix en Provence). Онъ умеръ тамъ же, подѣ синимъ небомъ своей безконечно любимой родины, 23 октября (н. с.) 1906 года. Его дѣтство соединено неразрывно съ дѣтствомъ его знаменитаго друга Эмиля Золя. вмѣстѣ на школьной скамьѣ, вмѣстѣ въ дальнихъ прогулкахъ по холмамъ и равнинамъ Прованса, вмѣстѣ въ юношескихъ мечтахъ о покореніи міра творческими силами своихъ юныхъ душъ. Вмѣстѣ, наконецъ, въ огромномъ, враждебномъ Парижѣ встрѣтившемъ молодыхъ энтузіастовъ голодомъ и лишениями. Въ Парижѣ Сезаннъ посѣщаетъ музеи, изучаетъ старинныхъ мастеровъ—благоговѣть въ особенности передъ великими декораторами—Рубенсомъ и Веронезомъ. Пока онъ ищетъ свою дорогу, Делакруа приводитъ его въ восхищеніе, Курбэ увлекаетъ силой своего реализма. То были годы „Завтрака на травѣ“ и „Олимпіа“ Манэ, годы первой рѣшительной борьбы съ академизмомъ. Сезаннъ отдаетъ новому всѣ порывы своей души—онъ поддерживаетъ и, можетъ быть, направляетъ статьи Золя, написанныя въ защиту Манэ *.

Съ тѣхъ поръ Сезаннъ становится постояннымъ членомъ небольшого кружка, собиравшагося по вечерамъ въ кафѣ Гербуа на бульварѣ Батиньоль. Въ концѣ 60-тыхъ годовъ парижскія газеты начали говорить о „батиньольской школѣ“; ея въ сущности не было, но кафѣ Гербуа посѣщали дѣйствительно многіе художники, составившіе славу послѣдующихъ десятилѣтій. Вокругъ Манэ тамъ собирались Ренуаръ, Дегазъ, Сезаннъ, Клодъ Монэ, Писарро, Сислэ, Фантэнъ-Латуръ, нѣсколько граверовъ, нѣсколько журналистовъ и писателей. Послѣ войны 1870 года, подѣ влияніемъ знакомства Клода Монэ и его товарищей съ англійской живописью, съ Тёрнеромъ и Констэблемъ въ особенности, возникаетъ и быстро крѣпнетъ такъ называемый „импрессионизмъ“. Сезаннъ оказывается однимъ изъ го-

* L'Événement (1866), La revue du XIX Siècle, (1867), брошюра «Mon Salon» (1866), посвященная «моему другу Полю Сезанну».

рячихъ его адептовъ. Онъ поглощенъ цѣликомъ огромной работой, которой потребовало созданіе новаго художественнаго реализма, новаго пейзажа. Наравнѣ съ другими, онъ проводитъ за работой (*en plein air*) цѣлые дни, изучая вліяніе воздуха и свѣта на рисунокъ и окраску предметовъ. Въ 1874 г. импрессионисты впервые выставили на судъ публики результаты своихъ поисковъ и опытовъ на памятной выставкѣ у Надара. Тамъ былъ и Сезаннъ. Судъ публики извѣстенъ—одни посѣтили выставку, но почли ее неумѣстной шуткой, другіе, и такихъ было большинство, прошли мимо. Импрессионисты продолжали работать и бороться, но Сезаннъ начинаетъ все меньше и меньше жить общей жизнью кружка. Онъ не участвуетъ въ выставкахъ 1875 и 1876 года и почти не представленъ въ 1877 году. А затѣмъ и вовсе удаляется изъ Парижа, покидаетъ кружки, друзей, поселяется въ своемъ миломъ Провансѣ, исчезаетъ изъ міра, погружается въ забвеніе на цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ.

Вспоминая дни еще совмѣстной работы, Ренуаръ говорилъ: „Сезаннъ за мольбертомъ, всматривающійся въ поля, рисующій,—то было незабываемое зрѣлище. Онъ былъ дѣйствительно одинъ во всемъ мірѣ, настойчивый и сосредоточенный, внимательный и благоговѣйный. Онъ вновь приходилъ туда на слѣдующее утро и каждый день трудился все больше и больше; иногда уходилъ оттуда въ отчаяніи, возвращался безъ картины, брошенной на камнѣ или на травѣ, въ добычу дождямъ, вѣтрамъ, солнцу. Земля поглощала картину, окружающая природа брала себѣ написанный пейзажъ“... * По этимъ немногимъ строкамъ рисуется и долгое тихое одиночество художника въ родномъ Провансѣ. Его жизнь тамъ исчерпывалась безъ остатка его работой, и, молитвенно совершая свой трудъ, его душа ежедневно возносилась къ высокому чистому небу.

Въ началѣ 90-ыхъ годовъ импрессионизмъ, одерживая побѣду за побѣдой, добился, наконецъ, широкаго признанія публикой и критикой. Клодъ Моне, Ренуаръ и Дегасъ сіяли лучами заслуженной славы. Въ 1894 году прежніе отверженные проникли даже въ Національный музей: правительство приняло даръ умершаго художника Кайботта, содержащій нѣсколько десятковъ картинъ импрессионистовъ. Въ ихъ числѣ были и четыре картины Сезанна. Но оказалось, что для этого художника время еще не пришло. Администрація постыдно воспротивилась противъ пріема двухъ большихъ полотенъ (одно изъ нихъ—знаменитые нынѣ „Купальщики“) и согласилась принять лишь два маленькихъ пейзажа. Но этотъ „судъ глупца“ былъ уже послѣднимъ. Среди младшаго поколѣнія художниковъ интересъ къ забы-

* Geffroy. La vie artistique. 3-me Série. Paul Cézanne.

тому отшельнику все возрастала. Время от времени у одного торговца появлялись картины Сезанна, и кто успевал увидѣть ихъ, прежде чѣмъ онѣ исчезали въ частныя коллекціи немногихъ, но вѣрныхъ поклонниковъ, тотъ ощущалъ въ нихъ дыханіе громаднаго, самобытнаго таланта.

Наконецъ, на составившей эру въ живописи выставкѣ въ ноябрѣ 1895 года у Воллара, молодежь нашла полную возможность узанать Сезанна. То былъ великій триумфъ. Сезаннъ выставилъ около пятидесяти картинъ, большей частью скромныхъ по своимъ размѣрамъ и по содержанію, — пейзажи съ угловатыми каменистыми холмами, бѣлыми стѣнами и густымъ синимъ небомъ, странные кривые портреты, оранжевые и зеленые плоды на синей и бѣлой тарелкѣ или скатерти *. При всемъ томъ вліяніе его на судьбы современной живописи стало сразу огромнымъ. Дѣло въ томъ, что, по мѣрѣ своихъ блестящихъ завоеваній, импрессионизмъ падалъ внутренне съ каждымъ годомъ. Увлечательная психика стирала личность художника, подчиняла его внѣшнему, приѣму сдѣланъ изъ средства цѣлю. Стремленіе къ виртуозности замѣнило простоту творчества, въ которой можно непосредственно чувствовать трепетъ душевныхъ переживаній художника. И эта простота, глубочайшая первобытная искренность, „примитивность средневѣковаго мастера“ ** была главнымъ свойствомъ творчества Сезанна. Кромѣ того, при всей своей безграничной любви къ природѣ, при всемъ благоговѣніи передъ нею, Сезаннъ никогда не былъ рабомъ. Онъ очень скоро прошелъ стадію реализма. Онъ прозрѣлъ великое начало выбора, начало выраженія себя—избранными въ окружающемъ мірѣ средствами. Въ самомъ постоянствѣ темъ, мотивовъ, композицій и красокъ лежитъ уже любовь къ декоративному, соединяющая Сезанна съ Гогеномъ и Ванъ Гогомъ. Отъ Сезанна непрерывная нить идетъ къ Гогену, отъ Гогена къ Денису, Вюйару, къ Герену, ко всей живописи новѣйшаго поколѣнія. Что же удивительнаго въ томъ, что это поколѣніе считаетъ Сезанна своимъ пророкомъ и учителемъ?

Есть картина, написанная Морисомъ Денисомъ, — „Хвала Сезанну“, подобная „Хвалѣ Мане“, которую написалъ Фантенъ Латуръ. Тамъ изображенъ Сезаннъ, учитель, окруженный учениками; въ числѣ ихъ — Вюйаръ, Боннаръ, Одилонъ Редонъ, Руссель, самъ Морисъ Денисъ и др. И вотъ прошлогодній Салонъ Независимыхъ, черезъ десять

* Прекрасные примѣры творчества Сезанна находятся въ Москвѣ, въ собраніи С. И. Щукина — знаменитый „Mardi Gras“ и нѣсколько „nature morte“. Двѣ картины были воспроизведены въ журналѣ „Искусство“, 1905 г., № 3. Въ томъ же журналѣ помѣщена статья о Сезаннѣ А. Шервашидзе.

** С. Maclair. L'Impressionnisme.

лѣтъ послѣ памятной выставки у Воллара, по словамъ Шарля Мориса*, былъ „единодушной Хвалой Сезанну“. Большой портретъ Сезанна былъ помѣщенъ на почетномъ мѣстѣ этой выставки, но и безъ того роль замѣчательнаго художника была ясна, вліяніе его отразилось такъ или иначе во всѣхъ талантливыхъ участникахъ общества „Независимыхъ“. Оно удачно подчеркнута въ словахъ одного молодого критика: „Сезаннъ—нашъ учитель, потому что онъ—начало“**.

Въ краткой замѣткѣ, вызванной горестнымъ извѣстіемъ о кончинѣ одного изъ лучшихъ художниковъ XIX вѣка, нельзя подвести итогъ значенію Сезанна въ настоящей и будущей живописи. Смерть прекраснаго старца, конецъ чистой вдохновенной жизни заставляетъ задуматься объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, о сердцѣ, которое перестало биться. „Святой художникъ этотъ Сезаннъ“—сказалъ о немъ другой большой человѣкъ и большой талантъ нашихъ временъ, Поль Гогенъ***.

П. Муратовъ.

* Mercure de France. 15 Avr. 1905. Ch. Morice. Le XXI Salon des Indépendants.

** L'Occident. Dec. 1905. Sur le choix d'un Maître. Pierre Hepp.

*** Mercure de France. Oct. 1903. Ch. Morice. Paul Gauguin.

ПАМЯТИ А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.

† 10 октября ст. ст.

Теперь, уже отойдя отъ свѣжей могилы, переживъ первыя долгія минуты душевнаго угнетенія передъ ликомъ смерти, которой ждешь и въ которую не вѣришь,—теперь хочется говорить о покинувшемъ насъ, говорить любовно и тихо, какъ бы ощущая вокругъ себя только-что совершившуюся тайну. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, дрожить въ душѣ струна—возмущенная, враждебная всякому примиренію съ непостижимымъ.

Бываютъ смерти, которыя никогда и не могли бы прійти въ время, жизни, которыя, казалось бы, не могутъ остановиться, перестать творить новыя міры.

И Александръ Николаевичъ, въ чью жизнь, въ чьи великія силы намъ такъ долго, такъ несомнѣнно вѣрилось, быть осѣненъ этимъ обаяніемъ творчества, раскрытія, созиданія.

Велико это обаяніе, и не оставитъ оно того, кто вдумчивой душой вчитывался въ свѣтлыя страницы и вмѣстѣ съ тѣмъ, хоть не надолго, соприкасался съ живою личностью учителя.

Хочется говорить много-много о трудахъ А. Н. Веселовскаго, но не больше ли влечетъ и не насущнѣй ли теперь—говорить о немъ самомъ, объ этомъ человѣкѣ-творцѣ, какимъ онъ былъ и въ этихъ трудахъ, и въ словахъ, и въ стремленіяхъ, то есть—въ жизни своей.

Можетъ быть, глубоко знаменательно, что именно эпоха созиданія съ самого начала влекла къ себѣ научную пытливость изслѣдователя и давала жизнь его проникновеннымъ обобщеніямъ: первая большая работа ученаго, сначала вышедшая въ Италиі, а потомъ уже въ Россіи; вѣнецъ средняго періода его дѣятельности—изслѣдованіе о Бокаччо; послѣдній имъ напечатанный трудъ (о Петраркѣ),—все это раскрываетъ неумирающія времена блистательнаго итальянскаго Возрожденія. Въ основу этихъ книгъ положено всегда нѣчто безусловно новое, и въ результатѣ ихъ возникаютъ новыя озаренія, о которыхъ уже не можетъ забыть наука, которая часто указываютъ ей дальнѣйшій путь.

Таковы и произведенія, охватывающія совершенно другія, много-различныя группы явленій. Остается ли А. Н. Веселовскій въ мірѣ

излюбленной имъ Италиі, говорить ли о „Литературномъ общеніи Востока и Запада“, стремится ли создать „Исторію развитія христіанской легенды“, предпринимаетъ ли капитальныя „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“, анализируетъ ли „Южно-русскія быліны“, создаетъ ли, переходя къ новѣйшимъ временамъ, классическую книгу о Жуковскомъ (одну изъ своихъ послѣднихъ книгъ)—ведѣ на почвѣ расчищенной анализомъ или непосредственно вырастаетъ, или готовится колоссально-широкое и многообъемлющее обобщеніе. Оно рождается изъ основной и окончательной, такъ сказать—наиболѣе общей идеи.

Цѣнность подготовительной работы усугубляется обширностью матеріала, обыкновенно раньше неизвѣстнаго; опредѣленность выводовъ опирается на громадную эрудицію, знакомство съ европейскими языками и литературами, старыми и новыми, и рядомъ съ этимъ—на строгость и послѣдовательность сравнительно-историческаго метода, увѣнчаннаго теоріей заимствованій. И все обнимается основнымъ и окончательнымъ синтезомъ — синтезомъ колоссальной „Исторической поэтики“. И этотъ міръ остался недосозданнымъ! Но мы видимъ въ немъ его строителя!..

Творческій элементъ проникалъ и другія стороны дѣятельности А. Н. Веселовскаго. Все тѣмъ же представляется онъ мнѣ—и какъ профессоръ, и какъ учитель, и какъ человѣческая личность. И тутъ слова не укладываются въ спокойныя строки, и тутъ мятешься, хотя желалъ бы тихо говорить. Какъ-то еще рѣзче сознаніе утраты. Рѣзче, потому что интимнѣй.

Александръ Николаевичъ не былъ на кафедрѣ ораторомъ, не былъ потому, что не хотѣлъ имъ быть. Рѣчь его носила яркую окраску его богатой индивидуальности, какъ и литературный языкъ—цвѣтной и разнообразный, иногда нѣсколько причудливый и пряный и всегда—свой, только ему принадлежащій. Его лекція часто бывала по тону проста, какъ бесѣда. Онъ прямо дѣлился съ аудиторіей своими мыслями. И здѣсь онъ былъ щедрымъ, какъ никто. Обыкновенно говорилъ онъ о томъ, что ему самому было близко, что въ немъ самомъ трепетало въ данную минуту. Онъ говорилъ новыя слова о Санзониере Петрарки—и это были мысли его нарождавшейся послѣдней книги. Не одно десятилѣтіе читалъ онъ лекціи — и (насколько я знаю) ни одного курса не повторилъ. И онъ плѣнялъ своими откровеніями, плѣнялъ часто и неожиданностью формы, въ какую они облекались.

Но учителемъ А. Н. Веселовскій былъ не только на кафедрѣ. Практическія занятія объединяли вокругъ него тѣсный кругъ учениковъ, и здѣсь все дышало простотой; но увлекательнѣй и, можетъ быть, даже поучительнѣй были его частныя бесѣды. И помимо

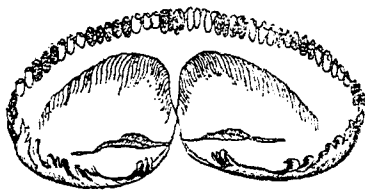
вопросовъ науки Александръ Николаевичъ, говоря даже о самыхъ обыденныхъ вещахъ, часто поражалъ оригинальностью взгляда, и своеобразной прелестью, и молодой силой выраженія. Во всемъ сказывался могучій человѣкъ. Сказывался онъ и въ свѣжемъ чувствѣ современности, и въ неутомимости до послѣдней болѣзни, проявлявшейся даже и въ перерывахъ ея; и въ громаднхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ себѣ, въ неустанномъ исканіи все новыхъ и новыхъ далей и подчасъ—въ недовольствѣ собой, соединенномъ съ гордымъ сознаніемъ силы. И во всемъ этомъ — простота, благородство. Зато никто, можетъ быть, не внушалъ ученикамъ своимъ такой серьезной, прямо сыновней любви, какъ Александръ Николаевичъ. И такъ его любятъ не только старые ученики, проведеншіе многіе годы въ общеніи съ нимъ, но и тѣ, кого судьба наградила счастіемъ—хоть нѣсколько лѣтъ молодости прожить подъ его обаяніемъ. И много сердецъ сжимается теперь тоской по немъ.

Но міру остались вершины его несравнимаго творчества. И не должны ли мы, его младшіе ученики, помнить съ благодарностью, что мы видѣли эти бѣлоснѣжныя вершины озаренными ясной алостью его прекраснаго вечера? Да, мы помнимъ. Да, мы носимъ въ себѣ нѣжно-любимый образъ этого окрыленнаго духа.

А все-таки нѣтъ его между нами. Нѣтъ такимъ, какимъ люди его знали. Его не должна была уносить, и унесла—смерть.

И нельзя примириться съ ней.

Юрій Верховскій.

ОБЪ УИТМАНЪ, БАЛЬМОНТЪ, НАРЕКАНІЯХЪ И ДОБРОСОВѢСТНОСТИ. ЗАМѢТКА ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ

Письмо въ редакцію. *

Въ 10-мъ N-ѣ „Вѣсовъ“ появилась замѣтка г. Корнѣя Чуковского, „Русская Whitmaniana“, написанная въ тонѣ бездоказательно-вызывающемъ, и испещренная ложными утверженіями. Видя, что въ „Вѣсахъ“, гдѣ какъ будто цѣнятся литературное слово, послѣ цѣлаго ряда выпадовъ противъ Бальмонта, появилась, никѣмъ свѣдущимъ непровѣренная, замѣтка г. Чуковского, я беру на себя малый трудъ опровергнуть ее, и тѣмъ снять облыжное обвиненіе съ Бальмонта, чего самъ онъ, конечно, не сдѣлаетъ, ибо будучи Поэтомъ, будучи Высокимъ, не захочетъ наклоняться.

Надѣюсь, что редакція „Вѣсовъ“, помѣстившая замѣтку г. Чуковского, помѣститъ и мою, какъ того требуетъ элементарная математическая и логическая точность.

Въ одной изъ своихъ книгъ Герценъ говоритъ: „У развивающейся жизни ничего нѣтъ завѣтнаго“. Ростку, еле показавшемуся изъ земли, дѣйствительно, хочется всегда отстранить, и вовсе устранить сосѣдній стебель. Въ этой игрѣ, какъ и во всѣхъ играхъ, бываютъ, конечно, разные исходы, но не безвѣстные для знакомаго съ законами теоріи вѣроятности. Развивающійся г. Чуковский хотѣлъ бы устранить Бальмонта,—желаніе тщетное. Я чту геній Бальмонта, какъ поэта, и великій его талантъ, какъ поэта-переводчика, поэта-возсоздателя, и не опасаясь, конечно, что стройный красивый палирусъ будетъ задушенъ сосѣдней однодневной порослью, но я не хочу, чтобы на стройный стебель падала шелуха съ этого растеньица.

Г. Чуковский думаетъ, что „Бальмонтъ положительно не чувствуетъ языка, съ котораго переводить“. Очень легко въ это повѣрить, когда знаешь, что Бальмонтъ, во-первыхъ, пересоздалъ русскій стихъ и научилъ своимъ творчествомъ всѣхъ современныхъ русскихъ поэтовъ быть хорошими стихотворцами, и во-вторыхъ, втеченіе долгаго ряда лѣтъ, далъ намъ кристалически-совершенные

* Давая мѣсто „Письму въ редакцію“ г-жи Елены Ц. и отвѣту г. Корнѣя Чуковского, „Вѣсы“ считаютъ вопросъ достаточно выясненнымъ и поемку по его поводу законченной.

переводы Марло, Эдгара По, Шелли, Теннисона, Блэка, Кальдерона, Испанскихъ народныхъ пѣсень,—переводы, оцѣненные нами, скромной русской публикой, болѣе читающей, чѣмъ пишущей, и оцѣненные специалистами литературнаго слова и языкознанія въ Англии, Испаніи, Франціи. Каждому, смотрящему и видящему, четко зримо, что Бальмонтъ исключительно одаренный, внимательный и тонко-терпѣливый строитель въ области поэтическаго искусства. Утонченнѣйшій математикъ слова, онъ знаетъ сокровенные законы сочетаній. Онъ любитъ слово, какъ живое существо, какъ цвѣтокъ, какъ возлюбленную, онъ лелѣетъ его, онъ видитъ всѣ изгибы, всѣ отгибки слова. Тайновидецъ слова.

Стихотвореніе, которое Бальмонтъ будто бы невѣрно перевелъ, „One's-Self I sing“, первое стихотвореніе, которымъ начинаются „Побѣги Травы“ (Leaves of Grass by Walt Whitman. London: G. P. Putnam's Sons. Boston: Small, Maynard and Company. 1903. Complete Edition), онъ перевелъ совершенно вѣрно, лишь немного перефразировавъ 3-ю и 4-ую строку, — какъ это допустимо въ каждомъ не ученически-дословномъ, а художественномъ воссозданіи поэзии чужеземной. И здѣсь, какъ для него обычно, провидящую разстановку словъ, Бальмонтъ выявилъ въ красивыхъ очертаніяхъ поэтическую мысль воссоздаемаго имъ художника. Г. Чуковский, совершенно не знающій англійскаго языка, чему даетъ свидѣтельства, съ непостижимой развязностью утверждаетъ, что англійскія слова означаютъ то, чего хочется г. Чуковскому, а не то, что разумѣлъ Уитманъ, и воспроизвелъ Бальмонтъ, не то, что есть въ каждомъ словарѣ, не то, что разумѣютъ англичане, говорящіе по-англійски въ Лондонѣ, и американцы, говорящіе по-англійски въ Нью-Йоркѣ. Уитманъ говоритъ „worthy“, Бальмонтъ переводитъ „достойный“. Г. Чуковский утверждаетъ: „Нѣтъ, это значитъ — дорогой“. Увѣряю васъ, г. обвинитель, что „worthy“ именно означаетъ „достойный“, а „дорогой“ передается по-англійски словами „valuable“, „precious“, „costly“, или „dear“ и „beloved“, когда рѣчь идетъ о влеченіи сердца къ сердцу. Уитманъ говоритъ: „the Form complete“, „полная форма, завершенная форма“. Бальмонтъ передаетъ: „Форма въ своемъ завершеніи“. Именно такъ, „form“ значитъ „форма“, „образъ“ *. Уитманъ, какъ ваятель, любитъся на формы того, что онъ воспѣваетъ. Г. Чуковский выдумываетъ, что „form“ означаетъ „тѣло“. „Тѣло“ значитъ „body“, г. Чуковский. Нужно хоть перелистовать, если не прочесть, собраніе стиховъ „Leaves

* Слово «form», нѣсколько странно звучащее въ нашемъ русскомъ стихѣ, весьма излюблено у поэтовъ, пишущихъ по-англійски. Оно очень часто встрѣчается у Шелли, Эдгара По, Теннисона.

of Grass". Тогда выяснится съ уничтожающей убѣдительностью, что „влюбленникъ Человѣческаго Тѣла“, Уольтъ Уитманъ, каждый разъ, когда хочетъ говорить о тѣлѣ, такъ безъ ухищреній и говорить „Тѣло“. „Body“, — „Тѣло“. Примѣры:

Стр. 10-ая: «For life and death, for the Body and for the eternal Soul».

Стр. 25-ая: «Behold, the body includes and is the meaning, the main concern and includes and is the soul; whoever you are, how superb and how divine is your body, or any part of it!»

Стр. 79-ая—95-ая: «Children of Adam» (Дѣти Адама), рядъ стихотвореній, посвященныхъ именно красотѣ тѣлесности).

Стр. 79-ая: «The Love, the life of their bodies, meaning and being».

Стр. 80-ая: «O for you whoever you are your correlative body».

Стр. 81-ая: «I sing the body electric», — тамъ же: «And if the body does not do fully as much as the soul? And if the body were not the soul, what is the soul?..»

The love of the body of man or woman balks account, the body itself balks account».

Стр. 88-ая: «Sex contains all, bodies, souls».

Стр. 90-ая: «The body of my love, the body of the woman I love, the body of the man, the body of the earth».

Стр. 95-ая: «Touch me, touch the palm of your hand to my body as I pass, Be not afraid of my body».

Довольно, слишкомъ довольно. Безумецъ лишь можетъ настаивать на своемъ недосмотрѣ, при такомъ количествѣ примѣровъ. Но этого мало. Въ лучшемъ гимнѣ Тѣлу „I sing the Body Electric“ встрѣчается въ главѣ 5-ой и злополучный (для Чуковского, а не для Бальмонта) терминъ „форма“ въ недвусмысленномъ употребленіи.

This is the female form,

A divine nimbus exhales from it from head to foot...

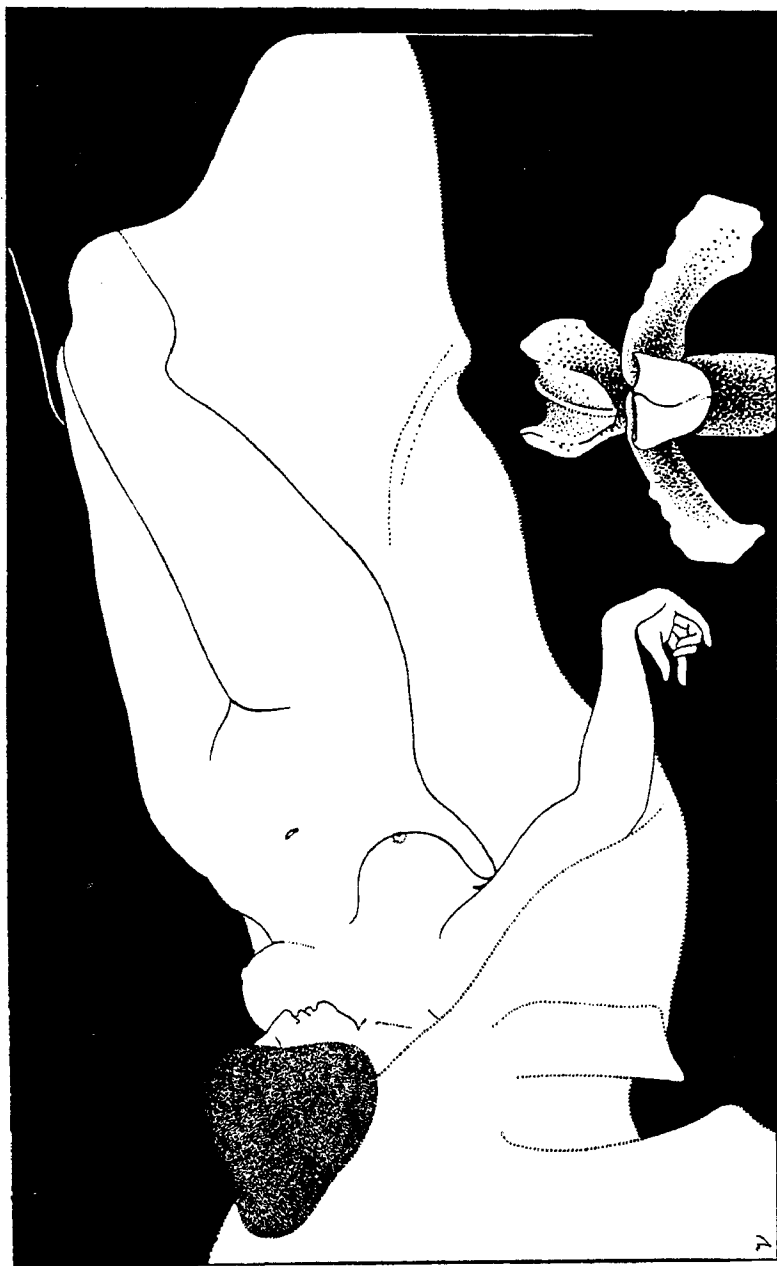
Вотъ это женская форма,

Божественный ореолъ отъ нея истекаетъ отъ головы до ногъ...

Въ этой главѣ Уитманъ, какъ ваятель, или какъ живописецъ, подробно перечисляетъ, съ технической точностью, отдѣльныя части своего художественнаго матерьяла. волосы, грудь, бедра, сгибъ ногъ, руки, и, переходя затѣмъ къ царственно-смѣлому описанію страстнаго праздника тѣлесности, оживляясь и постепенно переходя отъ простой номенклатуры къ дышащему пьяностью гимну пола, восклицаетъ: „Не стыдитесь, о, женщины, вы ворота тѣла и вы же врата души“.

Be not ashamed women...

You are the gates of the body, and you are the gates of the soul.

Орхидеи. Рисунок Дж-Дж. Фрисленера.

Г. Чуковский говоритъ: „devout—набожный“, Бальмонтъ перевелъ—„благоговѣйный“, to adore—„поклоняться“, „молиться“, онъ перевелъ—„обожать“. Самоувѣренно, но невѣжественно. „Devout“—значить и „набожный“ и „благоговѣйный“. Какой отбѣнокъ лучше, представимъ знать Поэту. „To adore“—значить именно—„обожать“. Такъ же, какъ съ тѣмъ же корнемъ, это значить „обожать“ и по-французски, и по-испански, и по-итальянски. „Молиться“ же значить—„to pray“. Г. Чуковский изобличаетъ при этомъ грубое непониманіе всего міросозерцанія Уитмана. Какъ большая часть „посвященныхъ“, Уольтъ Уитманъ, подобно индусамъ, подобно древнимъ сынамъ Зороастра, и наравнѣ съ Блаватской, наравнѣ съ Гете и Шелли, былъ въ непрерывномъ состояніи пантеистической благоговѣйности, но онъ не зналъ набожности и не умѣлъ молиться. Въ стихотвореніи „Laws for creations“, стр. 299-ая, онъ достаточно опредѣленно говоритъ: „Что жъ вы полагаете, буду я указывать вамъ сотнею способовъ, какъ не то, что человѣкъ, мужчина или женщина, такъ же хорошъ, какъ Богъ? И что нѣтъ иного Бога болѣе божественнаго, нежели вы сами?“ И онъ же говорилъ: „Не любопытствуйте о Богѣ“... (L. of G r a s s, стр. 76-ая). Въ „Пѣснѣ о самомъ себѣ“, откуда я цитирую сейчасъ, онъ говоритъ, что видитъ Бога въ каждомъ предметѣ, но не разумѣетъ Его нисколько, не прикасается къ понятію о личномъ Божествѣ. Для сознающей себя единицы нѣтъ ничего выше этого самосознанія, и для Уитмана, полного этой сознательности, молитва есть простая невозможность. Молитвенность, благоговѣйность—да. Ею онъ былъ озаренъ всю жизнь. Но есть молитвенность, при которой не молятся—именно въ силу полноты этой молитвенности,—что и было съ Уольтъ Уитманомъ. Какъ говоритъ Уильемъ Клэркъ (Walt Whitman. London. 1892), стр. 103-ая: „Полная слезъ страница изъ И с п о в ѣ д и Августинномъ расчлененіи органическихъ тѣлъ для здороваго ребенка“ *.

Въ послѣдней цитатѣ изъ Уитмана-Бальмонта г. Чуковский прямо великолѣпенъ. Въ стихотвореніи Уитмана „Beat! beat! drums“ (L. of G r a s s, стр. 222-ая) есть строка:

* Въ № 7-мъ «Вѣсовъ» за 1904 г. Бальмонтъ, въ своей статьѣ «Пѣвецъ личности и жизни», даетъ намъ красивую, сжатую и точную формулу міросозерцанія Уитмана: «Уитманъ видитъ душу за всѣми явленіями; за свѣтлыми и темными тѣнями жизни онъ видитъ Единое Цѣлое. Религія Уитмана—космическій энтузіазмъ, тотъ неистощимый міровой восторгъ, которому не скучно, и не трудно, и не утѣшительно создавать все новыя и новыя свѣтленія планетъ, и каждый мигъ благословлять свѣтъ, и каждый мигъ благословлять рождающую тьму, исполненную тайнъ, и въ каждомъ новомъ цвѣткѣ ежеминутно торжествовать первое утро Мірозданія».

Through the windows—through doors—burst like a ruthless force.

Какъ Бальмонтъ вѣрно переводить, это значитъ: „Въ окна—въ двери—ворвитесь съ неумолимою силой“, или „подобно безжалостной силѣ“ (что было бы тяжеловѣсно при буквальности). Г. Чуковский бредитъ: „Бальмонтъ не замѣчаетъ внутренней риемы“. Уитманъ и когда не писалъ стиховъ съ риемами. На протяжении 430-ти страницъ полного собранія „Побѣговъ Травы“ есть лишь два или три стихотворенія съ риемами. Онъ не любилъ риемъ, не искалъ ихъ, избѣгалъ ихъ, презиралъ ихъ. Онъ гордился именно своимъ свободнымъ нериемованнымъ стихомъ, часто лишеннымъ даже всякаго ритма, и лишь произвольно называемымъ „стихъ“. Въ стихотвореніи „Long of the Exposition“ (L. of Glass, стр. 162-ая) онъ восклицаетъ: „Долой старые замыслы, долой любовные стихи, обсахаренные риемой“,—„love-verses sugar'd in rhyme“. И притомъ—и притомъ,—гдѣ же въ этой цитатѣ изъ „Варабаннаго боя“ ухо г. Чуковского уловило внутреннюю риему? Съ чѣмъ риемуется онъ долгое „doors“? Съ „burst“ или „force“? Чуковский не знаетъ даже разницы между риемой и простымъ созвучіемъ. Но что до созвучія, оно параллельно передано у Бальмонта:

„Въ окна—въ двери ворвитесь съ неумолимою силой“. Нужно было передать крикъ, онъ и передавъ черезъ кричащую букву „и“.

Г. Чуковский завершаетъ окончательнымъ делириумомъ: „но „force“—здѣсь вовсе не „сила“. Здѣсь—„войско“, „полчище“, „орда“. И г. Чуковский скорбитъ объ утраченномъ дивномъ образѣ: „Звуки барабана, врывающіеся въ окна, какъ солдаты“. Г. Чуковский, „force“ есть сила, а „forces“ есть „войска“. Вотъ въ чемъ бѣда. Это какъ если бы вы, разумѣя по-польски и вѣдая, что „zarasy“ есть „состязаніе“, рѣшили что „zaras“ есть тоже борьба, или поль-борьбы. Но „zaras“ есть „запасъ“, „провизія“, а „zarasy“ есть „состязательная борьба“, вродѣ вотъ нашей. „Съ переменнымъ успѣхомъ“, какъ говоритъ Уитманъ. „Прекрасный образъ“ звуковъ—солдатъ, лѣзущихъ въ окна, опущенный Бальмонтомъ, родился не въ мозгѣ Уитмана, а въ интеллектѣ г. Чуковского и скончался безвозвратно на стр. 45-ой литературной хроники № 10-го „Вѣсовъ“ за нынѣшній годъ. Еще замѣчу: если бы г. Чуковский, желая лучше понять великаго творца „Побѣговъ Травы“, съѣздилъ въ Америку, какъ это случилось съ Бальмонтомъ, изучавшимъ Уитмана не только въ Москвѣ, но и въ Нью-Йоркѣ, или если бы онъ просто справился съ какимъ-либо словаремъ американизмовъ англійскаго языка, онъ узналъ бы, что „force“ въ Америкѣ не только означаетъ—„сила“, но и „невольники, способные работать въ полѣ“. Онъ бы могъ тогда не ограничиваться солдатами, лѣзущими въ окна. Звуки—негры, звуки—черные—невольники могли бы тогда врываться черезъ окна и двери! А Бальмонтъ

зналъ это, но, банально мысля, не рѣшился обогатить русскую поэзію звуками—неграмми.

Всему есть предѣлъ. Я не занимаюсь журналистикой. И быть можетъ поэтому, больше читая, чѣмъ выводя слова на бумагѣ, и знакомясь въ полнотѣ съ предметомъ, разъ онъ меня интересуеть я дивлюсь на беззащитность, на безудержную безграмотность журналистовъ. Въ той самой злополучной статьѣ, о которой теперь идетъ рѣчь, г. Чуковский ссылается на Конвея, поправляя Діонео но Конвея, очевидно, не читаль ни тотъ, ни другой. Если бы г. Чуковский читаль Конвея, онъ не утверждалъ бы, что „Leaves of Grass“ впервые появились въ 1856-мъ году, а зналъ бы въ точности, что первое изданіе „Побѣговъ Травы“ появилось въ Бруклинѣ въ 1855-мъ году in—4^о, а второе изданіе—въ концѣ 1856-го года въ Нью-Йоркѣ in—16^о. Если бы г. Чуковский прочелъ что-нибудь серьезное изъ книгъ, написанныхъ объ Уитманѣ (сколько ихъ!), онъ не говорилъ бы, что Уитманъ не испытывалъ отвращенія къ убійству и что онъ записался въ братья милосердія лишь по рождественнымъ чувствамъ. Уитманъ былъ сторонникомъ освободительной войны, которую считаль неизбѣжною, но въ то же время лично за собой онъ не признавалъ права на какое бы то ни было, даже „историческое“, даже „освободительное“, убійство, и чтобъ выйти изъ дилеммы—бездѣйствовать или убивать—онъ поступилъ въ братья милосердія. То, что его братъ былъ раненъ, лишь было первымъ толчкомъ. Онъ записался въ лазаретъ не однажды. Кромѣ брата, онъ помогъ многимъ раненымъ и умирающимъ, и, находясь среди нихъ, разрушилъ собственное здоровье непоправимо. И Уитманъ умеръ дѣйствительно въ бѣдности. И онъ дѣйствительно зналъ гоненія и одиночество. Чтобъ стать сколько-нибудь свѣдущимъ объ Уитманѣ, пусть г. Чуковский прочтетъ хоть книгу знаменитаго Симондса. (котораго въ Россіи не точно именуютъ Саймондсомъ).

Мнѣ доподлинно извѣстно, что Бальмонтъ перевелъ почти цѣликомъ „Побѣги Травы“. Это его работа послѣднихъ лѣтъ; рукопись находится въ данное время въ книгоиздательствѣ „Знаніе“. Кто слѣдитъ за творчествомъ Бальмонта, тотъ знаетъ, что когда эта книга появится, наконецъ,—въ русской литературѣ будетъ жемчужиной больше. Пока, да будемъ ему признательны, что онъ первый въ своей лекціи, прочтенной въ Москвѣ и напечатанной потомъ въ „Вѣсахъ“, далъ яркую характеристику Уитмана и рядъ переводовъ изъ него. Во второй лекціи, прочтенной въ Парижѣ, онъ расширилъ характеристику и далъ рядъ новыхъ переводовъ.

Что до выходовъ, подобныхъ эскападѣ г. Чуковского, надѣюсь послѣ всего вышесказаннаго, каждый, въ комъ есть разсудокъ, образованность и добросовѣтность, оцѣнить ихъ изыщество въ полнѣ.

О ПОЛЬЗѢ БРОМА.

По поводу г-жи Елены Ц.

Если у г-жи Елены Ц. есть братъ, или мужъ, или отецъ, я отведу ихъ въ отдѣльную комнату и скажу имъ слѣдующее.

Что бы ни выкликала г-жа Елена Ц., а Уитманъ все же умеръ не въ бѣдности. Конечно, зачѣмъ волновать г-жу Елену Ц. Но въ этомъ году въ Бостонѣ вышла новая книга: *Not a Case Traubel. With Walt Whitman in Camden, Boston, Small, Maynard and Company, 1906*, и въ этой книгѣ имѣется fac-simile документа, который называется: „Last Will and Testament of Walt Withman in his own handwriting properly witnessed“, June 29, 1888. т.-е.: „Послѣдняя воля и духовное завѣщаніе Уота Уитмана, писанное его собственной рукой и законно засвидѣтельствованное“. Въ этомъ документѣ съ первой же строчки говорится: „Завѣщаю тысячу долларовъ сестрѣ моей миссисъ Мэри Элизабетъ Ванъ Нострэндъ, въ Гринпортѣ“, а потомъ снова: „Завѣщаю тысячу долларовъ сестрѣ моей миссисъ Аннѣ Луизѣ Гейдъ, въ Бёрлингтонѣ“; а потомъ еще: „Мой домъ и мою землю на Микль-Стритъ, въ Кэмденѣ, Нью-Джерси, и всю мою мебель, и всѣ мои деньги въ банкѣ и все мое недвижимое имущество и состояніе завѣщаю брату моему Эдуарду Л. Уитману“.

Документъ этотъ имѣетъ въ длину больше аршина, но не показывайте его нашей разсудительной, образованной и добросовѣстной г-жѣ Еленѣ Ц., ибо ей тогда будетъ стыдно.

А въдъ Конвея читаль и я, и г. Діонео. Г. Діонео даже привелъ будто бы „отъ себя“ замѣчаніе Конвея объ Эмерсонѣ („критикъ, признававшій изъ современныхъ англійскихъ и американскихъ писателей лишь одного Карлейля“). Даже процитировалъ „по Конвею“ отзывъ Thoreau объ Уитманѣ. Даже сослался на слова Конвея, ошибочно обозвавъ его „критикомъ-старовѣромъ, враждебно относящимся къ Уитману“: „поэтъ не задумается притащить къ вамъ въ гостиную лохань для доказательства, что и въ ней есть своеобразная жизнь“. (Ср. Діонео, „Очерки современной Англии“, стр. 417 и „Fortnightly Review“ 1866, p. 539.). Даже стихотвореніе „O captain“ привелъ по Конвеевой верси:

But O heart! heart! heart!
 Leave you not the little spot
 Where on the deck the captain lies
 Fallen cold and dead...
 Exult O shore, and ring O bells!
 But I with silent tread,
 Walk the spot my captain lies
 Fallen cold and dead.

(Въ авторизованномъ изданіи вторая строчка цитаты читается: „O the bleeding drops of red“, шестая: „But I with mournful tread“ седьмая: „Walk the deck my captain lies“.) Не слѣдуетъ ли изъ этого что мы съ г. Діонео слишкомъ даже внимательно читали Конвея, и что истерическое восклицаніе г-жи Елены Ц.: „Конвея не читать ни тотъ, ни другой!“—есть только истерическое восклицаніе?

Если бы, дальше, г-жа Елена Ц. дѣйствительно „больше читала“ и „меньше выводила словъ на бумагѣ“, она знала-бы, что въ Лондонской „Academy“ за 1892 г. (April) сказано объ Уитманѣ: „Нужно замѣтить, что лазаретная работа вовсе не была въ началѣ его цѣлью. На войну онъ отправился просто за тѣмъ, чтобы ухаживать за своимъ раненымъ братомъ, и потомъ его ухаживаніе, естественно, было обращено и на другихъ, кто былъ въ такомъ же положеніи. Онъ ничего не получалъ за свою службу, но потомъ ему дали незначительную правительственную должность“... (р. 325).

А въ книгѣ авторитетнаго Уитманіанца—Isaac Hull Platt'a написано: „Братъ Уитмана—Джорджъ... былъ раненъ въ первой же битвѣ при Фредериксбургѣ, и, когда слухъ объ этомъ дошелъ до Уитмана, онъ тотчасъ же поспѣшилъ въ армію, чтобы помочь ему“.
 (The Beacon Biographies of Eminent Americans, ed. by M. A. De Howe. 1904).

Объясните-же г-жѣ Еленѣ Ц. (о, не сейчасъ! когда-нибудь потомъ!), что я имѣлъ право, не спрашиваясь у нея, указать на родственныя чувства Уитмана, какъ на поводъ къ его лазаретной дѣятельности. Касательно-же того, что онъ „помогъ многимъ умирающимъ“, то откуда, скажите, такія строки: „Три года провелъ онъ на войнѣ и за это время,—по словамъ его біографовъ,—облегчилъ страданія ста тысячамъ человѣкъ, больныхъ и раненыхъ. Здѣсь онъ заболѣлъ маларіей, и никогда уже не могъ оправиться отъ этого недуга“. Это мои слова изъ моей же статьи объ Уитманѣ („Маякъ“ I, 1906), но не говорите этого г-жѣ Еленѣ Ц.,—ибо ей станетъ стыдно. Не говорите ей также, что въ московскомъ сво-

емъ рефератъ * я даже приводилъ восторженныя мнѣнія раненыхъ объ Уитманѣ.

Потомъ новый выкрикъ: Уитманъ „дѣйствительно зналъ гоненія и одиночество“. Право, если бы не истерика, я подумалъ бы, что г-жа Елена Ц. нарочно передергиваетъ: у меня вѣдь говорится о предсмертныхъ годахъ Уитмана, когда вокругъ него твердо стояли John Burroughs, O' Connor, Dr. Bucke, Horace Traubel—и мало ли кто!—„loyal, staunch, loving, open-handed.“.

Однако откуда этотъ ворохъ живыхъ, легкомысленныхъ и капризныхъ восклицаній? Почему г-жѣ Еленѣ Ц. понадобилось, на смѣхъ свѣдущимъ людямъ, выбѣжать вдругъ на улицу, наброситься на прохожаго и выкрикивать истерическія слова? Исключительно изъ за того, что „Бальмонтъ — папирусъ“, „Бальмонтъ — тайновидецъ“, „Бальмонтъ—математикъ“, „Бальмонтъ—поэтъ-возсоздатель“, „Бальмонтъ—Высокій“, Бальмонта цѣнять „специалисты... языковѣданія въ Англии, Испаніи, Франціи“.

Г-жѣ Еленѣ Ц. кажется, что вся вселенная въ заговорѣ противъ Бальмонта. Ей кажется, что я, упомянувъ въ числѣ прочихъ статейъ объ Уитманѣ и статейку Бальмонта, — имѣлъ тайную цѣль „отстранить и вовсе устранить“ этого поэта. Ей кажется, что я, написавъ эти десять строкъ, обнаружилъ, что у меня въ жизни „нѣтъ ничего завѣтнаго“. Ей кажется, что этими десятью строками я хотѣлъ „задушить“ нашего писателя. Что журналъ „Вѣсы“ исключительно существуетъ для такого смертоубійственнаго дѣла.

Но она спокойна. Она читала Гёте, Блаватскую и Герцена, она знаетъ біологію, она знаетъ ботанику, она знаетъ теорію вѣроятностей,—и она спокойна: Бальмонтъ задушить меня, а не я его!

Слушаемъ доказательства г-жи Елены Ц.

Бальмонтъ „первый далъ яркую характеристику Уитмана и рядъ переводовъ изъ него“, — говоритъ она. Но вѣдь это же явная ложь! Впервые по-русски объ Уитманѣ говорится въ лекціи John Swinton'a въ Коршевскомъ „Заграничномъ Вѣстникѣ“, июнь 1882 г. Характеристика „Уолта Гуитмана“, въ общемъ вполне приличная и добросовѣстная, помѣщена въ мартовской книжкѣ того-же журнала, 23 года тому назадъ (1883 г.). Наконецъ, за 6 лѣтъ до Бальмонтовой статьи, въ „Русскомъ Богатствѣ“ была напечатана статья г. Діонео: „Оскаръ Уайльдъ и Уотъ Уитманъ“, гдѣ, хоть и „по Конвею“, а все же дана болѣе яркая и мѣткая характеристика, чѣмъ сплетенная Бальмонтомъ изъ эффектныхъ словъ и ничего не говорящихъ періодовъ. Въ этой же статьѣ г. Діонео даетъ цѣлый рядъ своихъ не-

* Вступленіе въ бесѣду о поэзіи У. Уитмана, читанное въ Московскомъ Литературно-Художественномъ кружкѣ 7 ноября 1906 г.

притязательныхъ переводовъ и, право, они лучше, чѣмъ переводы патентованнаго заграничными „спеціалистами“ переводчика.

Бальмонтъ, какъ переводчикъ... Я преклоняюсь передъ Бальмонтомъ-поэтомъ. Со всѣмъ слабымъ и отталкивающимъ, что есть въ немъ, онъ для меня — создатель новаго міра, новаго неба и новой земли. Для меня — для каждаго изъ насъ — Бальмонтъ — это частица насъ самихъ, это мы сами. Онъ — наши глаза, наши уши, наши руки. Но, г-жа Елена Ц., „аще око твое соблажняетъ тя, ими е и верзи отъ себѣ“.

Бальмонтъ, какъ переводчикъ, — это оскорбленіе для всѣхъ, кого онъ переводитъ: для По, для Шелли, для Уайльда. Г-жа Елена Ц. поучаетъ меня, что переводъ долженъ быть художественно-воссоздающимъ, а не „ученически-дословнымъ“. А развѣ Бальмонтъ „воссоздаетъ“? Вѣдь у Бальмонта и Кальдеронъ, и Шелли, и По, и Блэкъ — всѣ на одно лицо. Всѣ они — Бальмонты. Читатель, знакомый съ ними по-Бальмонту, не отличить ихъ другъ-отъ-други. Всѣ они съ какимъ-то ухарскимъ завиткомъ, всѣ они гладкіе, круглые, юнкерски-удалые. Ну, хорошо, лги въ отдѣльныхъ словахъ, но систему словъ, но колоритъ словъ каждому оставь ихъ собственные, а у Бальмонта:

краски — ласки — пляски — сказки —

Это и Теннисонъ и Блэкъ и По!

У Бальмонта Шелли говоритъ: „въ восторгахъ цѣпенѣя“, (Шелли т. I, изд. „Знанія“, стр. 19), „счастья сладкій часъ“ (стр. 17), „Царица моего сердца“ (стр. 14). Въ переводахъ Бальмонта изъ Шелли *broad moonlight* передано „широкая луна“ (стр. 137); *the green* (лужайка) переведено „зеленая краска“, при чемъ эта „зеленая краска“ фатально повела къ приемъ „сказка“, и точный образъ Шелли превратился въ звонкую безсмыслицу (стр. 133). У Бальмонта сонеты Шелли порой превращаются въ пятнадцать и шестнадцать стиховъ (стр. 11 и 12), а Стансы изъ 24 строкъ въ 48 стиховъ — и какихъ стиховъ! У Бальмонта, въ стихотвореніи „Холодное небо“, Шелли говоритъ:

Блестѣли глаза твои грустно и странно
При свѣтѣ невѣрномъ далекой луны.

Г-жа Ц. велитъ не требовать ученической точности. Хорошо, пусть Бальмонтъ выдумалъ заглавіе этого стихотворенія (у Шелли нѣтъ такого заглавія), пусть Бальмонтъ навязалъ Шелли некраповскій размѣръ (у Шелли размѣръ совсѣмъ другой), пусть даже онъ выдумалъ эти подчеркнутыя слова ибо у Шелли сказано просто:

Thine eyes glowed in the glare—Of the moon's dying light,—почему же онъ все это выдумалъ не въ духѣ Шелли, а въ духѣ г. Ратгауза!

Нѣтъ, г-жа Елена Ц., всѣ, кто любятъ Шелли и всѣ, кто любятъ Бальмонта, должны стыдливо опускать глаза, когда кто заговоритъ о переводахъ Бальмонта изъ Шелли. (О Бальмонтѣ, какъ о переводчикѣ, я надѣюсь поговорить подробнѣе, а пока беру первые попавшіе примѣры).

Съ Уитманомъ Бальмонтъ сдѣлалъ нѣчто невозможное. Бѣдная г-жа Ц. вылила мнѣ на голову цѣлый словарь Александрова, и привела тысячу отрывковъ изъ Уитмана, не идущихъ къ дѣлу, но замѣтили-ли вы, что ни разу не привела она тѣхъ его строкъ, съ которыхъ сдѣланы инкриминируемые переводы? А въ нихъ вѣдь все дѣло. Стоитъ привести эти строки, и вся ученая истерика г-жи Елены Ц. окажется обыкновенной женской истерикой.

Начну со слова *worthy*. Г-жа Ц. заливается: „Увѣряю васъ, г. обвинитель, что *worthy* именно означаетъ достойный, а дорогой передается по-англійски словами *valuable*, *precious*, *costly*, или *dear* и *beloved*, когда рѣчь идетъ о влеченіи сердца къ сердцу“.

Остановите г-жу Ц., а я приведу покуда подлинникъ:

„Not physiognomy alone nor brain alone is worthy for the Muse“.

Видите, въ подлинникѣ: для Музы. Но „достойный для Музы“ по-русски — безграмотно. По-русски „достойный“ обыкновенно требуетъ род. пад. (достойный чего), и только наши дьяконы любятъ горорить „достойный человекъ“ (вмѣсто: человекъ съ достоинствами“). Бальмонтъ и взялъ этотъ дьяконскій оттѣнокъ слова, а слова „для Музы“ — онъ выбросилъ прочь, хотя въ нихъ весь смыслъ стихотворенія. Я и предложилъ ему: дорогой, драгоценный для Музы, — единственно возможный правильный переводъ выраженія Уитмана (кстати: „достойный Музы“ было бы по-англійски *worthy of the Muse*, а не *for the Muse*“).

Укрывъ отъ читателя подлинникъ, г-жа Елена Ц. охотно подсовываетъ ему все, что не имѣетъ къ дѣлу никакого отношенія. Напримѣръ, она упражняется въ томъ, что приводитъ всѣ мѣста, гдѣ Уитманъ словомъ *body* означалъ тѣло. Этимъ она только иллюстрируетъ мои слова, что предпочтеніе тѣла духу было любимой мыслью Уитмана. Но почему шуллерство въ картахъ наказуется строже, чѣмъ шуллерство въ литературѣ? Вѣдь если бы г-жа Елена Ц. не укрыла подлинникъ, всѣ увидѣли бы тамъ:

Not physiognomy alone nor brain alone is worthy for the Muse,
I say the Form complete is worthier far.

Г-жа Елена Ц. требуетъ, чтобы „form“ я переводилъ „форма“: Бальмонтъ перевелъ именно такъ, и вышла нелѣпость: форма много достойнѣе, чѣмъ лицо и мозгъ. Г-жа Елена Ц. дополняетъ эту нелѣпость своею собственной: „Female form“—она, словно издѣваясь надъ собой, переводитъ:

Женская форма!!

Бѣдный Бальмонтъ! Неужто онъ нуждается въ такихъ защитникахъ?

То самое стихотвореніе, которое приводитъ г-жа Елена Ц. обращается противъ нея. Извольте перевести какъ-нибудь такъ, чтобы это звучало по-русски столь же естественно и просто, какъ по-английски:

This is the female form,
A divine nimbus exhales from it...

„Женская форма“—это по-русски немислим! Г-жа Елена Ц. сама согласна, что это „странно звучитъ въ нашемъ русскомъ стихѣ“. Нужно какъ-нибудь иначе. Какъ? „Поэтъ-возсоздатель“ взялъ словарь Александрова, да такъ и перевелъ по словарю: „форма“, а я, чтобы „отстранить, устранить, задушить“ его, предложилъ единственно правильную версію: „тѣло“.

Сдѣлалъ это я еще воть почему: въ томъ подлинникѣ, который утаила г-жа Елена Ц., эта самая „форма“ противопоставляется „мозгу и лицу“. А развѣ лицо не „форма“? Развѣ форму можно противопоставлять мозгу? И еще: стихотвореніе это поставлено Уитманомъ во главѣ его книги, оно—его profession de foi, оно, по мысли Уитмана, должно конденсировать всю его книгу. Въ этомъ первомъ стихотвореніи онъ не станетъ заниматься какими-то побочными и не типичными разсужденіями,—здѣсь онъ хочетъ познакомить съ первыхъ же словъ читателя со своею Музой: для Музы такъ же драгоценно тѣло, какъ мозгъ и лицо. Упомянаніе о формѣ для Уитмана не типично: г-жу Елену Ц. обманули, когда сказали ей, что Уитманъ—„ваятель“, „художникъ“ и т. д. Уитманъ не воспѣвалъ „формъ“ тѣла, потому что онъ воспѣвалъ и кишки, и желудокъ, и жилы, и кровь. Онъ не могъ любить „формъ“, какъ „ваятель“ или „художникъ“, потому что онъ любилъ всякія „формы“,—красивыя и безобразныя. О внѣшности онъ не заботился, и, на примѣръ, старыя женщины нравились ему больше

молодых („Leaves of Grass“. London: G. P. Putnam's Sons, 1903, 217, „Beautiful Women“).

По той же не-любви къ формамъ, Уитманъ пренебрегалъ формой стиха. Въ своей статьѣ объ Уитманѣ я цитирую его стихи: „никакихъ украшеній, никакихъ запутанныхъ любовныхъ фабулъ, никакихъ чрезвычайныхъ героевъ, — ни легендъ, ни стиховъ, ни романсовъ, ни благозвучій, ни риемъ“. Такимъ образомъ, когда г-жа Елена Ц. поучаетъ меня о томъ, что Уитманъ не любилъ риемъ, она немного опаздываетъ. Да, Уитманъ не любилъ риемъ, но потому-то каждую риему, каждое сверкнувшее у него созвучіе нужно лелѣять съ особеннымъ вниманіемъ. Г-жѣ Еленѣ Ц. кажется, что Бальмонтово „кричащее и“ передаетъ то, что у Уитмана. Мнѣ кажется—нѣтъ.

У Уитмана вотъ что:

Through the windows—through doors—burst like a ruthless force.

Я замѣтилъ риему (или, какъ хочется г-жѣ Еленѣ Ц., созвучіе) force и doors. Г-жа Елена Ц. говоритъ: doors долгое не риемуется съ краткимъ force. Вѣрно ли это?

Беру Росетти:

Rose Mary gazed from the open door
As on idle things she cared not for

И заключаю, что г-жа Елена Ц. снова говоритъ вздоръ.

Пусть даже не знающій англійскаго языка взглянетъ на очертаніе подлинника и перевода,—и онъ увидитъ, что переводъ сдѣланъ невѣрно:

Beat! beat! drums!—blow! bugles! blow!
Through the windows—through doors—burst like a ruthless force.

Бьющія, смятенныя слова. А у Бальмонта скучающе, утомленно и неинтересно:

Громче ударь, барабань!—Трубы, трубите, трубите!
Въ окна и въ лвери ворвитесь—съ неумолимою силой.

Ну, хорошо. Оставимъ въ сторонѣ созвучія, оставимъ темпъ, оставимъ окраску стиха: вѣренъ-ли этотъ переводъ? Нѣтъ. Г-жу Елену Ц. опять обманули, когда сказали ей, что „съ неумолимою силой“ все равно, что „подобно безжалостной силѣ“. Въ подлинникѣ сказано like—подобно. Уитманъ недаромъ привелъ это сравненіе. Звуки

врываються въ дома, какъ, подобно, словно сила. Сравненіе это будетъ безсмысленно, если мы не вспомнимъ, что сила—и по-русски, и по-англійски и, вѣроятно, на всѣхъ языкахъ, означаетъ полчище, орда, войско. Открываю словарь Вебстера (Webster), пользующійся всеобщимъ авторитетомъ въ Англии, и читаю подъ словомъ force, восьмое значеніе—troops, army, паву, т. е. войско, армія, флотъ! Уитманъ говоритъ: ворвитесь въ окна, подобно ордѣ. Пропустить это сравненіе: это значить—сгладить, ополнить, обезсилить Уитмана.

Читатель видитъ, что нападки Г-жи Елены Ц. не стоятъ внимательнаго отвѣта. Далѣе буду кратче. Г-жа Елена Ц., утаивъ еще разъ отъ читателя подлинникъ, и еще разъ вмѣсто подлинника подсунувъ ему не идущаго къ дѣлу Кларка, заявляетъ: для Уитмана молитва есть простая невозможность, Уитманъ не прикасается къ понятію о личномъ Божествѣ.

А я развѣ говорилъ, что онъ „прикасается“? Задолго до г-жи Елены Ц., я напечаталъ въ газетѣ „Мысль“ (29. VI. 1906) эти строки Уитмана:

Я говорю человѣку: что тебѣ думать о Богѣ:
Вѣдь я любопытнѣе всѣхъ, а и то не забочусь о Богѣ.

А вотъ, если бы г-жа Елена Ц. не утаивала подлинника, читатель увидѣлъ бы, что въ этомъ подлинникѣ говорится объ „unrestrieted faith“, что въ этомъ подлинникѣ есть слова:

Each is not for its own sake,
I say the whole earth and all the stars in the sky are for religion's sake.

Что заключительныя строки этого подлинника таковы:

Nor character nor life worthy the name without religion
Nor land nor man or woman without religion.

И онъ понялъ бы тогда, что стихотвореніе это—религіозное, молитвенное; что слова „благословѣнный“, „обожаящій“—здѣсь чужія слова, что здѣсь, въ этомъ религіозномъ, молитвенномъ стихотвореніи devout значить набожный, а adore—поклоняться, молиться.

Что же до словаря Александрова, то „поэтъ-возсоздатель“ не долженъ ли быть къ нему вполне равнодушенъ? И почему г-жа Елена Ц., чуть гдѣ Бальмонтъ исказить смыслъ подлинника, кричить, что

„Бальмонтъ—возсоздатель, и ученическая точность ему не указъ“. А гдѣ Бальмонтъ придержится ученической точности и тѣмъ наипаче исказить подлинникъ,—г-жа Елена Ц. суетъ намъ въ лицо школьный вокабулярій. Подлинниковъ же она не приводитъ.

Какovy же вообще приемы „доказательности“ г-жи Елены Ц.? Она передергиваетъ. Поучаетъ меня тому, что всѣмъ извѣстно и написано въ моихъ же статьяхъ. Съ новой литературой объ Уитманѣ не знакома, и потому безапелляціонно выкрикиваетъ то, что давно уже опровергнуто позднѣйшими изслѣдователями. Учитъ меня произношенію англійскихъ словъ, а сама даже не умѣетъ произнести имени того, изъ-за кого весь сыръ-боръ загорѣлся: ни англичане, говорящіе по-англійски въ Англии, ни американцы, говорящіе по-англійски въ Америкѣ, не произносятъ имени Уитмана Уо л т ѣ — такъ произносятъ Французы, говорящіе во Франціи по-французски.

Простить-ли Бальмонтъ свою непрощенную „услужливую“ защитницу за такую блестящую иллюстрацію къ нѣкоей баснѣ Крылова?—Не знаю. Я простилъ бы: Г-жа Елена Ц. писала съ намѣреніями добрыми.

С.-Петербургъ.

Корнѣй Чуковскій.

О КНИГАХЪ.

I. КРИТИКА.

ОМУЛЕВСКИЙ (И. В. ФЕДОРОВЪ). Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ, біографическимъ очеркомъ и бібліографическимъ указателемъ. Подъ редакціей П. В. Быкова. Въ двухъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. С.-Петербургъ. Ц. 3 р.

Книгоиздательская фирма Маркса продолжаетъ издавать собранія сочиненій великихъ и малыхъ писателей земли русской. На этотъ разъ ею воскрешенъ изъ мертвыхъ давно и справедливо забытый мелкій беллетристъ семидесятыхъ годовъ, И. Федоровъ, писавшій подъ псевдонимомъ Омудевскаго. Трудно рѣшить, почему выборъ издателей остановился именно на Омудевскомъ: подобныхъ ему писателей у насъ существуютъ легіоны. Въ первомъ томѣ помѣщенъ знаменитый когда-то романъ „Шагъ за шагомъ“, посвященный Шеллеру-Михайлову, и представляющій рабское подражаніе этому романисту. Но если романы Шеллера, все же составляющіе историко-литературное явленіе, имѣютъ хотя нѣкоторое подобіе художественности, то произведеніе Омудевскаго лишено даже слабого намека на оригинальное творчество. Здѣсь все придумано, начиная съ фамиліи героя — Свѣтлова — и кончая манерно-надутымъ заключеніемъ, забавно пародирующимъ конецъ „Гнилыхъ болотъ“. Во всемъ романѣ нѣтъ ни одного живого лица, ни одной искренней фразы; въ ходѣ дѣйствія нелѣпость нагромождается на нелѣпость — и все это изложено такъ называемымъ суконнымъ языкомъ, напоминающимъ худшія мѣста изъ романовъ Шеллера.

Стихотворныя произведенія Омудевскаго, вошедшія во второй томъ, ниже всякой критики. Между прочимъ, Омудевскій еще въ началѣ своей литературной дѣятельности успѣлъ переводами изъ Мицкевича стяжать себѣ лавры Герострата, изуродовавъ одновременно и русскій языкъ, и стихи польскаго поэта. Эти переводы благоразумно опущены издателями, но и позднѣйшихъ стиховъ Омудевскаго довольно, чтобы набить оскомину самому снохдительному читателю. Какъ поэтъ, Омудевскій стоитъ на одной доскѣ съ Стопановскимъ, Кролемъ, Лейкинымъ и другими своими:

сверстниками и сотрудниками по петербургскимъ изданіямъ 60-хъ, 70-хъ годовъ. Нѣтъ надобности приводить здѣсь образчики его стиховъ; достаточно сказать, что Омудевскій никогда поэтомъ не былъ. Если репликамъ его героя Свѣтлова придать опредѣленный размѣръ и снабдить ихъ римами,—мы получимъ стихи Омудевского. Это какъ разъ та самая форма творчества, что такъ бойко процвѣтала подъ перомъ Конрада Лилиеншвагера.

Быть можетъ, издатели Омудевского рассчитывали зачислить его, хотя бы и заднимъ числомъ, въ ряды „борцовъ“ и, такимъ образомъ, сбыть его сочиненія, какъ ходкій товаръ,—но врядъ ли этотъ расчетъ окажется вѣрнымъ. Современная „читающая публика“ уже не удовлетворится прѣсными издѣліями Омудевского: гг. Чириковы и Скитальцы развили въ ней прочный вкусъ къ „Сборникамъ Знанія“, столпы которыхъ такъ эффектно „кровью и ядомъ“ плюютъ въ лицо Европѣ.

Борисъ Садовской.

WILHELM VON SCHOLZ. Der Jude von Konstanz. Verlag Georg Müller. München.

WILHELM VON SCHOLZ. Gedanken zum Drama. Verlag Georg Müller. München.

WILHELM VON SCHOLZ. Hebbel. (Die Dichtung, Band 28). Verlag Schuster & Loeffler. Berlin.

WILHELM VON SCHOLZ. Kunst und Notwendigkeit. Verlag Oesterheld & Co. Berlin.

Вильгельмъ фонъ Шольцъ—молодой поэтъ современной Германіи. Среди его стиховъ есть такіе, которые могутъ быть названы лучшими нашихъ дней. Безконечно расплывчатые и притомъ все же поразительно-наблюдательные. Съ женственно-мечтательной неясностью и съ почти невѣроятной чистотой линіи. Есть у него и драмы. О нихъ можно сказать то же, что и о стихахъ. Всѣ внѣшнія переживанія съ презрѣніемъ—часто почти по-женски несправедливымъ—брошены въ расплывчатые контуры, тогда какъ на душевную жизнь направлены снопы лучей. Творчество Вильгельма фонъ-Шольца—это высокое зеркало въ пустой комнатѣ, въ которомъ въ полночь отражается мѣсяць.

Все это можно найти и въ послѣдней драмѣ поэта: „Констанскій Еврей“, произведеніи поразительной красоты и роковой трагичности. Это—творчество болѣе зрѣлое, болѣе широкое, чѣмъ предыдущія драмы Шольца. Значительность дѣйствія, грозность общаго фона, сила діалога и эффектность отдѣльныхъ сценъ—все сливается въ одно огромное цѣлое. Въ то же время драма исполнена

тонкихъ отѣнковъ и изысканныхъ отзвуковъ. По глубинѣ проникновенія въ свою задачу и по силѣ трагическаго инстинкта „Констанцскій Еврей“ напоминаетъ драмы Геббеля.

Драмы Геббеля подобны огромнымъ скаламъ изъ базальта, что словно окаменѣлыя ночи наполняютъ наши души ужасомъ, пугая и отымая дыханіе своей темнотой, но все же онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ чистому пламени. Въ нихъ затаены оупьяненіе и гибель; полетъ въ безконечность и паденіе на далекія звѣзды. Шольцъ нѣжнѣе, женственнѣе. Онъ не такъ подавляетъ своей дикостью, какъ Геббель; въ немъ больше культуры, и у него болѣе чувствительные нервы. Но родство душъ, глубочайшее и послѣднее, остается. Женственный Геббель—вотъ какъ хотѣлось бы назвать Вильгельма фонъ-Шольца!

Поэтому Шольцъ является однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ толкователей Геббеля. Въ его монографіи, сказаны самыя цѣнныя, быть можетъ, слова, которыя когда-либо произносились въ Германіи объ этомъ суровомъ и безпощадномъ поэтѣ. По этимъ словамъ можно точно установить то родство душъ двухъ поэтовъ, которое въ трагедіяхъ Шолца можно лишь чувствовать. Еще явственнѣе это въ теоретическихъ сочиненіяхъ Шольца, въ его „Мысляхъ о драмѣ“ и въ книжечкѣ „Искусство и необходимость“, въ которой онъ выставляетъ четыре тезиса драматическаго искусства. Здѣсь ясно видны нити, которыя тянутся отъ творчества Геббеля къ творчеству самого В. фонъ Шольца, и открывается вполне глубокое сходство ихъ личностей.

Это сходство основано на трагическомъ инстинктѣ, который въ равной мѣрѣ близокъ имъ обоимъ и на свойственномъ имъ дарѣ видѣть проблемы тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ замѣчаетъ лишь голые факты.

Maximilian Schick.

ИВ. НОВИКОВЪ. Изъ жизни духа. Романъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1906. Ц. 1 р.

Много уже написалъ Ив. Новиковъ.

Написалъ онъ и „Исканія“,—сборникъ статей очень „юный“, слабый и нецѣльный. Написалъ романъ „Изъ жизни духа“,—большой романъ. Написалъ стихи „Про разное“, знакомые стихи—у А. Блока списанные. Написалъ „Въ слободѣ“,—„небылицу въ лицахъ“, подобную „кусту-кустяному“ А. Бѣлаго... Много написалъ Ив. Новиковъ, но нѣтъ у него истиннаго лица.

Болитъ душа его, хочется писать и не можетъ. Нѣтъ своего слова, своей краски и формы, и бѣжитъ онъ то къ А. Бѣлому, то къ А. Блоку и беретъ ихъ „формочки“ и вкладываетъ въ нихъ слова

чужія... Есть произведенія полныя до краевъ, какъ чаша съ серебристою влагою, какъ ларецъ съ камнями драгоценными. Упадеть, одна капля, упадетъ алмазъ—и жаль ихъ. А есть произведенія, гдѣ золото и пыль вмѣстѣ смѣшаны, гдѣ хочется многое выкинуть, чтобы легче было. Чтобы яснѣе, ярче вспыхнуло золото. Подобенъ этимъ произведеніямъ и романъ Ив. Новикова. Въ немъ можно очень многое выкинуть, особенно изъ „драматизма“.

Въ романѣ умираютъ трое; одинъ—отъ чахотки, другой топится, третій стрѣляется. Пятый только покушается, шестого только арестуютъ. Есть мѣста въ романѣ очень знакомыя. На стр. 172 пересказаны „своими словами“ идеи Раскольниковова объ убійствѣ, на стр. 273—выраженіе, близкое Л. Андрееву: смотрѣлъ „съ узкой, сухо шуршавшей улыбкой“ и т. д. Но есть и свои „перлы“: „...а глаза автономно-свободные, глядятъ въ открыто-бездонную пропасть...“ стр. 213. „Автономно-свободные глаза“—это очень модное сравненіе. Или еще: „...душа звучала въ отвѣтъ съ той неуловимой особенностью, какая есть въ игрѣ скрипки, вышедшихъ изъ рукъ разныхъ(?) мастеровъ“. Есть маленькое упущеніе. На стр. 209 нѣкій „поэтъ“, „декадентъ“, сравниваетъ, голосъ дѣвницы съ „колокольчикомъ изъ серебра на высокой, упругой трости“, „въ воскресенье, рано утромъ, когда встаетъ солнце... но еще не встало“. И это сравненіе: „когда встаетъ солнце... но не встало еще“, на стр. 232, повторяетъ другой человѣкъ, не слыхавшій его. Ив. Новиковъ знаетъ эти слова, но совершенно забыть, что ихъ не знаетъ тотъ человѣкъ, въ чьи уста они вложены... Въ началѣ романа замѣчается нѣкоторое злоупотребленіе словомъ „пленка“. Оно повторяется нѣсколько разъ подрядъ.

Въ общемъ, романъ производитъ впечатлѣніе неровное. Иногда кажется, что вотъ-вотъ что-то есть, что-то выявляется, но читаешь дальше, — и это „что-то“ погасаетъ, и со страницы глядятъ чьи-то „автономно-свободные глаза“.

Хорошая сторона въ этомъ романѣ и вообще въ творествѣ Ив. Новикова—это его „исканія“. Съ протянутыми впередъ руками идетъ онъ среди жизни и ищетъ новыхъ путей къ свободному духу, въ его царство, путей къ чистотѣ, къ освобожденію отъ животности тѣла. Правъ или не правъ онъ, — объ этомъ говорить не будемъ. Онъ ищетъ,—и это хорошо. Пока еще онъ не нашелъ ни пути, ни формы для выраженія своихъ мыслей и поэтому „мечется“, какъ больной, отъ одного нашедшаго, къ другому: отъ Л. Андреева къ А. Вѣлomu, отъ А. Блока къ Достоевскому.

ЕВГЕНІЙ ЖУРАКОВСКІЙ. Траги-комедія современной жизни. Литературно-критическіе очерки. Москва. 1906. Ц. 1 р.

Въ предисловіи авторъ проситъ указаній на недочеты его работы, но, выражаясь мягко, вся-то она — одинъ сплошной недочетъ. Мы положительно затрудняемся назвать другую книгу, гдѣ бы, съ большимъ притязаніемъ на ученость и глубокомысліе, было высказано такое же неимовѣрное количество плоскихъ сужденій, дѣтски-наивныхъ выводовъ и пошлѣйшихъ обобщеній... Творчество такихъ писателей, какъ Ибсенъ, Чеховъ, Пшибышевскій и Леонидъ Андреевъ, при всемъ ихъ неравенствѣ и внутренней несоизмѣримости, чрезвычайно значительно и жизненно своимъ основнымъ стремленіемъ—гдѣ разрѣшить, а гдѣ хотя бы изобразить, мятежную многосложность современной души въ ея насущнѣйшемъ алканіи,—и братья за истолкованіе этого творчества, за опредѣленіе степени его соответствія дѣйствительному положенію текущихъ вещей, подобаетъ отнюдь не „критику“ съ болѣе чѣмъ скромной логичностью и съ болѣе чѣмъ близорукимъ взглядомъ г. Жураковского. Все это ему рѣшительно неподсудно. И если ненадежна и психологически недопустима критическая оцѣнка того или иного автора или произведенія безъ мало-мальски полнаго слиянія съ нимъ, то чего можно ожидать отъ человѣка, который или вовсе не понимаетъ даннаго произведенія искусства или же понимаетъ его въ самомъ грубомъ и пошломъ смыслѣ? Допустимъ, что еще можно видѣть въ герояхъ Пшибышевскаго нѣкоторое отраженіе неправильно понятыхъ самимъ ихъ творцомъ ницшеанскихъ идей,—но кто же, кромѣ г. Жураковского рѣшится, напримѣръ, утверждать, что „заключительный аккордъ“ „Женщины съ моря“ Ибсена напоминаетъ „завершеніе“ пьесы Зудермана „Счастье въ уголкѣ“! А примѣровъ такой „проницательности“ у нашего автора сколько хотите. О чемъ бы и о комъ бы ни говорилъ г. Жураковскій,—свою задачу критика онъ упрощаетъ до ученически-наивной „характеристики“ писателей и лицъ, а то и до простого, бездарнаго пересказа отдѣльныхъ произведеній или сценъ своими словами, излагая при этомъ свои мысли (=свое недомысліе) мучительно-тяжеловѣснымъ, бессмысленнымъ языкомъ, нечуждымъ даже грамматическихъ ошибокъ.

Съ чисто логической стороны сочиненіе г. Жураковского то и дѣло поражаетъ отсутствіемъ всякой связи, скачками съ одного предмета на другой, противорѣчіемъ въ двухъ рядомъ стоящихъ положеніяхъ. Въ очеркѣ „Цвѣты женскаго героизма“ (каково заглавіе!), на стр. 73, сочинитель пишетъ, напримѣръ: „Ибсенъ остался вѣренъ себѣ отъ перваго шага до послѣдняго. Временами мѣнялись его взгляды на отдѣльные вопросы жизни“... И нѣсколько ниже: „Но если мѣнялись взгляды Ибсена на многіе различныя

вопросы жизни, то въ отношеніи своихъ взглядовъ на человѣческую природу онъ остался вѣренъ себѣ“. А вотъ образцы глубоко-мысля и краснорѣчія г. Жураковского: „Натуры активныя и натуры пассивныя различно относятся къ жизни, различно проявляются въ поступкахъ, различно реагируютъ на серьезныя жизненные обстоятельства“. Или же: „Внѣ пути, безъ дороги плетется онъ—(Чеховскій „никчемный герой“),— какъ запоздалый путникъ жизни, застигнутый мятежью, въ которой разрушенъ его экипажъ и затеряны его дорожныя вещи“. Или это: „Бракъ—(Гедды Габлеръ съ Тесманомъ)—не имѣетъ корешка любви...“ Но такихъ примѣровъ тысячи. Замѣтимъ еще, что, толкуя Ибсена вкривь и вкось, г. Жураковский не потрудился, на примѣръ, запомнить такое имя, какъ Брандъ, и называетъ его то Брантомъ, то даже Брандтомъ!

Въ заключеніе не можемъ не указать на восхитительный примѣръ изобрѣтательности автора въ области терминологіи. Опредѣляя основную черту творчества Леонида Андреева (стр. 128), авторъ говоритъ объ его своеобразномъ приѣмѣ мистификаціи жизни, придавая этому слову особое значеніе, вопреки его прямому логическому и этимологическому смыслу. Просимъ выслушать этотъ характерный во всѣхъ отношеніяхъ періодъ цѣликомъ: „Если понимать слово мистификація не въ обычномъ смыслѣ окутыванія реального случая въ обманчивую пелену лжи съ цѣлью извратить дѣйствительность ради насмѣшки или одураченія,—а придать словамъ мистификація жизни значеніе мистическаго творческаго павоса, при которомъ наблюденія надъ жизнью совершаются сквозь омрачающую призму, наполняющую всѣ сферы бытія удручающимъ ужасомъ, которымъ искренно переполнено омраченное сердце испуганнаго жизнью художника, который способенъ проникать только въ ужасающую сторону сокровенныхъ тайнъ жизни,—то въ этомъ пониманіи раскроется основная черта таланта Леонида Андреева“. Коротко и ясно! Подумать только, что на такой нелѣпости построены цѣлый „литературно-критическій“ очеркъ! Уже одно это изобрѣтеніе должно прославить г. Жураковского и во всякомъ случаѣ стоитъ того рубля серебромъ, въ который онъ цѣнитъ свою ничего не стоющую книгу!

М. Р.

KARL IOEL. Der Ursprung der Naturphilosophie aus dem Geiste der Mystik. Iena. 1906.

Три раза въ исторіи европейской мысли мы наблюдаемъ расцвѣтъ естественно-научнаго, объективнаго мышленія—въ Греціи, въ эпоху Ренессанса и въ XIX ст. — и трижды предшествуетъ ему повышенное мистическое сознаніе, сопровождаая его и сливаясь съ нимъ по-

рой въ лицѣ одного и того же мыслителя. Указать на тѣсную связь мистики и научнаго мышленія и раскрыть законъ этой связи стремится книга базельскаго профессора Иоеля *, заглавіе которой звучитъ какъ-бы отголоскомъ „Рожденія Трагедіи“ и весь духъ которой овѣянь воспоминаніемъ юнаго базельскаго Ницше. Но въ то время, какъ Ницше уже въ первой своей книгѣ является метафизикомъ, т.-е. творцомъ цѣнностей по преимуществу и потому обреченнымъ на отрицаніе и низведеніе почти всей дѣйствительности (отсюда скорбь и жесткость въ рѣчахъ метафизика), Иоель принадлежитъ къ типу психолога-эстетика, которому все сущее представляется равноцѣннымъ, равно пріемлемымъ. Мысль его направлена не на раскрытіе смысла бытія, а на художественную реконструкцію порванной цѣпи человѣческаго познанія. Ему чуждъ теоретико-познавательный вопросъ о цѣнности того научнаго мышленія, психологической генезисъ котораго онъ раскрываетъ... Но освобожденная отъ тяготы карать,—милующая улегчающая мысль его на другомъ пути, на пути благоволенія совершаетъ свои цѣнные открытія. Влюбленный въ красоту и гармоническую смѣну греческихъ философовъ, онъ своимъ толкованіемъ художника-психолога проливаетъ на нихъ новый свѣтъ и обнаруживаетъ напряженное чувство и страстный лиризмъ, лежащіе въ основѣ всей ранней натурфилософіи (о которой Виламовицъ говоритъ, что она „nur an den Verstand appellierte—das Herz blieb kalt dabei“). Въ отличіе отъ драматурга и эпика, живущихъ въ социальной сферѣ, лирикъ, погруженный въ свое „я“ ближе къ космическому, — отъ своей души онъ непосредственно переходитъ къ постиженію міроваго цѣлаго. Субъективное чувство, минуя этической, социальной моментъ (его представитъ Платонъ) превращается вольно и безболѣзненно въ объективное научное познаніе. Самое интимное, „келейное“ стремится къ вселенскому. „Кто жадно копить свою душу, тотъ безпечальнѣй всѣхъ расточитъ ее“. Начало науки мечтательно: „только улегченная чувствомъ до легкости звѣзды, земля наша для мысли становится тѣломъ среди тѣлъ небесныхъ“. Totalgefühl wird Denken. Но чувство, расширившееся до міроваго, „всечувство“ — по природѣ своей мистично (Иоель какъ бы отождествляетъ мистику съ пантеизмомъ) и порожденное такимъ чувствомъ научное движеніе несетъ на себѣ въ своемъ неудержномъ бѣгѣ къ рационализму печать мистическаго культа „я“, мистическаго лицезрѣнія Бога. Антропоморфизмомъ проникнута вся до-Платоновская философія,—человѣкъ въ ней символъ и ключъ міроздавнiя...

Иоель не вскрываетъ мистическія глубины и индивидуальныя

* Иоель знакомъ русскимъ читателямъ по своему интересному изслѣдованію «Ницше и романтизмъ», печатавшемуся въ «Вопросахъ Жизни».

особенности разбираемыхъ философовъ, — схватываетъ ихъ въ ихъ общемъ, родовомъ и отмѣчаетъ вѣковые ритмы дыханія философской мысли. Та возвратность, повторяемость человѣческаго познанія, которая составляетъ муку умовъ, жаждущихъ истины конечнаго, умовъ эсхатологическаго склада, плѣняетъ его какъ эстетика и служитъ ему залогомъ психологической истинности даннаго ученія, — другой-же онъ не ищетъ.

Е. Герцыкъ.

TEI-SAN. Notes Sur l'Art japonais. (I. La Peinture et la Gravure. II. La Sculpture et la Ciselure). Paris. Société du Mercure de France. 1905—1906.

Книга Tei-San должна заполнить важный пробѣлъ въ европейской литературѣ по искусству. До сихъ поръ художественное творчество Японіи было темой для обширныхъ, но описательныхъ работъ, какъ извѣстные труды Bing и Gonse, или же монографій, подчасъ талантливыхъ и блестящихъ, какъ монографіи Э. де-Гонкура и Fr. Perzynsky. Полной, критической и научной исторіи японскаго искусства, охватывающей и живопись, и гравюру, и рѣзбу по дереву или кости, чеканку, лаки, ювелирное мастерство и другія отрасли художественнаго ремесла, до сихъ поръ не существовало. Опытъ такой исторіи и представляетъ собой книга Tei-San. Авторъ широко использовалъ, кромѣ обширной европейской литературы и цѣнныхъ каталоговъ знаменитыхъ коллекцій Hayashi, Gillot и пр., важные источники литературы туземной. Ему были доступны сокровища храмовъ и частныхъ собраній, которые обычно японскіе amateur'ы такъ неохотно показываютъ и даже хранятъ тайно. Огромный накопленный матеріалъ обработанъ въ двѣ небольшія книги, гдѣ, сверхъ того, пришлось отвести немало страницъ политической и религіозной исторіи Японіи, слишкомъ недостаточно извѣстной европейцамъ. Немудрено, что мѣстами изложеніе представило большія трудности. Въ общемъ оно сжато, кое-гдѣ прямо-таки сухо и, къ сожалѣнію, не всегда ведетъ къ цѣльности выносиваемаго впечатлѣнія. Картина общаго развитія, которую авторъ хочетъ нарисовать, возстаетъ не всегда отчетливо. При томъ книга не свободна отъ частыхъ пропусковъ и случайныхъ, повидимому, перетасовокъ. Для примѣра можно указать на отношеніе автора къ извѣстному мастеру цвѣтной гравюры, художнику, несомнѣнно, крупному, Кикугава Іезанъ. На страницахъ, посвященныхъ Утамаро и Іейши, Tei-San не говоритъ ничего объ этомъ выдающемся соперникѣ ихъ и почти современникѣ. О немъ упоминается сколько на стр. 253: „Тойохисса,—говоритъ авторъ,—обладалъ манерой средней между манерой своего учителя и манерой Іезана, который процвѣталъ въ

эту эпоху". И это все тогда какъ многимъ, гораздо болѣе поверхностнымъ и менѣе самобытнымъ, художникамъ посвящены десятки строкъ и цѣлыя страницы. Мало того, въ обстоятельной хронлогіи, приложенной въ концѣ книги Іезанъ названъ сыномъ и ученикомъ Іейши. Это не соотвѣтствуетъ ни свидѣтельствамъ другихъ авторитетныхъ историковъ японской гравюры, ни характеру произведеній Кикугавы Іезана. Существованіе подобныхъ пропусковъ можно объяснить трудностью взятой на себя авторомъ задачи и на общую цѣнность книги они вліяютъ не слишкомъ замѣтно. Труднѣе примириться съ общей слабостью личной, критической ноты. Tei-San охотно цитируетъ цѣлыми страницами Гонкура и другихъ писателей, иногда какъ разъ тамъ, гдѣ хотѣлось бы слышать его собственное мнѣніе. Въ результатъ къ наиболѣе знакомымъ образамъ, напимѣръ, Утамаро и Хокусай, не прибавлено ни одной новой черты. Въ связи съ общей тѣснотой именъ и фактовъ, эта особенность придаетъ книгѣ нѣсколько справочный характеръ. Конечно, и въ такомъ видѣ книга Tei-San заслужитъ высокую оцѣнку своимъ систематическимъ распредѣленіемъ огромнаго матеріала датъ, свидѣній и данныхъ.

П. Муратовъ.

ПУБЛІЙ ОВИДІЙ НАЗОНЪ. Пѣсни любви (*Amores*). Въ трехъ книгахъ. Переводъ Я. Б. Москва. 1906. Цѣна 1 руб.

Г. Я. Б. называетъ свой переводъ „литературно-художественнымъ“. Между тѣмъ, передача имъ иныхъ мѣстъ изъ „Amores“ заставляеть сомнѣваться въ знаніи переводчикомъ латинскаго языка. Быть можетъ, г. Я. Б. недавно покинулъ школьную скамью и по гимназической привычкѣ пользовался подстрочникомъ. Но чтобы братья за „литературно-художественный“ переводъ Овидія мало обзавестись „ключомъ“: надо еще обладать художественнымъ чутьемъ, знаніемъ литературы, грамматики и умѣніемъ отличить ямбъ отъ хорей. Въ высшей степени неточный и безграмотно-неуклюжий переводъ г. Я. Б. не имѣетъ ничего общаго съ языкомъ „Amores“. У г. Я. Б. не получается не только Овидіева пентаметра, но и никакого стиха. Вотъ какъ переводитъ г. Я. Б. начало VII элегіи III-ей книги:

Ужель не прекрасна, ужель не стройна моя дѣва?

Сколько разъ бывала предметомъ желаній моихъ (стр. 134).

Въ подлинникѣ:

At non formosast, at non bene culta puella,

At, puto, non votis saepe petita meis.

Въ той же элегіи встрѣчаемся со слѣдующими стихами:

Такъ покидаетъ брата съ чистой душою сестра (стр. 135).

Силами свыше дѣтъ своихъ могъ бы окрѣпнуть Титонъ (стр. 136).

Подобнымъ размѣромъ переведена вся книга. Мелкимъ ошибкамъ нѣтъ числа. „Carpen“ въ значеніи „поэзія“ (L. I, с. XV, v. 2) г. Я. Б. передаетъ „пѣсни поэта“; „adponere“ (L. I, с. V, v. 2) „раскидывать“ вмѣсто „складывать“; „femur“ (L. III, с. VII, v. 10) — „ножка“ вмѣсто „бедро“, „ляжка“ и т. д. и т. д. Къ каждой элегии присочинены нелѣпыя заглавія; въ „примѣчаніяхъ“ сообщаются важныя свѣдѣнія, въ родѣ того, что „у Елены было два мужа—Менелай и Парисъ“ (стр. 55), что „Семирамида была не только воинственна, но и сладострастна“ (стр. 54) и т. п. Съ собственными именами переводчикъ обращается также самоувѣренно-невѣжественно, какъ и со стихомъ. Женскія имена Chlide, Pitho и Libas онъ переводитъ: Чія, Пифеона и Ливья (L. III, с. VII). Всего интереснѣе переводъ стиха: *res erat exiguus, pedis est artissima forma* (L. III, с. III, v. 7): „милыя ножки ея по-прежнему такъ артистичны“ (!). Приведенныхъ примѣровъ, полагаемъ, довольно, чтобы видѣть въ лубочной передѣлкѣ г. Я. Б. безграмотную и грубую пародію на „Amores“.

Борисъ Садовской.

II. Библиографія.

Дневникъ п а д ш е й. Подлинныя записки, обработанныя для печати М. Беме. Пер. съ нѣм. Ф. Ельяшевичъ. Со вступительной статьей С. Франка. Изд. т-ва „Общественная Польза“. Спб. Ц. 70 к.

Ни художественной, ни литературной цѣнности „Дневникъ“ не имѣетъ. Онъ былъ бы интересенъ, какъ настоящій, „личный“ документъ, какъ подлинный ключъ для раскрытія двери въ тайники души проститутки—если-бы его страницъ не касалась посторонняя рука. Въ настоящемъ видѣ онъ потерялъ эту цѣнность. На 317 страницъ „Дневника“ говорится: „Придется предварительно сильно поразбавить его жижицей прежде, нежели преподнести семейной публикѣ“. Г-жа Маргарита Беме, кажется, это и сдѣлала. Она „обработала“ его для печати—это значитъ: сгладила всѣ характерныя черты его; всю индивидуальность, всю „подлинность“. Переводъ „Дневника“ неудаченъ, если не плохъ совершенно. Онъ не имѣетъ самыхъ элементарныхъ чертъ литературности. Встрѣчаются выраженія, вовсе безграмотныя („Онъ одалживаетъ на мое имя“, „Примите это къ руководству“ и много другихъ). О разборѣ „Дневника“

какъ „философскаго произведенія“,—отсылаемъ читателей къ статьѣ С. Франка, предпосланной ему. Статья не очень яркая, но исчерпывающая все содержаніе „Дневника падшей“ и даже нѣсколько преувеличивающая цѣнность и значеніе его.

В. Г.

Les Essais de Michel de Montaigne, publiés d'après l'Exemplaire de Bordeaux, avec les variantes manuscrites et les leçons des plus anciennes impressions, des notes, des notices et un lexique, par Fortunat Strowski, professeur à l'Université de Bordeaux. Sous les auspices de la Commission de publication des Archives Municipales de Bordeaux.

Изданіе это является, несомнѣнно, однимъ изъ рѣдкихъ и достойныхъ подражанія примѣровъ строго-научнаго изданія муниципалитетомъ города сочиненій одного изъ великихъ его согражданъ. Новое изданіе знаменитыхъ монтаньевскихъ „Essais“ производится на основаніи хранящейся въ Бордо подлинной рукописи автора, которая полностью никогда еще не была напечатана. Всѣ находящіяся въ ней приписки и помарки Монтаня воспроизводятся въ текстѣ. Изданіе рассчитано на четыре большихъ тома in quarto; первый недавно вышелъ изъ печати и съ точки зрѣнія типографскаго исполненъ безукоризненно.

п. э.

ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ. Жизнь Иисуса. Переводъ А. С. Усовой, подъ редакціей и съ предисловіемъ акад. А. Н. Веселовскаго. Библиотека „Свѣточа“. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Русская публика давно уже нуждалась въ хорошемъ переводѣ знаменитой книги Ренана, популярности которой установилась прочно. Теперь, когда появилась на рынкѣ тѣмъ сокращенныхъ и безграмотныхъ переводовъ, эта нужда еще болѣе обострилась. Переводъ г-жи Усовой не только вполне грамотенъ, но даже наученъ, и имъ можно пользоваться при серьезной научно-литературной работѣ. Вообще, хорошіе переводы у насъ рѣдки; къ числу такихъ рѣдкостей принадлежитъ новое русское изданіе Ренана.

н. л.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Земная Ось. Разказы и драматическія сцены. Виньетки Василя Миліоти. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. Москва 1907. Цѣна 1 р 50 к.; для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 1 р. 28 к. съ пересылкой.

Содержаніе: Предисловіе.—Республика Южнаго Креста. (Статья въ специальномъ № „Сѣверо-Европейскаго Вечерняго Вѣстника“) — Сестры. (Изъ судебныхъ загадокъ).—Въ подземной тюрьмѣ. (По итальянской рукописи начала XVI вѣка).—Послѣдніе мученики.

(Письмо, не дошедшее по адресу и преданное сожженію рукою палача).—Теперь, когда я проснулся. (Изъ записокъ психопата).—Въ зеркаль. (Изъ архива психіатра).—Мраморная головка. (Разсказъ бродяги).—Земля. (Сцены будущихъ временъ).

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. Нечаянная Радость. Вторая книга лирики. Книгоиздательство „Скорпионъ“. Москва. 1907. Цѣна 1 р. 50 к.; для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 1 р. 28 к. съ пересылкой.

Оглавленіе отдѣловъ: Весеннее. — Дѣтское. — Магическое.—Перстень—Страданіе.—Покорность.—Нечаянная Радость.—Ночная Фіалка (Лирическая поэма).

СТ. ПШИБЫШЕВСКИЙ. Вѣчная Сказка. Драматическая поэма въ 3 дѣйствіяхъ. Съ предисловіемъ автора. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ Е. Троповскаго съ рукописи. Обложка по рисунку К. Брунелески. Книгоиздательство „Скорпионъ“. Москва. 1907. Цѣна 1 р. для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 85 к. съ пересылкой.

Въ этомъ переводѣ „Вѣчная Сказка“ идетъ на сценѣ театра В. Ѳ. Комиссаржевской въ Петербургѣ.

Редакція „Вѣсовъ“ извиняется передъ читателями, что не успѣла дать, по разнымъ причинамъ, въ текущемъ году подробныхъ разборовъ нѣсколькихъ выдающихся книгъ, появившихся за послѣднее время, каковы: В. Розановъ—„У церковныхъ стѣнъ“; Д. Мережковский—„Христось и Антихристъ“, Трилогія (3-е изданіе); К. Бальмонтъ—„Злыя Чары“; И. Бунинъ—Стихотворенія, Т. III; Б. Зайцевъ, Разсказы; А. Купринъ, Разсказы т. III; E. Verhaeren „La Multiple Splendeur“, и т. под. Оцѣнка этихъ книгъ будетъ сдѣлана въ первыхъ №№ „Вѣсовъ“ 1907 года.

ВЪ ЖУРНАЛАХЪ И ГАЗЕТАХЪ.

Сапожникъ, пекущій пироги.

Г. Минскій, котораго мы любимъ и цѣнимъ какъ поэта и мыслителя, рѣшительно не долженъ бы выступать какъ публицистъ и историкъ. Для этого у него нѣтъ ни дарованія, ни знаній. Очень жаль, что опытъ съ „Новой Жизнью“ ничему не научилъ г. Минскаго. Въ „Перевалѣ“ (№ 1) онъ ставитъ себѣ задачей ни много, ни мало, какъ „опредѣлить идею русской исторіи“, чтобы черезъ это опредѣлить „идею русской революціи“. Правда, г. Минскій соглашается, что разрѣшить задачу онъ можетъ „только въ самыхъ общихъ, намекающихъ чертахъ“, но все же успѣваетъ выказать такое невѣжество въ исторіи, которое изумляетъ въ писателѣ, истинно культурномъ и дѣйствительно образованномъ.

Г. Минскій, напримѣръ, увѣряетъ, что Россія, войдя въ соприкосновеніе съ античнымъ міромъ, не въ силахъ была развить въ себѣ принятое сѣмя — „вслѣдствіе захуданія личности“. — „Въ X вѣкѣ, — пишетъ г. Минскій, — тѣ же самые византійскіе мозаичисты, которые украшали церкви во Флоренціи и Венеціи, работали также и въ Кіевѣ. И что же мы видимъ? Въ Италіи византійская мозаика принесла плоды: подъ ея вліяніемъ выросло самобытное искусство Чимабуэ, потомъ Джіотто, до великихъ художниковъ Возрожденія. Въ Россіи зерно заглохло и не дало ростковъ“. Неужели же г. Минскій не понимаетъ простой причины, почему Италія могла живѣе воспринять вліяніе Греціи, чѣмъ Россія? Въ Италіи была уже многовѣковая культура, расшатанная смутной эпохой VI — IX в., но не исчезнувшая; въ Италіи были традиции великихъ художниковъ Римской Имперіи; въ Италіи никогда не прерывалась самобытная художественная жизнь. Что общаго съ Россіей, только въ IX в. вышедшей изъ состоянія варварства? Можно ли на такихъ основаніяхъ строить свою теорію о „захуданіи“ въ Россіи личности!

Не менѣ удивительны такіе риторическіе вопросы г. Минскаго: „Зачѣмъ понадобилась Россіи Финляндія? На что ей нуженъ былъ Кавказъ? Во имя чего нужно было разгромить высшую, сравнительно съ русской, культуру Польши? Зачѣмъ нужна, была Сибирь? Какой культурной миссіей вдохновлялись славянофилы, когда мечтали о покореніи Константинополя?“ и т. д. Г. Минскій, кажется, серьезно думаетъ, что на его вопросы нечего отвѣтить, или, вѣрнѣе, что отвѣтъ на нихъ только одинъ, тотъ, который даетъ онъ самъ: „Только страхъ своей географической беззащитности, только боязнь пространства (?), государственная агорафобія толкали князей въ ихъ походахъ, которые, будучи лишены культурной миссіи, превращались въ безцѣльное, свирѣпое членовредительство“. Не легко представить себѣ хаосъ, въ который погружены въ головѣ г. Минскаго историческіе вопросы. Оставимъ въ сторонѣ, какъ *lapsus linguae*, странное утвержденіе, будто на завоеваніе Финляндіи и Польши ходили походами какіе-то князья. Но неужели завоеваніе береговъ Балтійскаго моря, попытка „ногою твердой стать при морѣ“, „въ Европу прорубить окно“, — было лишено для Россіи всякаго культурнаго значенія? И неужели г. Минскій не понимаетъ, что это завоеваніе, — основаніе Петербурга на Финскомъ заливѣ, — повело за собой, какъ неизбѣжное слѣдствіе, — Шведскую войну 1808 г.? Далѣе: неужели завоеваніе Сибири, которая становится и будетъ сокровищницей Россіи, приобщеніе этого дикаго края къ нашей государственной и къ нашей культурной жизни, — то же одно „свирѣпое членовредительство“? Или — неужели славянофилы, мечтаая создать въ Царьградѣ столицу общеславянской федераціи, тоже увлекались безцѣльными членовредительными мечтами? Что же касается Польши, то почему г. Минскій забылъ, что громили се не одни русскіе „князья“, а въ равной степени Германія и Австрія, которыхъ, кажется, нельзя обвинить въ нелѣпой „боязни пространства“ и не менѣ нелѣпой „государственной агорафобіи“? *

Мѣсто не позволяетъ намъ разобрать другія историческія утвержденія г. Минскаго, — его увѣренія, что русскіе святители „прозябали въ тѣни своихъ монастырей безъ бібліотекъ“, что „русская пѣсня выросла только въ крестьянствѣ“, что „грозность Ивана IV была сродни свирѣпости восьминога — безумная, безцѣльная умерщвляющая своей пустотой“ и т. под. Пробѣгая столбецъ за столбцомъ статью г. Минскаго, видишь, что знанія его по русской

* „Бояться пространства“, по обычному и вполне точному словоупотребленію, значить — бояться большого пространства, избѣгать его, укрываться въ маленькія помѣщенія. Г. Минскій обвиняетъ Россію какъ разъ въ противоположномъ и, тѣмъ не менѣе, употребляетъ не идущее къ дѣлу выраженіе.

исторіи ограничиваются курсомъ Иловайскаго, что взгляды его на явленія этой исторіи относятся къ числу шаблонныхъ, ходячихъ мнѣній, давно отвергнутыхъ въ наукѣ, или къ числу совершенно бездоказательныхъ и явно недоказуемыхъ утверженій. Чего же могутъ стоить выводы г. Минскаго, построенные на такихъ основаніяхъ? Прежде, чѣмъ опредѣлять „идею русской исторіи“, г. Минскій долженъ поучиться, взяться сначала за серьезные учебники, послѣ— за спеціальныя изслѣдованія. Одного же революціоннаго задора въ вопросахъ науки недостаточно.

Къ „горестнымъ замѣтамъ“.

Г. К. Чуковский въ „Свободѣ и Жизни“ (№ 11) дѣлаетъ сводъ разныхъ фактовъ нашей журналистики, мѣсто которымъ въ нашихъ „Горестныхъ Замѣтахъ“. Не такъ давно (напоминаетъ г. Чуковский) одинъ именитый публицистъ написалъ, что „Божественная Комедія“—театральная пьеса, а другой процитировалъ драму Островскаго „Темное царство“. Въ началѣ этого года мы прочли въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ знаменитое стихотвореніе г. Брюсова „Каменщикъ“ съ указаніемъ на то, что стихотвореніе это создано рабочими петербургскаго района. А совсѣмъ недавно какой-то литераторъ изъ этой же газеты принялъ имя великаго Гамсуна за подлинное русское слово и объявилъ своимъ читателямъ, что въ театрѣ г-жи Комиссаржевской ставится пьеса Гамсуна—„Кнуть“. Я помню, какъ покойный Л. Е. Оболенскій, не подозрѣвая о существованіи двухъ Васнецовыхъ, публично выбранилъ Апполинарія за грѣхи Виктора. Я помню какъ въ московской газетѣ „Жизнь“ была напечатана пушкинская „Капитанская Дочка“, подъ скромной подписью, кажется, Осипова. Я помню, какъ въ „Новомъ Времени“ г. Ф. И. Булгаковъ сочувственно процитировалъ англійскаго писателя „Сентъ-Джона“, который, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, оказался святымъ евангелистомъ Іоанномъ!

Memento. Въ Стокгольмской газетѣ „Stockholms Dagblad“ (№ 308 отъ 11 ноября) помѣщена статья г. А-д-Ж. „Русскій поэтъ въ Швеціи“, посвященная тѣмъ стихотвореніямъ г. Валерія Брюсова, которые были помѣщены въ № 8 „Вѣснѣ“. Въ статьѣ переведены стихами двѣ пьесы „Къ Швеціи“ и „На Меларѣ“ и прозой „Карль XII“.—Въ журналѣ „Лавра“ (N 147) помѣщенъ переводъ на греческій языкъ разсказа Валерія Брюсова „Мраморная Головка“.—Въ новомъ нѣмецкомъ журналѣ „Literatur-Anzeiger für Russland“ издающемся въ Ригѣ, помѣщена (№ 1) статья г. Г. Гюнтера о современной русской лирикѣ, говорящая о г. Бальмонтѣ, Валеріи Брюсовѣ, Вяч. Ивановѣ и др. Въ статьѣ переведены (стихами) два стихотворенія: г. Бальмонта „Прощай“ и г. Валерія Брюсова „Втируша“.

ЛѢТОПИСЬ

литературы и искусствъ.

Некрологъ † Въ ноябрѣ, н. ст., въ Волендамѣ (Голландія) Фрицъ Тауловъ (Thaulow), выдающійся норвежскій художникъ-пейзажистъ (р. 1847 г.).—14 ноября, въ Москвѣ, Мих. Павл. Свободинъ, молодой литераторъ. Между прочимъ, въ его переводѣ издана к-вомъ „Скорпіонъ“ трилогія Арт. Шницлера „Зеленый Попугай“.—18 ноября, въ Москвѣ, Викт. А-ндр. Гольцевъ, ученый, публицистъ, фактической редакторъ „Русской Мысли“ (р. 1850).—20 ноября, н. ст., въ Шарбекѣ (Бельгія), Анри Стакэ (Stacquet), художникъ. — 23 ноября ст. ст. Н. П. Барсуковъ, историкъ и библиографъ, авторъ многотомной біографіи „Жизнь и труды М. П. Погодина“.—26 ноября, ст. ст., Н. Г. Гаринъ-Михайловскій, беллетристъ.— 26 ноября, ст. ст. П. А. Соколовскій, публицистъ (р. 1846 г.). — 26 ноября, ст. ст. въ Парижѣ, академикъ Фердинандъ Брюнетьеръ, критикъ.—8 декабря, ст. ст., въ Москвѣ. Н. И. Шишкинъ, преподаватель математики, сотрудникъ „Вопросовъ философіи и психологіи“.—11 декабря, ст. ст., въ Москвѣ М. В. Лентовскій, артистъ и антрепренеръ.

*

Въ Краковѣ скончался одинъ изъ самыхъ блестящихъ польскихъ стилистовъ старшаго поколѣнія—Юліанъ Клячко. Клячко родился въ Вильнѣ въ 1828 г. въ еврейской семьѣ, былъ ученикомъ Гервинуса и соединялъ въ себѣ литературнаго критика, публициста, дипломата и эстетика. Его критическія и политическія сочиненія, писанныя послѣ 1862 г. преимущественно на французскомъ языкѣ—*La poésie polonaise au XIX siècle* (1862), *Deux chanceliers Bismarck et Gortschakow*,—теперь въ значительной степени устарѣли. Гораздо болѣе цѣнны его позднѣйшія произведенія чисто эстетическаго характера изъ области итальянскаго возрожденія—*Causeries Florentines* и *Rome et la Renaissance*. Въ центрѣ „флорентинскихъ бесѣдъ“ стоитъ Данте. Послѣдній трудъ Клячко освѣщаетъ мощную фигуру папы Юлія II и созданную имъ синкстинскую капеллу. Дополненіемъ къ этой книгѣ долженъ былъ явиться аналогичный этюдъ о личности Микеланджело, но планъ этотъ Клячко не успѣлъ осуществить.

✱

Въ Leicester Galleries, въ Лондонѣ, открылась выставка произведеній престарѣлаго Holman Hunt, единственнаго изъ оставшихся еще въ живыхъ основателей знаменитаго Preaphaelite Brotherhood. Хольманъ Хэнтъ въ творчествѣ своемъ до сихъ поръ остался вѣрнымъ завѣтамъ прерафаелитскаго братства.

✱

Выставка русской живописи, устроенная С. П. Дягилевымъ при парижскомъ „Осеннемъ Салонѣ“, была переведена, почти въ полномъ составѣ, въ Берлинъ. Нѣмецкіе художники и критики, и нѣмецкая публика—отнеслись къ ней съ большимъ и, конечно, заслуженнымъ вниманіемъ.

✱

Изъ выставокъ Э. Европы, которыя открыты или должны состояться въ настоящемъ сезонѣ (по осень 1907 г.) болѣе замѣчательны: Интернаціональная художественная выставка въ Барселонѣ (съ 23 апрѣля по 15 іюля), выставка О-ва бельгійскихъ художниковъ-граверовъ, въ Брюсселѣ (зима 1906 г.); Интернаціональная выставка миниатюръ, старыхъ и новыхъ, въ Берлинѣ (открыта); Интернаціональная художественная выставка, въ Венеціи (съ 22 апрѣля по 31 октября), устраиваемая разъ въ два года; выставка Изыщныхъ Искусствъ, въ Каннахъ (съ 26 декабря по февраль); годичная выставка „Общества Художниковъ“, въ Мюнхенѣ; Интернаціональная выставка Сецессиона, тамъ же; два обычныхъ „Салона“, въ Парижѣ; выставка цвѣтной гравюры, въ Парижѣ (у Жоржа Пти, — открыта); выставка Боннара, въ Парижѣ (въ галлерей Бернгейма младшаго); выставка Жоржа д'Эспанья, въ Парижѣ (у Дюранъ-Рюеля, — открыта).

✱

Музей въ Чикаго приобрѣлъ за 50.000 долларовъ картину Греко „Успеніе Богоматери“ (1577 г.), украшавшую прежде одну изъ церквей Толедо и затѣмъ бывшую во владѣніи у дома Бурбоновъ.

✱

„Саломея“ Рихарда Штрауса имѣла въ Мюнхенѣ не меньшій успѣхъ, чѣмъ въ Дрезденѣ. Газеты отмѣчаютъ, что партитура Штрауса потребовала громаднаго увеличенія оркестра. Кажется, нѣтъ такого музыкальнаго инструмента, который не былъ бы въ ней упомянутъ. Пришлось въ партерѣ уничтожить два ряда кресель, чтобы дать мѣсто новымъ участникамъ оркестра.

*

Последняя драма Г. д'Аннунцио „Выше любви“ была поставлена въ Римѣ, Неаполѣ и Флоренціи и у публики нигдѣ успѣха не имѣла, несмотря на всѣ старанія друзей поэта, ревностно защищавшихъ ее въ цѣломъ рядѣ восторженныхъ статей.

*

28 ноября состоялся въ Москвѣ 1-ый „вечеръ современной музыки“, устроенный проф. А. фонъ Гленомъ. Исполнялись произведенія Э. Донани, Р. Штрауса, М. Рegerа, Г. Вольфа и С. Руссо.

*

Въ началѣ декабря состоялось присужденіе премій по объявленному журналомъ „Золотое Руно“ литературному и художественному конкурсу на тему „Дьяволъ“. Художественное жюри (В. Сѣровъ, М. Добужинскій, В. Миліоти, П. Кузнецовъ, Н. Рябушинскій) не признало ни одной изъ представленныхъ работъ достойной преміи. Литературное жюри (А. Блокъ, Вал. Брюсовъ, Вяч. Ивановъ, А. Курсинскій, Н. Рябушинскій) присудило по отдѣлу стиховъ вторую премію (въ 50 р.) автору, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, и по отдѣлу художественной прозы двѣ первыхъ преміи (по 100 р.) за рассказы, авторами которыхъ по вскрытіи конвертовъ съ именами, оказались А. Ремизовъ и М. Кузминъ.

*

Премія Гонкуровъ (5.000 франковъ) присуждена въ этомъ году гг. Жану и Жерому Таро (Tharaud), авторамъ романа „Dingley, l'illustre écrivain“.

*

Нобелевская премія по литературѣ присуждена въ этомъ году Джозуэ Кардуччи.

*

Лѣтомъ этого года, въ домѣ фермера, недалеко отъ Нью-Йорка, въ грудѣ старыхъ книгъ найденъ экземпляръ крайне рѣдкаго перваго изданія „Рассказовъ въ прозѣ“ Эдг. По. Изданіе это, отъ котораго, насколько извѣстно, сохранилось всего три экземпляра,—небольшая брошюра въ 48 стр., выпущенная въ 1848 г. фирмой G. V. Lieber & Co, Philadelphia, и содержащая рассказы: „Истаскавшійся человѣкъ“ и „Убіенство на улицѣ Морга“. Только что найденный экземпляръ уже купленъ г. Фр. Мейеромъ въ Нью-Йоркѣ за 2000 долларовъ. Первоначальная стоимость брошюры—12½ центовъ.

*

Среди новыхъ Петербургскихъ книгоиздательствъ обращаютъ на себя вниманіе: „Шиповникъ“, уже выпустившій книги Ѳ. Сологуба, Б. Зайцева, А. Амфитеатрова, А. Ѳедорова и предпринимающій изданіе особаго „Сборника“; книгоиздательство „Оры“, выпускающее новую книгу стиховъ Вяч. Иванова, „Эрость“ и рассказы Л. Зиновьевой-Аннибалъ, и издательство литературно-художественнаго кружка „молодыхъ“, гдѣ появится первый сборникъ стиховъ С. Городецкаго „Яръ“.

*

Нашъ сотрудникъ И. И. Рачинскій написалъ шесть „музыкальныхъ иллюстрацій“ (ор. 16, изд. П. Юргенсона), къ стихотвореніямъ Валерія Брюсова: „Мнѣ поется у колодца“ (сопрано), „Зимніе дымы“ (сопрано), „Фабричная“ (теноръ), „Левъ Святого Марка“ (теноръ), „Чудовища“ (basso profundo) и „Рабыни“ (дуетъ для сопрано и контральто). Кромѣ этого намъ извѣстны еще слѣдующія музыкальныя интерпретаціи стиховъ г. В. Брюсова: „Вокальныя сцены“ В. Ребикова (ор. 16, 18 и 20, изд. П. Юргенсона) на слова: „Ни красокъ, ни лучей“, „А если онъ возвратится“, „Тѣнь“, „На кометѣ“, „Я помню вечеръ“, „Я вернулся на яркую землю“, „И ночи и дни примелькались“; „Двѣ музыкальныя картинки“ А. Гречанинова (ор. 35, изд. А. Гутхейла) на пѣсни: „Палочка-выручалочка“, „Сборщикъ на колоколь“; музыка г. Вильбушевича къ стихотворенію „Каменщикъ“ (ор. 2, изд. Н. Х. Давингофа) и Ю. Энгеля къ тому же стихотворенію.

*

Въ отвѣтъ на нѣкоторыя письма по поводу нашей „Лѣтописи“ мы должны указать, что слѣдимъ преимущественно за событіями литературной и художественной жизни, не считая важнымъ отмѣчать факты личной жизни писателей и художниковъ. Вотъ почему мы до сихъ поръ ничего не говорили о полученіи разныхъ степеней ордена „Почетнаго Легіона“ М. Мэтерлинкомъ, Ж. Морасомъ, П. Аданомъ и нѣкоторыми другими французскими поэтами, о чемъ немало пишется во французскихъ журналахъ. Точно также намъ не показалось важнымъ отмѣтить, что М. Врубель, К. Сомовъ, А. Бенуа, Л. Бакстъ, И. Грабарь, К. Юонъ Н. Рерихъ, П. Кузнецовъ, Н. Миліоти, М. Остроумова и нѣкоторые другіе участники русской художественной выставки, устроенной въ Парижѣ С. Дягилевымъ, были избраны членами Общества „Парижскихъ Осеннихъ Салонновъ“.

*

Поправки. Въ № 10: во французскомъ оглавленіи, строка 9 снизу, напечатано: А. Amonі, должно быть: А. Намоч.—На стр. 15, строка 11 снизу, напечатано: „Такъ“, надо: „Тамъ“.—На стр. 43, строка 13 снизу, напечатано: „1856“, надо: „1855“.—На стр. 76, строка 15 снизу, напечатано: „Дебюсель“, надо: „Дебюсси“.

ГОРЕСТНЫЯ ЗАМѢТЫ.

Г. Сергѣй Кречетовъ въ „Перевалѣ“ (№ 1), въ стихотвореніи „Побѣдитель“, задаетъ загадку читателямъ:

Что-то сумракъ прочертить?

Гдѣ подлежащее? Что-то „прочертить“ сумракъ, или сумракъ „прочертить“ что-то? Тотъ же журналъ, въ томъ же № (стр. 56), браня за сходную ошибку стихъ Апп. Коринфскаго, восклицаетъ: „Это безграмотность!“ Должно быть, справедливо.

*

Въ томъ же журналѣ А. Печковскій пишетъ: „Когда исполнилась чаша до дна“... (стр. 55). До сихъ поръ чашу можно было выпить до дна или наполнить до краевъ. Г. А. Печковскій изобрѣлъ любопытное соединеніе того и другого.

*

Въ драмѣ Леонида Андреева „Къ звѣздамъ“ (Х. Сб. Знанія стр. 56) читаемъ такія слова астронома Терновскаго: „Когда я видѣлъ комету Беллу, предсказанную Галлеемъ, я заплакалъ“. Любопытно было бы знать, когда это случилось съ Терновскимъ. Никакой кометы „Белла“ нѣтъ, а есть „комета Біелы“, названная такъ по имени открывшаго ее Вильгельма Біелы (Biela) и наблюдавшаяся въ послѣдній разъ въ 1852 г. Никакого отношенія комета Біела не имѣетъ къ астроному Галлею, по имени котораго называется другая комета „Галлеева“, въ послѣдній разъ наблюдавшаяся въ 1835 г. и ожидаемая вновь въ 1911 году.

УКАЗАТЕЛЬ КЪ ЖУРНАЛУ «ВЪСЫ ЗА 1906 ГОДЪ».

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВЪ.

СТИХИ. РАЗСКАЗЫ. ДРАМЫ. ПОВѢСТИ.

Ауслендеръ, С. Записки Ганимеда. Разск. 9, 15.

Балтрушайтисъ, Ю. Спутники. Разск. 12, 21.

— Въ дневномъ хороводѣ. 7 стих. 12.

Бальмонтъ, К. Надъ вѣчнымъ моремъ. 18 стих. 1, 1.

Блокъ, А. Тишина цвѣтеть. 8 стих. 5, 1.

Брюсовъ, Валерій. Республика Южнаго Креста. Разск. 1, 25.

— Въ подземной тюрьмѣ. Разск. 5, 17.

— Въ Швеци. 11 стих. 9, 1.

Бѣлый, Андрей. Одинокіе. 7 стих. 8, 1.

Верховскій, Ю. Три сюиты. 12 стих. 12, 13.

Гиппиусъ, З. Водоскатъ. 13 стих. 3—4, 3.

— Не то. Разск. 6, 15.

— Маврушка. Разск. 10, 17.

Городецкій, С. Стихи. 6, 1.

Реми де Гурмонъ. Цвѣта. Разказы. 7, 30; 8, 30.

Гумилевъ, Н. Стихи. 6, 6.

Димовъ, О. Вчера, сегодня, завтра. Разск. 7, 13.

Ивановъ, Вячеславъ. Сѣверное Солнце. 14 стих. 2, 1.

Кузминъ, М. Александрійскія пѣсни. 11 стих. 7, 1.

— Брылья. Повѣсть. 11, 1.

Мережковский, Д. Стихотв. 3—4, 1.

Мореасъ, Жанъ. Дѣва Марія на Турнирѣ. 1, 23.

Одинокій. Стихи. 6, 10.

Пшибышевскій, Ст. Вѣчная Сказка.

Драма. 3—4, прил.

Пясть, В. Стихи. 10, 11.

Садовской, Б. Стихи. 6, 12.

— Ризо. Разск. 9, 23.

Соловьевъ, С. Золотая смерть. 8 стих. 10, 1.

Сологубъ, Ѳеодоръ. Чудо отрока Лина. Разск. 2, 18.

— Милый Пажъ. Разск. 8, 17.

Уайльдъ, Оскаръ. Сфинксъ безъ загадки. 3—4, 48.

СТАТЬИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Замѣтки о книгахъ. 3—4, 91, 9; 5, 82.

— Иосифъ Заттлеръ. Характеристика. 2, 52.

Аврелій. Вѣхи: Исканія новой сцены. 1, 72.

— — Чортъ и Камъ. 3—4, 75.

— — Факелы. 5, 54.

— — Мистическіе анархисты. 8, 43.

- Письмо изъ Петербурга. 2, 60.
- Замѣтки о книгахъ. 6, 64, 69; 7; 71; 9, 60.
- Новые переводы Верхарна. 9, 77.
- Alexander. Замѣтки о книгахъ. 10, 67.
- Амендола, Дж. Паденіе д'Анпунціо. 9, 26
- Замѣтки о книгахъ. 10, 66.
- Антонъ Крайній. Иванъ Александровичъ
неудачникъ. 8, 48.
- А. Б. Эд. Гартманъ. 7, 80.
- Балтрушайтисъ, Ю. У гроба Ибсена. 8, 55.
- Замѣтки о книгахъ. 9, 64.
- Бачинскій, А. Замѣтки о книгахъ. 1,
83, 84; 2, 78, 80; 7, 65.
- Блокъ, А. Замѣтки о книгахъ. 2, 71.
- Бороздинъ, И. Русская историческая ли-
тература въ 1905—06 гг. 7, 41.
- Брюсовъ, Валерій. Замѣтки о книгахъ
1, 76, 77; 2, 69; 5, 68, 82; 6, 64, 70
7, 57; 9, 53, 56, 70.
- Бугаевъ, Борисъ. На перевалѣ. 1, 69;
8, 52; 9, 45; 10, 46.
- Генрикъ Ибсенъ. 7, 55.
- Бѣлый, Андрей. Замѣтки о книгахъ. 5,
64; 9, 57.
- Ибсенъ и Достоевскій. 1, 47.
- Н. И. Стороженко. 2, 67.
- Фениксъ. 7, 17.
- В. В. Замѣтки о книгахъ. 2, 74; 3—4,
90; 6, 71; 9, 71; 10, 65.
- Вальдоръ, Эсмеръ. Замѣтки о книгахъ.
5, 76; 9, 67.
- Верхарвъ, Э. Одна изъ граней въ твор-
чествѣ Энсора. 5, 49.
- Верховскій, Ю. Памяти А. Н. Веселов-
скаго. 12, 43.
- Волошинъ, М. Письмо изъ Парижа. 9, 37.
- Ю. В. Замѣтки о книгахъ. 7, 69.
- Гармодій. Замѣтки о книгахъ. 1, 80; 6,
71; 7, 68.
- Германъ, Товарищъ. О Золотомъ Ручѣ.
2, 81.
- Золотому Руну. 5, 87.
- Герцыкъ, А. Замѣтки о книг. 8, 66, 12, 66.
- В. Г. Замѣтки о книгахъ. 10, 60; 12, 70.
- Гиль, Ренэ. Французская поэзія въ 1905 г.
5, 41.
- Замѣтки о книгахъ. 1, 77; 3—4,
82; 5, 66; 6, 60, 62; 8, 59; 10, 51.
- Гиппиусъ, З. Бѣдный городъ. 8, 35.
- Грабаръ, И. Замѣтки о книгахъ. 6, 65.
- Григорьевъ, В. Замѣтки о книгахъ. 10, 52;
12, 64.
- Г—ъ. Замѣтки о книгахъ. 6, 67.
- Гурмонъ, Жанъ де. Французскіе романы
и романисты. 10, 38.
- Гурмонъ, Реми де. О Вилье де-Лиль-
Аданъ. 6, 44.
- Дельта. Замѣтки о книгахъ. 2, 75.
- Р. Е. Замѣтки о книгахъ. 8, 71, 72;
9, 71, 72;
- Ивановъ, Вяч. О „Факельщикахъ“. 6, 52.
- Замѣтки о книгахъ. 7, 58.
- В. И. Замѣтки о книгахъ. 7, 72.
- В. К. Вечера современной музыки. 3—
4, 70.
- Кондратьевъ, А. Письмо изъ Іерусалима.
8, 77.
- Курсинскій, А. Замѣтки о книгахъ. 8,
62; 9, 69.
- Н. Л. Замѣтки о книгахъ. 12, 71.
- Ликиардопуло, М. Современная грече-
ская литература. 2, 55; 3—4, 59.
- Замѣтки о книгахъ. 1, 79; 5, 72,
81; 7, 61, 70, 71; 8, 64; 10, 58; 12, 34.
- Л—о, М. Замѣтки о книгахъ. 1, 85; 8,
72.
- Лютеръ, А. Нѣмецкая литература въ
1905 г. 1, 65.
- Памяти Генриха Гейне. 3—4, 55.
- Мережковскій, Д. Пророкъ русской ре-
волюціи. 2, 27; 3—4, 19.
- Декадентство и общественность.
5, 30
- Млавичъ, Лидія. Замѣтки о книгахъ.
7, 71; 10, 59.
- Морфилъ, В. Р. Письмо изъ Англии. 5, 52.

- Муратовъ, П. Письмо изъ Лондона. 7, 47.
 — Подъ Сезанъ. 12, 39.
 — Забѣтки о книгахъ. 12, 68.
- П. Фидусъ. 6, 62.
- Р. Забѣтки о книгахъ. 5, 83.
- М. Р. Забѣтки о книгахъ. 12, 65.
- Пашини, Дж. Письмо изъ Италіи. 1, 56.
- В. Н. Забѣтки о книгахъ. 6, 71.
- Пентауръ. Забѣтки о книгахъ. 6, 63;
 10, 65, 66.
- Перемяловскій, В. Забѣтки о книгахъ.
 5, 74, 79; 7, 59; 8, 69; 9, 62.
- Петровская, Н. Забѣтки о книгахъ.
 3—4, 86.
- Пушкинъ-наецъ. Забѣтки о книгахъ. 6, 58.
- Рафаловичъ, С. Письмо изъ Петербурга.
 2, 60.
- Садовской, В. Забѣтки на поляхъ Пуш-
 кина. 9, 49.
 — Забѣтки о книгахъ. 2, 76, 79;
 3—4, 92; 5, 80; 7, 66; 8, 70; 10, 50, 61;
 12, 61, 69.
- В. С. Забѣтки о книгахъ. 1, 81, 82.
- Сиринъ. Забѣтки о книгахъ. 2, 70.
- Скорпионъ. Pro domo sua. 8, 79.
- Соловьевъ, С. Артемисъ Колонна. 2, 65.
- Сюннербергъ, К. Выставка Мира Искус-
 ства. 3—4, 64.
 — Забѣтки о книгахъ. 3—4, 89.
- Taciturno. Забѣтки о книгахъ. 5, 77.
- Туристъ. Письмо изъ Швеціи. 8, 40.
- Уайльдъ, О. Американскія впечатлѣнія.
 12, 34.
- Филипповъ, А. Всемирный языкъ. 6, 39.
 — Крылья. 5, 38.
- Ц., Елена. О Вальмонтѣ, Уитманѣ. 12, 45.
- Чуковский, К. Циферблатъ г. Бельтова.
 2, 46.
 — Объ эстетическомъ нигилизмѣ.
 3—4, 79.
 — Хамство во Христвѣ. 5, 59.
 — Русская Whitmaniana. 10, 43.
 — О пользѣ брома. 12, 52.
 — Забѣтки о книгахъ. 3—4, 85.
- Шикъ, М. Забѣтки о книгахъ. 8, 68,
 69; 10, 56; 12,
- Эглицъ, В. Письмо изъ Ряги. 9, 43.
- Элькиндъ, М. Забѣтки о книгахъ. 3—4,
 87.
- Эттингеръ, П. М. Вавженецкій. 6, 56.
 — Забѣтки о книгахъ. 7, 63; 10, 63
 12, 71.

УКАЗАТЕЛЬ РАЗОБРАННЫХЪ КНИГЪ.

Русскія книги.

- Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ пи-
 сателей. 10, 61.
- Амарп. Стихотворенія. 6, 70.
- Амонъ, А. Соціализмъ и анархизмъ. 10,
 67.
- Андреевъ, Л. Разказы, Т. II. 5, 64.
- Анненскій, И. О. Книга отраженій. 3—4,
 79.
- Арсеньевъ, К. Салтыковъ-Щедринъ. 8, 70.
- Арцыбашевъ, М. Разказы. Т. II. 9, 64.
- Ужасъ. 9, 64.
- Куприянъ. 9, 64.
- Бунтъ. 9, 64.
- Бальмонтъ, К. Стихотворенія. 9, 53.
 — Фейнья сказки. 1, 76.
- Ла-Бартъ, Графъ Ф- де. Донъ - Блхоть
 Сервантеса. 7, 69.
 — Шатобрианъ и поэтики мировой
 скорби во Франціи. 1, 81.
- Бельтовъ, А. За двадцать лѣтъ. 2, 46.
- Беркли, Дж. Трактатъ о начал. чело-
 вѣка. 1, 83.
- Бѣлинскій, В. Г. Письмо къ Гоголю. 2, 78.

- Верхарнъ, Э. Зори. Пер. А. Воротникова. 9, 77.
 — Зори. Пер. А. Воротникова и С. Шамбинаго. 9, 77.
 — Зори. Пер. Г. Чулкова. 9, 77.
 — Стихи о современности. 8, 66.
- Виндельбандъ, В. Исторія новой философіи. 2, 75.
- Волжскій. Изъ міра литературныхъ исканій. 5, 59.
- Галина, Г. Предразсвѣтныя пѣсни. 9, 70.
- Гиппиусъ, З. Алый Мечъ. 9, 57.
- Головачевскій, С. Мене Текель Паресь. 6, 64.
- Горьфельдъ, А. Муки Слова. 7, 71.
- Гюисмансъ, Ж.-К. Наоборотъ. 9, 60.
- Декабристы. Тайныя общества въ Россіи. 1, 80.
- Декабристы въ Западной Сибири. 1, 80.
- Дневникъ падшей. 12, 70
- Дѣла III Отдѣленія. 3—4, 90.
- Дьякъ Шигони. Уставшій Царь. 5, 80.
- Жураковский, Е. Траги-комедія современной жизни. 12, 65.
- Звенигородскій, кн. Андрей. Delirium Tremens. 6, 71.
- Знанія. Сборникъ X. 6, 63.
- К—ій, С. Изъ прошлаго. 2, 80.
- Ключевскій, В. Курсъ русской исторіи. 2, 74.
- Кропоткинъ, П. Рѣчи бунтовщика. 8, 52.
- Крыловъ, И. А. Полное собраніе сочиненій. 1, 82.
- Курсинскій, А. Сквозь призму души. 7, 57.
- Лазаревскій, В. Повѣсти и рассказы. 10, 59.
- Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. 2, 79.
- Луначарскій, А. Королевскій Брадобрей. 9, 69.
- Маковский, С. Страницы художественной критики. 6, 65.
- Маякъ. Сборникъ. 8, 62.
- Менгеръ, Антоанъ. Новое ученіе о нравственности. 5, 77.
- Мережковский, Д. Гоголь и Чортъ. 3—4, 75.
 — Градущій Хамъ 3—4, 75.
- Мегилянскій, М. Усталые. 7, 71.
- Морозовъ, Николай. Изъ стѣнъ неволи. 6, 71.
- Матерлинь, М. Сочиненія. Т. I. 10, 66.
- Новиковъ, И. Изъ жизни духа. 12, 64.
- Ньюкомъ, С. Астрономія для всѣхъ. I, 84.
- Общественныя движенія въ Россіи. Т. I. 1, 80.
- Овидій Назонъ, П. Пѣсни любви. 12, 69.
- Омулевскій. Полное собраніе сочиненій. 12, 62.
- Памяти А. П. Чехова. 2, 76.
- Плещеевъ, А. Н. Стихотворенія. 10, 50.
- Полярковъ, Н. Солнечныя пѣсни. 7, 58.
- Процессъ 1-го марта. 3—4, 92.
- Пушкинъ. Сочиненія. Т. II. 6, 58; 9, 49.
- Пшибышевскій, Ст. De Profundis. 7, 59.
 — Заупокойная месса 7, 59.
 — Дѣти Сатаны. 6, 71.
- Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. 2, 78.
- Ратаузь, Д. Полное собраніе стихотвореній. 5, 68.
- Рафаловичъ, С. Женскія письма. 10, 60.
 — Свѣтлыя пѣсни. 1, 77.
- Репанъ, Э. Жизнь Иисуса. 12, 71.
- Родная поэзія. Сборникъ. 10, 65.
- Рославлевъ, А. Красныя пѣсни. 10, 65.
- Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы. 7, 66.
- Свободная Совѣсть. Литературно-философскій сборникъ. Книга первая. 2, 71.
- Соловьевъ, Рафаиль. Философія смерти. 5, 82.
- Стефанкиъ, В. Оповиданія. 8, 69.
- Сѣверная Рѣчь. Сборникъ. 6, 64.
- Талашкино. 3—4, 88.

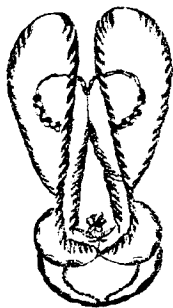
- Тарасовъ, Е. Стихи. 9, 56.
Трубниковъ, А. Помнишь, бывало. 9, 71.
Уайльдъ, Оскаръ. Сказки и рассказы. 5, 72.
— Портретъ Доріана Грея. 8, 64.
— Замыслы. 8, 64.
— Томъ III. 10, 58.
Шуфъ, Вл. Въ край иной. 10, 52.
Факелы. Книга первая. 5, 54.
Ходырева, М. Намеки и облики. 3—4, 86.
Чаттерджи, Брамана. Сокровенная религиозная философія Индіи. 7, 68.
Чулковъ, Г. О мистическомъ анархизмъ. 8, 43, 48.
Эльдбахеръ, Пр. Сущность анархизма. 8, 52.
Энциклопедическій Словарь. Доп. томъ. Ч. 2-я. 3—4, 91.
- Французскія книги.
- Albalat, A. Les ennemis de l'art d'écrire. 6, 67.
Bever, Ad. van. Oeuvre poetique du Sieur de Dalibray. 10, 51.
Cardonnel, Georges Le, et Charles Velay. La littérature contemporaine. 5, 41.
Claudel, J. Rodin. 9, 72.
Delteil, L. Le Peintre-Graveur illustré. 8, 72.
Despax, Emile. La Maison des Glycines. 3—4, 82.
Evrard, L. Le Danger. 10, 40.
Fontainas, André Histoire de la Peinture Française. 6, 69.
Ghil, René. Marcel Lenoir. 5, 76.
Gide, A. Amyntas. 10, 41.
Gobineau, C. de., Deux études sur la Grèce Moderne. 7, 70.
Lorrain, J. M-me Monpalou. 10, 41.
Loti, P. Les Désenchantées. 9, 72.
Mandin, Louis. Les Sommeils. 2, 69.
Marguerite, Frères. Sur le vif. 10, 42.
Marinetti, T. F. Le Roi Bombance. 9, 67.
Montaigne. Les essais de M. 12, 71.
- Pierron, S. Les dessinateurs belges d'Ex-libris. 10, 63.
Rachilde. Le Meneur de Louves. 10, 39.
Régnier, H. de. La Sandale Ailée. 6, 60.
Tei-San. Notes Sur l'art japonais. 12, 68.
Thomas, L. Lily. 6, 62.
Viélé-Griffin, F. Plus loin. 8, 59.
Vildrac, Charles. Poèmes. 5, 66.
Werm, Fridolin. Pâques fleuries et Poèmes. 1, 77.
Willy. Jeux de Prince. 9, 72.
- Нѣмецкія книги.
- Altenberg, P. Prodomos. 1, 63.
Ber-Hofmann, Richard. Graf Charolet. 1, 64.
Bernus Alexander. Leben, Traum und Tod. 1, 63.
Busse-Palma, Georg. Brückenlieder. 1, 63.
Delft, J. V. von, und Karel Fabritius. 9, 71.
Fuchs, G. Till Eulenspiegel. 8, 69.
" Tragödien. 8, 69.
Guenther, Hans. Schatten und Helle. 7, 72.
Hartleben, Otto-Erich. Die Erziehung zur Ehe. 1, 67.
Hartleben, Otto-Erich. Rosenmontag. 1, 67.
Hejermans, Hermann. Allerseelen. 3—4, 87.
Hesse, Herman. Unterm Rad. 1, 64.
Hofmansthal, Hugo von. Das gerettete Venedig. 1, 65.
Huch, R. Von den Königen und der Krone. 1, 64.
— Seifenblasen. 1, 64.
Insel-Almanach auf das Jahr 1906. 1, 85.
Joel, K. Den Ursprung der Naturphilosophie. 12, 66.
Keyserling, Graf. Benignens Erlebnis. 1, 65.
Knoop, Ouckama. Sebald Söckers Volendung. 1, 64.

- Kobold, prof. H. Der Bau des Fixsternsystems. 7, 65.
 Mombert, A. Der Sonne-Geist. 8, 68.
 Paul, Adolf. Die Teufelskirche. 1, 65.
 Rembrandt. Des Meisters Radierungen. 8, 71.
 Schlaf, J. Verhaeren. 5, 82.
 Schnietzler, Arthur. Zwischenspiel. 1, 65.
 Scholz, W. von. Der Jude von Konstanz. 12, 62.
 — Gedanken zum Drama. 12, 62.
 — Hebbel. 12, 62.
 — Kunst und Notwendigkeit. 12, 62.
 Spitteler, Karl. Olympischer Fruhling. 1, 62.
 Stehr, Hermann. Meta Konegen. 1, 65.
 Stillgebauer, E. Götz Krafft. 1, 64.
 Sudermann, H. Das Blumenboot. 1, 65.
 Sudermann, H. Stein unter Steinen. 1, 65.
 Wedekind. Fr. Die vier Jahrzeiten. 10, 56.
 — Feuerwerk. 10, 56.
 — Totentanz. 10, 56.
 Wedekind. Hidalla. 1, 65.
 Wedekind. Totentanz. 1, 65. ¶
- Английскія книги.
- Haggard, Rider. The return of She. 3—4, 92.
 Kipling, Rudyard. They. 3—4, 92.
 Mason, S. Oscar Wilde. 8, 72.
 Méryon, Etchings of Charles. 7, 63.
 Owen, Laurence. The Poetry of the future. 6, 67.
 Pallis, A. Modern Greek. 7, 70.
 Swinburne, A. C. Loves Cross—currents. 2, 70.
- Swinburne, A. C. Selections. 3—4, 85.
 Tourgenieff, Ivan. Novels and Stories. 2, 79.
 Traubel, H. With Walt Whitman in Camden. 5, 83.
 Wilde, O. Impressions of America. 12, 34.
- Греческія книги.
- Fytillis, Z. Dikhos Acroïali. 3—4, 62.
 Hermonas. Tis Zois. 3—4, 60.
 — Argo. 3—4, 60.
 Karkavitsa, A. O Archaiologos. 3—4, 61.
 Lefa, P. Rossica Diïghimata. 1, 79.
 Nirvanas, P. Techni kai Pirenopatheia. 2, 58.
 Palama, K. Asalevti Zoï. 3—4, 60.
 Psichari. To Taxidi mou. 2, 57.
 — Zoï ki'agapi sty monaxia. 3—4, 62.
 Rama, S. Ta palia kai ta kainouria. 3—4, 62.
 Skupi, S. O Gyros ton Oron. 3—4, 61.
 — Silentii Dissolutio. 3—4, 60.
 Tangopoulou, D. O Asotos. 3—4, 62.
 Tsechov, A. O Glaros. 5, 81.
 Xenopoulou, G. Margarita Stefa. 8, 66.
- Итальянскія книги.
- Pascoli, Giovanni. Odi e Inni. 5, 83.
 G. Prezzolini. Novalis. 10, 66.
- Польскія книги.
- Baudouin de Courtenay, Jan. Krzewiciiele zdziczenia. 5, 79.
 Biegas, Boleslaw. Graszak. 5, 74.
 Lemanski, Jan. Colloquia albo Rozmowy. 9, 62.

УКАЗАТЕЛЬ ХУДОЖНИКОВЪ.

- Бакстъ, Л. Рисунокъ. 2.
 Вавженецкій, М. Рисунки, виньетки. 6.
 Валлотонъ, Ф. Портретъ Вилъе де Лиль-Адана. 6.
 — Портретъ Ибсена. 7.
 Вальзеръ, К. Рисунки, виньетки. 10.
 Врубель, М. Рисунокъ. 5.
 Выспанскій, С. Виньетки. 6.

Гульбрансонъ, О. Портреть Ибсена. 7.	Окунь, Е. Виньетки. 6.
Затлеръ, I. Рисунки, виньетки. 2.	Риссельбергъ, Т. ванъ. Рисунки, виньетки. 3—4.
Кузнецовъ, П. Рисунки, виньетки. 12.	Сапуновъ, Н. Обложка, рисунки, виньетки, I.
Лиліенъ, Е. М. Портреть д'Аннунціо. 9.	— Обложка. 2
Мейстеръ, Л. Виньетки. 5.	Турби-Клишталовичъ, С. Виньетки. 6.
Мехоферъ, I. Виньетки. 6.	Фидусъ. Рисунки, виньетки. 7.
Миліоти, В. Обложка, рисунки, виньетки. 9.	Фрисландеръ, Дж. Рисунки. 12.
— Обложка. 10.	Энсоръ, Дж. Рисунки, виньетки. 5.
Надельманъ. Е. Виньетки, 6, II.	Феофилактовъ, Н. Рисунки, виньетки. 8.
— Заставки. II.	— Обложка. 3—4, 5, 6, 7, 8, II, 12
Норвидъ, К. Портреть Красинскаго. 6.	

СПИСОКЪ ЛИЦЪ И УЧРЕЖДЕНІЙ ПОЛУЧАВШИХЪ
ЖУРНАЛЪ «ВѢСЫ» ВЪ 1906 Г.

МОСКВА.

(1—207).

Абрамовъ, П. Ѳ.	Библиотека „Знаніе“.	Виренская, Н. Т.
Агѣвъ, С. К.	Библиотека „Петров- ская“.	Воейкова, В. В.
Алехинъ, С. П.	Библиотека Упр. М.- К. ж. д.	Вороновъ, В. И.
Альябьевъ, И. Н.	Бликовский, С. К.	Виноградовъ, С. А.
Ананьева, М. О.	Борисовъ, С. К.	Вулевичъ, О.
Андреевъ, Н. А.	Бороздинъ, И. Н.	„Вѣкъ“.
Антоновъ, К. П.	Бородиновскій, Г.	Григорьевъ, В.
Астаховъ, С. С.	Боростенко, Н.	Грифцовъ, Б.
Бабанинъ, Г.	Бортневичъ, Н. П.	Грабарь, И.
Балина, Ек. Ал.	Борткевичъ, Т. К.	Голоушевъ, С. Н.
Балина, Ел. Ал.	Борщева, О. И.	Гудендорфъ, г-жа.
Балкашинъ, Е. Н.	Бояровская, Н. И.	Гульшинъ, Б. Н.
Балтрушайтисъ, Ю. К.	Браневичъ, С.	Гурьевъ, И. К.
Бандровский, А. Ф.	Брадвингинъ, П. П.	Дараганъ, С. И.
Барсковъ, П. А.	Брусинкинъ, К.	Деревягинъ, А. А.
Бартенева, П. И.	Брюсова, Н. Я.	Егоровъ, Р. М.
Бартовичъ, Г.	Брюсовъ, В. Я.	Ершовъ, Г.
Барсанинъ, Н. Е.	Брюсовъ, Я. К.	Зарховскій, С.
Басарговскій, С. С.	Бугаевъ, Б. Н.	Захаровъ, И. Б.
Бахманъ, Г. Г.	Будомировъ, С.	Захарова, Е. А.
Бачинскій, А. І.	Будкевичъ, Г.	Зенгеръ, Б. Л.
Бергенгринъ, Т. А.	Будковъ, Г. С.	Зикѣва, г-жа.
Березовскій, О. Н.	Бумакова, г-жа.	Зиминая, г-жа.
Бентинова, С. С.	Бунакинскій, С. Н.	„Золотое Руно“.
Беттинсенъ, К. К.	Бутковъ, Г.	Зоркинъ, Н. С.
Библиотека Александ- рова.	Бѣлорусовъ, А. С.	Зисслеръ, Г.
Библиотека Дерягиной.	Вальдеръ, Э.	Житковская, Н. А.
Библиотека Улитиныхъ (2 экз.).	Верходвинскій, Н.	Жислинъ, Г.
		Журавлевъ, Б. М.
		Каравайкина, Н. И.

- Кара-Мурза, С. Т.
 Карельскихъ, К.
 Кистенева, О. Н.
 Киселевъ, Р.
 Кларкъ, Г.
 Кладовщикова,
 Е. С.
 Клепинина, г-жа
 Климкевичъ, С. А.
 Клочкова, Е. А.
 К-во „Грифъ“.
 Кожевниковъ, П. А.
 Коссина, О. Г.
 Костановъ, Г.
 Котляровъ, И. В.
 Красинъ, Б. Б.
 Крашенинниковъ,
 Н. М.
 Краузе, Н. Б.
 Кузнецовъ, Г.
 Кузнецовъ, П.
 Кучумовъ, Н. Н.
 Курниковъ, В. А.
 Курсинскій, А. А.
 Лангъ, кн. маг.
 Лит. Худ. Кружокъ.
 Ликиардопуло, М. Ф.
 Лосева, Е. И.
 Луркевичъ, С.
 Лютеръ, А. Ф.
 Львовъ, Г.
 Манасеинъ, А. П.
 Меленаковъ, Г.
 Мещерина, г-жа.
 Миліоти, В. Д.
 Миролубовъ, Г.
 Мишуковъ, Ф. Я.
 Морозовъ, А. А.
 Морозовъ, И. А.
 Морозова, М. К.
 „Московскій Ежене-
 дѣльникъ“.
 Муз.-Др. училище,
 библиотека.
 Муратовъ, Г.
 Муратовъ, П.
 Мусатова, г-жа.
 Мухинъ, А. А.
 Нервная клиника.
 Новая библиотека.
 Носовъ, Г.
 Орловъ, Н. Т.
 Остроуховъ, И. С.
 Отто, Г.
 Павловскій, Б. А.
 Павленкова, Н. С.
 Пантюховъ, М.
 Паршина, В. Д.
 Пархомовъ, В. К.
 Петрова, А. И.
 Петровский, Г.
 Петрухинъ, Н.
 Печковскій, А.
 Позняковъ, Г.
 Полиевктова, Т.
 Полякъ, Л. С.
 Поляковъ, Г. А.
 Поляковъ, В. А.
 Помеловъ, И. М.
 Попандополо,
 П. Э.
 Поправинъ, Н.
 Поповъ, Г.
 Портновскій, Г.
 Португалова, С. С.
 Поярковъ, Н. Е.
 Пуговкинъ, Г.
 Пуцять, Г.
 Рачинскій, Г. А.
 Рахмановъ, Г.
 Ратмирская, Н. И.
 Раскевичъ, Г.
 „Ребусъ“.
 Решъ, Г.
 Россинскій, Б. И.
 Россовскій, К. С.
 Ротенсъ, Г.
 „Русская Мысль“.
 Русловъ, В. В.
 Рутманъ, Г.
 Рябушинскій, П. П.
 Саводникъ, В. Ф.
 Садовской, Б. А.
 „Свободная Совѣсть“.
 „Семья и Школа“.
 Сидоровъ, Г. А.
 Сидорова, г-жа.
 Смидовичъ, В. В.
 Смирновъ, И. М.
 Снегиревъ, В. Л.
 Столица, Г.
 Студенческое О-іе 1-е.
 Студенческое О-іе 2-е.
 Такке, Г.
 Татаринова, Н. С.
 Татарскій, Г.
 Тулиновъ, Н. И.
 Успенскій, П.
 Успенская, С. А.
 Утюгинъ, Н.
 Ходасевичъ, В.
 Ходасевичъ, М.
 Худалеевъ, И. Н.
 Чеботаревская, А. Н.
 Чернешевъ, кн. маг.
 Чистяковъ, С. К.
 Чистякова, Н. П.
 Шестеркина, А. А.
 Шишевъ, Г.
 Шаровинъ, Н. Е.
 Шербаковъ, Н. М.
 Шукинъ, С. И.
 Этингеръ, П.
 Юрьяновъ, К.
 Якунчикова, г-жа.
 Теофилактовъ, Н. П.

ПЕТЕРБУРГЪ.

(208—433)

Абрамовичъ, Д. И.	Вебель, О. А.	Дунаевъ, Г.
Алекса́ндро-Невск. Уч.	Ведерниковъ, А. Г.	Духовская, г-жа.
Аничковъ, Е. В.	Венгеровъ, С. А.	Дягилевъ, С. П.
Андреевъ, Д. А.	Веревкинъ, Н. К.	Евгеніевъ, И.
Аргутунскій-Долгору-
ковъ, Кн.	Верховскій, Ю. Н.	Евграфова, О. Т.
Балашовъ, И. Г.	Вершинина, г-жа.	Евсѣевъ, Н.
Барро, М. В.	Волконскій, кн., С. М.	Ерамина, г-жа.
Бартелингъ, К. Н.	Волорсовъ, С. С.	Жуковъ, А. А.
Бердяевъ, Н. А.	Волошинъ, М.	Жуковъ, И. Г.
Березинъ, С. П.	Вреская, В. С.	Жуковскій, Я. Г.
Бертиловъ, Н. К.	„Всемирный Вѣст-
никъ“.	„Журналъ для
Всѣхъ“.
Биби́ковъ, С. А.	„Вѣстникъ Права“.	Завьяловъ, С. П.
Библиотека Имп. Унив.	Вѣтринскій, В. М.	Зарѣцкій, Г.
Библиотека Служ. Упр.
жел. дор.	Вязьменская, г-жа.	Зворыкинъ, Г.
Библиотека Григорье-
вой.	Гагаринъ, Н. Ѳ.	Ивановъ, В. И.
Библиотека 3-й гимна-
зій.	Гаевскій, Г.	Ивановскій, Г.
Бильбасовъ, Г.	Галицынская, М. А.	Игнатовичъ, М. К.
Бинштокъ, Г.	Галкинъ, К.	Каблуковъ, С. П.
Блокъ, А.	Герке, Г.	Кирияновъ, С. С.
Блохинъ, Р. Ф.	Гернетъ, М. К.	„Книга“.
Боткинъ, С. С.	Голицынъ, Кн.	Кобелевъ, А. М.
Борецкій, Г.	Гольденбергъ, Г.	Комаровскій, Гр.
Бортмеръ, Г.	Горвиць, Г.	Комисаровъ, Г. С.
Бравичъ, К. В.	Горошковъ, С.	Кондіайненъ, Г.
Брандуковъ, Н. П.	Гостевъ, Г.	Кондратьевъ, А. А.
Бриксъ, г-жа.	Готовцевъ, Д. Д.	Коноваловъ, П. С.
Броведовскій, Г.	Гофманъ, М. Г.	Кричевскій, Ю. С.
Бурцевъ, В.	Гриневичъ, В. С.	Кронъ, В. Н.
„Былое“.	Гусевъ, В. В.	Кругликовъ, Н. С.
Бѣлогорскій, Н. С.	Давидова, М. Ф.	Кузминъ, М. А.
Бѣлявскій, М. М.	Дарская, г-жа.	Кузнецовъ, В. П.
Василевскій, И. М.	Дедюринъ, Н. С.	Леманъ, Б.
Васильевъ, М. С.	Дзѣхцевичъ, С. І.	Леманъ, П. П.
Ватолинъ, Г.	Дмитріева, г-жа.	Лемантъ, д-ръ.
	Добужинскій, М. В.	Лернеръ, Н.
	Драгаевъ, А. К.	Лисенко, Г.
	Дьяконовъ, И. М.	Лозинскій, Г.

- Луканинъ, С. С.
 Луначарскій, М. В.
 Ляцкій, Е. А.
 Ляховская, Н. И.
 Мавринъ, А. В.
 Магнитскій, В. К.
 Маковскій, С.
 Максимовъ, В. Р.
 Матюшинъ, Г.
 Мельникова, С. П.
 „Миръ Божій“.
 Михайловъ, Н. Н.
 Модзалевскій, Б. Л.
 Молодяшинъ, Г.
 Мухинъ, А. А.
 Мѣшковъ, С. К.
 Мясковский, Г.
 Нагибина, г-жа.
 Наклоновъ, П. И.
 Нарановичъ, Г.
 Нилова, О. Д.
 Новиковъ, Г.
 „Новое Время“.
 Ноггафтъ, Ф. О.
 Нурокъ, А. П.
 Ободовскій, П.
 „Образованіе“.
 Овсяниковъ, Г.
 Ольгердовичъ-Луком-
 скій, В.
 Остатковскій, К.
 Павликовская, Н. С.
 Павловъ, С. П.
 Пановъ, Ю. М.
 Панфиловъ, С. С.
 Парфентьева, Н. П.
 Пермиловскій, В.
 Перельманъ, О. С.
 Перцевъ, П. П.
 Першинъ, А. С.
 Пестовскій, В. А.
- Петровскій, Г.
 Пожарова, г-жа.
 Попова, О. Н.
 Постаковъ, К. А.
 „Право“.
 Прохоровъ, П. А.
 Прѣсняковъ, С. О.
 Рагозинъ, Г.
 Раевская, М. Ѳ.
 Ратьковъ, М. П.
 Ратьковъ-Рожновъ,
 В. И.
 Рафаловичъ, С. Л.
 Рахмалевичъ, Е. А.
 Ремизовъ, А.
 Рейхартъ, Б. Ф.
 Римскій Корсаковъ, Г.
 Рихтеръ, Г.
 Розевичъ, Р.
 Розановъ, В. В.
 Ростовцева, г-жа.
 Рубакиной, библи.
 Рутковский, Г.
 „Русскій Вѣстникъ“.
 Садомоновъ-Эри-
 стовъ, Кн.
 Садовень, библи. (2
 экз.).
 Семенниковой, библи.
 Селецкій, П. В.
 Сланскій, П. П.
 Соколовъ, М. П.
 Соловьева, П. С.
 Сомовъ, К. А.
 Старкъ, Э. А.
 Станюковичъ, В. К.
 Стасова, г-жа.
 Стасова, г-жа.
 Стенбокъ, граф.
 „Страна“.
 Судаковъ, А. С.
- Сюннербергъ, К. А.
 Тагѣевъ, Г.
 Талаевскій, Г.
 Тарусинова, О. П.
 Телицынъ, С. Ф.
 Терентьевъ, Г.
 Тетерниковъ, Ѳ. К.
 Технол. Институтъ.
 Тихоміровъ, Г.
 Ткачукъ, В. З.
 Томиловскій, С. П.
 Троицкій, Г.
 Тутуринъ, Н.
 Тыршикина, А. Я.
 Управление Воен. Со-
 общ.
 „Уральск Горн. Об.“.
 Урусова, Е. П., кн.
 Фельдманъ, К.
 Харитоновъ, Г.
 Ходотова, Н. Н.
 Христофоровъ, С. П.
 Царевъ, Г.
 Циммерманъ, М. А.
 Черкесовой, библи.
 Чернецкій, П. О.
 Черновскій, А. А.
 Читальня Студ. Дух.
 Ак.
 Чуковский, К. И.
 Чулковъ, Г. И.
 Чухновскій, Н.
 Шаблинскій, Г.
 Шавинскій, В. А.
 Шарбе, Г.
 Шевцова, г-жа.
 Штейнгель, бар.
 Штильманъ, Н. Е.
 Шукаловъ, П. П.
 Юдинъ, Н. П.
 Яковлевъ, М. Н.

ПРОВИНЦІЯ.

(434—752).

П. Абрамовичъ, Под. губ.	Я. Браиловскій, О. В. Д.
Н. К. Авдѣевъ, Ирк. губ.	М. Ф. Брунсъ, Тавр. губ.
Г. Аксеновъ, Кіевъ.	П. И. Бѣльчиковъ, Сам. губ.
П. Я. Аксенова, Орл. губ.	Н. С. Бѣльскій, Харьк. губ.
Н. А. Александровъ, Мог. губ.	С. С. Вартаньянъ, Торсы.
С. П. Александровъ, Вятской губ.	А. Варяницынъ, Харьк. губ.
А. И. Аничковъ, Новг. губ.	А. Я. Васильевъ, Елисавет. губ.
А. К. Апрѣлевъ, О. В. Д.	К. Н. Васильевъ, Перм. губ.
С. П. Арсентьевъ, Черн. губ.	М. А. Великановъ, Томск. губ.
А. К. Арутюновъ, О. В. Д.	Г. А. Венгрженевскій, Под. губ.
Е. И. Бажановъ, Саратов. губ.	В. С. Верестовъ, Харьк. губ.
А. Е. Бакулинъ, Влад. губ.	Н. Г. Взоровъ, Моск. губ.
Б. В. Беръ, Симб. губ.	Вил.-Ков. Упр. Землед., Вильна.
Г. Э. Безе, Вил. губ.	С. В. Виноградовъ, Пермск. губ.
М. Н. Берковскій, Харьк. губ.	В. И. Виноградова, Тульск. губ.
Библиотека Сырнина, Саратовъ.	М. Ф. Висковскій, Под. губ.
„ Идзиковскаго, Кіевъ.	А. В. Вихерскій, Саратов. губ.
„ сл. Р.-О. ж. д., Рига.	И. К. Воробьевъ, Варшава.
„ ст. М. Д. А., Серг. пос.	А. О. Воробьевъ, Пермск. губ.
„ Русск. Публ., Юрьевъ.	Н. П. Воротинскій, Вор. губ.
„ Публ., Новгородъ.	М. Н. Воссовскій, Куб. обл.
„ Публ., Рославль.	Н. П. Выржецкій, Под. губ.
„ Городск., Феодосія.	Г. С. Габриловичъ, О. В. Д.
„ Публ., Самара.	Е. Н. Гаврилова, Курск. губ.
„ Публ., Иркутскъ.	Н. Т. Гаданенко, Полт. губ.
„ Ив. Зав., Уф. губ.	А. Гайлитъ, Рига.
„ Сиб. Ж. Д., Томскъ.	А. Н. Гангесовъ, Любл. губ.
„ Арт. Об., Тифлисъ.	Е. Т. Гирковъ, Вол. губ.
„ Кад. К., Яр. г.	И. З. Глазуновъ, Тв. губ.
„ Общ.-ная., Черн. г.	С. Гладковскій, Херс. губ.
„ Городск., Херс. г.	Д. Гонтербергъ, Херс. губ.
С. В. Бискурскій, Харьк. г.	В. Э. Грабаръ, Лифл. губ.
Г. Бискъ, Херс. губ.	В. Н. Грегерь, Прим. обл.
В. И. Блюмъ, Н.-Новгородъ.	Л. П. Грейцъ, С.-Дар. обл.
С. С. Бодалевъ, Орл. губ.	К. А. Гриневичъ, Херс. губ.
К. Богаевскій, Тавр. губ.	М. Гродненскій, Петр. губ.
Н. Д. Богодуровъ, Н.-Новг.	М. Н. Громека, Рига.
Н. Боровикъ, Терск. обл.	Н. В. Гусевъ, Смол. губ.
Г. Боровичевскій, Минск. губ.	Т. К. Гурскій, Тавр. губ.

- С. К. Гутниковъ, О. В. Д.
 Н. М. Давыдова, Киевъ.
 Н. Дарскій, Орл. губ.
 Д-ръ Двужильный, Тифл. губ.
 Е. В. Дегтярева, Н.-Новг.
 С. П. Дерюжинскій, Хер. губ.
 И. И. Долговъ, Витебск. губ.
 Л. Г. Долинскій, Ряз. губ.
 М. П. Дончева, Под. губ.
 П. М. Дульскій, Вятск. губ.
 М. Дурасовъ, Черн. губ.
 Ю. Дусмани, О. В. Д.
 П. С. Евангелиди, О. В. Д.
 Н. Г. Евдѣнко, Харьк. губ.
 С. К. Евдокимова, Орл. губ.
 Н. К. Ежевскій, Тульск. губ.
 С. О. Елитевичъ, Под. губ.
 Н. Т. Ерошовъ, Терск. обл.
 С. П. Ефимовская, Каз. губ.
 Женское Училище, О. В. Д.
 Женская гимназія, Курл. губ.
 И. И. Жилевичъ, Псков. губ.
 П. М. Жеребцовъ, О. В. Д.
 Н. И. Жилевскій, Под. губ.
 Б. С. Журавлевъ, О. В. Д.
 Н. Т. Жуковский, Сар. губ.
 И. Забѣлина, Киевск. губ.
 Г. Э. Захаржевскій, Вил. губ.
 Н. В. Захаровъ, Тиф. губ.
 Бр. Замятины, Тамб. губ.
 Т. Зейфертъ, Курл. губ.
 Я. С. Зифертъ, Митавск. губ.
 З. М. Зованская, Полт. губ.
 Н. К. Зуткевичъ, Под. губ.
 Р. М. Иванова, Харьк. губ.
 И. Ф. Ивановъ, Тавр. губ.
 Г-жа Игнатѣва, Курск. губ.
 Д. П. Имгартъ, Саратов. губ.
 В. Иннокентьевъ, О. В. Д.
 Н. С. Интендантовъ, Курл. губ.
 Б. Н. Ишинъ, Вол. губ.
 С. П. Кабановъ, Орл. губ.
 „Казбекъ“, Терск. обл.
 Г. А. Казиміръ, Вол. губ.
 В. В. Казначеевъ, Акм. обл.
 Ф. Ф. Каль, Любл. губ.
 М. В. Каменешкой, Ков. губ.
 В. Д. Каратышевъ, Моск. губ.
 Б. К. Карповъ, Ков. губ.
 „Карсъ“, Карс. обл.
 Е. Я. Каялова, О. В. Д.
 Э. К. Кейхель, Курл. губ.
 С. Кирановъ, Бес. губ.
 А. Х. Киселева, Яр. губ.
 „Кіевская Жизнь“, Кіевъ.
 Э. А. Коваленко, Куб. обл.
 І. Н. Корякинъ, Куб. обл.
 Д. И. Коковцевъ, Спб. губ.
 „Конкордія“, Лифл. губ.
 А. М. Константиновъ, Екат. губ.
 В. Г. Кореневъ, Харьк. губ.
 З. В. Корчажнскій, Смол. губ.
 Ю. И. Коссъ, Спб. губ.
 М. П. Костинъ, О. В. Д.
 С. П. Костяковъ, Гродн. губ.
 О. В. Кранская, Прим. обл.
 С. П. Красовскій, Тавр. губ.
 „Крымъ“, Симферополь.
 Р. Р. Кудлай, Полт. губ.
 В. А. Кудрявцевъ, Сам. губ.
 А. Кузянъ, Карск. обл.
 В. И. Кункинъ, Тв. губ.
 В. Т. Кулешовъ, М.-К. ж. д.
 А. Н. Курдюковъ, О. В. Д.
 С. П. Курдюшенко, Терск. обл.
 С. Л. Лаврентьевъ, Моск. губ.
 М. Н. Лавриновскій, Херс. губ.
 Г. А. Лазаревскій, Черн. губ.
 Н. А. Латыкова, Яр. губ.
 Н. М. Лампси, Тавр. губ.
 П. Н. Лампси, Тавр. губ.
 Д. М. Ларіоновъ, Томск. губ.
 Свящ. Лисяковъ, Полт. губ.
 М. Н. Литвиновъ, Херс. губ.
 Е. А. Лихтерманъ, О. В. Д.
 Б. Л. Лопатинскій, Томск. губ.
 Н. М. Лукутинъ, Терск. обл.
 А. А. Лушниковъ, Заб. обл.

- Г. Лынский, Курл. губ.
 Св. Люминарскій, Ю.-В. ж. д.
 П. Любомудровъ, Зак. обл.
 Уч. Лынкисъ, Куб. обл.
 Г. Мавриковъ, Тульск. губ.
 Ю. И. Маріюшкина, Черн. губ.
 Е. А. Милецкая, Гродн. губ.
 I. А. Микшъ, О. В. Д.
 К. Р. Милль, Тавр. губ.
 О. Минарская, О. В. Д.
 Г. С. Митюшинъ, Терск. обл.
 Е. А. Мисевскій, Черн. губ.
 Е. П. Могденко, Тавр. губ.
 М. А. Можарова, Финл.
 М. А. Можайская, Под. губ.
 А. Д. Моисеевъ, Тамб. губ.
 М. И. Мокаевскій, О. В. Д.
 М. Н. Монвидъ, Тверск. губ.
 Н. С. Мокрозубовъ, Черн. губ.
 А. М. Моргунъ, Полт. губ.
 Н. П. Моргуненко, Терск. обл.
 С. Моргулевъ, Терск. губ.
 С. Р. Морткевичъ, Гродн. губ.
 И. Н. Мосяковъ, Орл. губ.
 С. А. Навраненко, Тавр. губ.
 В. С. Надаровъ, Тульск. губ.
 Н. А. Натаровъ, Черн. губ.
 Научн. Лит. Кр., Харьк. губ.
 Студ. Начнабѣда, Томск. губ.
 Н. Т. Нерсесовъ, Бак. гу.
 Д. Т. Нетуровъ, Бесс. губ.
 И. Н. Нечитайловъ, О. В. Д.
 М. А. Никитинъ, Сам. губ.
 С. В. Никонова, Херс. губ.
 Н. С. Нилевичъ, Астр. губ.
 М. К. Нитенко, О. В. Д.
 С. Ф. Обрѣзковъ, Харьк. губ.
 О-во Вел. Люб., Кіевъ.
 О-венное Собрание, Смол. губ.
 М. В. Одинцовъ, Иркутскъ.
 М. В. Остроградскій, Тамб. губ.
 „Отголоски Жизни“, Кіевъ.
 В. К. Отрепьевъ, Черн. губ.
 С. П. Охромѣевъ, Кал. губ.
 Н. Павловъ, Тв. губ.
 А. И. Пантюховъ, Спб. губ.
 Ген. Паренсонъ, Спб. губ.
 М. Л. Пастухова, Яросл. губ.
 М. Ф. Пахомовъ, О. В. Д.
 А. Ф. Пашъ, Екат. губ.
 Д. К. Педаевъ, Харьк. губ.
 Г. Переверзовъ, Выб. губ.
 Г. В. Перемиловскій, Ков. губ.
 Э. К. Перковскій, Любл. губ.
 И. И. Петропавловскій, Волог. губ.
 Е. Ф. Писарева, Кал. губ.
 С. Т. Повальскій, Гродн. губ.
 Н. Д. Поганенко, Кіевск. губ.
 Г. Г. Подарковскій, Там. губ.
 Н. Н. Подревскій, Астр. губ.
 А. В. Позняковъ, Ряз. губ.
 Д. А. Поплавскій, Бак. губ.
 Д. А. Порубиновская, Под. губ.
 Я. П. Поповъ, Вор. губ.
 Г. М. Постниковъ, Моск. губ.
 П. П. Преображенскій, Ков. губ.
 Свящ. I. Пузыревъ, Пермск. губ.
 Н. П. Пузыревскій, Кал. губ.
 И. Н. Рабиновичъ, Гродн. губ.
 А. Г. Разановъ, Черн. губ.
 Е. П. Раковичъ, Вол. губ.
 Ф. О. Рагмирскій, Тавр. губ.
 М. Д. Репскій, Кіевъ.
 А. Л. Романикинъ, Вор. губ.
 Н. Росякинъ, Херсон. губ.
 А. Ротштейнъ, Енис. губ.
 И. А. Рязановскій, Костр. губ.
 М. Рышковъ, Вор. губ.
 Н. А. Сабаньевъ, Харьк. губ.
 Г. Н. Сабсовичъ, Гродн. губ.
 Н. Савченко, О. В. Д.
 А. А. Садковскій, Гродн. губ.
 М. М. Самохваловъ, Томск. губ.
 М. В. Самыгинъ, Моск. губ.
 В. О. Сараджіанъ, Терск. обл.
 Е. И. Саркизовъ, О. В. Д.
 А. Саулѣтъ, Лифл. губ.
 П. И. Севрюгинъ, Моск. губ.

- А. А. Семенова, Моск. губ.
 Н. М. Сергѣевъ, Харьк. губ.
 С. Н. Сергѣевъ-Ценскій, Тавр. губ.
 Б. Ситниковъ, Тв. грб.
 К. Н. Сичковскій, Харьк. губ.
 И. Сиилить, Ферг. обл.
 А. Г. Склезневъ, Мог. губ.
 Н. П. Склепневъ, Арх. губ.
 С. Э. Скруктовскій, Ниж. губ.
 С. К. Снитко, СПб. губ.
 Г. В. Соболевскій, Тифл. губ.
 Е. В. Садомскій, Прим. обл.
 П. Д. Соловьевъ, Сарат. губ.
 Г. Сташкевичъ, Харбинъ.
 Н. О. Стерлюговъ, Сам. губ.
 П. Г. Стрепетилловъ, Ирк.
 Н. П. Суворовскій, Винд. ж. д.
 Н. М. Сурина, Полт. губ.
 Н. К. Суржевскій, Под. губ.
 А. Д. Сурковъ, Каз. губ.
 М. И. Сушкевичъ, Вил. губ.
 „Сѣверъ“ кн. маг., Смол. губ.
 А. Н. Септеръ, О. В. Д.
 Н. Ф. Спасовская, Тв. губ.
 Н. Спринцъ, Черн. губ.
 Н. П. Струткевичъ, Под. губ.
 Н. Таврюгинъ, Полт. губ.
 Н. С. Тагановскій, Прим. обл.
 П. О. Тамблянь, Терск. обл.
 Тамб. Гор. Управа, Тамбовъ.
 А. Таубе, Курл. губ.
 Н. Н. Тацѣвскій, Заб. обл.
 Н. С. Тацкій, Ек. губ.
 А. Н. Терешинъ, Тв. губ.
 Л. Н. Терновскій, Владивостокъ.
 В. Н. Тиликовская, О. В. Д.
 А. Т. Тимей, Симб. губ.
 Е. П. Троцкая, Черн. губ.
 С. О. Тряпишниковъ, Сам. губ.
 Е. А. Тюменцева, Ен. обл.
 Н. К. Усатинскій, Терск. обл.
 А. П. Усковъ, Ряз. губ.
 М. Н. Успенскій, Сам. губ.
 Ученич. читальня, Мог. губ.
 Н. О. Фабриковскій, Херс. губ.
 Н. П. Фадѣевъ, О. В. Д.
 А. П. Фауэнъ, СПб. губ.
 А. Филипповъ, Херс. губ.
 К. П. Фридбергъ, Херс. губ.
 Н. О. Фридлянскій, Под. губ.
 С. К. Ходамовъ, О. В. Д.
 „Химера“, Варшава.
 Н. П. Хоткевичъ, Вор. губ.
 Н. С. Хотянинцевъ, Сар. губ.
 С. К. Цапليкова, Гродн. губ.
 Г. Цельманъ, Сам. губ.
 А. Цукербергъ, Пск. губ.
 I. Г. Цуриковъ, Бак. губ.
 Н. П. Чабанъ, Харьк. губ.
 Г. Чайковскій, Варшава.
 С. Б. Чарнецкій, Томск. губ.
 М. Е. Чернышева, Ряз. губ.
 Г. Четвериковъ, Кіев. губ.
 А. Н. Чечнева, Нижег. губ.
 Н. П. Чиренинъ, Тв. губ.
 В. Шапошниковъ, Прим. обл.
 I. Шварцманъ, Сув. губ.
 Е. И. Шилинская, Кіев. губ.
 А. Шиманскій, Кіев. губ.
 Г. Шимкевичъ, Нижег. губ.
 Б. Н. Шершавитскій, Полт. губ.
 Г. Г. Шпеттъ, Кіевск. губ.
 Кн. С. А. Щербатовъ, М.-К.-В. ж. д.
 В. Эглитсъ, Лифл. губ.
 Эйленбергъ, кн. м., Лифл. губ.
 Г. Экстеръ, Кіев. губ.
 Н. С. Эрбергъ, О. В. Д.
 „Южное Обзорѣніе“, Херс. губ.
 К. В. Юкина, О. В. Д.
 М. Юрковская, Вол. губ.
 Н. К. Юрицына, Вор. губ.
 Г. Якобсонъ, Пенз. губ.
 Г. Якубсонъ, Черн. губ.
 П. К. Якубовскій, Херс. губ.
 Г. В. Ѳедоровъ, О. В. Д.
 С. М. Ѳедюшинъ, Ирк. губ.
 В. А. Ѳоминъ, Тавр. губ.

ВНѢ РОССІИ

(753—845).

АВСТРО-ВЕНГРІЯ.

A Hét, Budapest.
 Biblioteka Universiteti Ludovego,
 Krakau.
 Moderni Revue, Praha.
 Libraire Bursikt Kohaut, Praha.
 Fr. Zak, Praha.
 Russische Lesesalle Wien.

АМЕРИКА. С. Ш.

Public Library, NewYork.
 John Martin, NewYork.
 D. Karlson, Brewer, Maine.
 Th. Mosher, Portland, Maine.

АНГЛІЯ.

Miss E. Gourwitch, Filey.
 C.S. Millard, London.
 T. Sturge-Moore, London.
 Arth. Symons, London.
 Mudies Library, London.
 W. R. Morfill, Oxford.

БЕЛЬГІЯ.

Librairie E. Deman, Bruxelles.
 L'Art Moderne, Bruxelles.
 Antée, Bruges.
 Bibliotheque Russe, Liège.

БОЛГАРІЯ.

Ив. Грозовъ, Софія.
 Ив. Ганчевъ, Софія.
 Българска Сбирка, Софія.

ГЕРМАНИЯ.

G. Amendola, Berlin.
 Bruno Cassirer, Berlin.
 Ed. Meyer, Berlin, 5 экземпл.
 E. Höppener, Berlin.
 Karl Walsler, Berlin.
 Berliner Kunstverein, Berlin.
 Max. Schick, Berlin.
 A. Pialoglou, Dresden.
 C. Polack, Heidelberg.
 A. Poljakoff, Heidelberg.

ГРЕЦІЯ.

Acritas, Athènes.
 Noumas, Athènes.
 Panathénaia, Athènes.
 C. Palamas, Athènes.
 P. Apostolidis, Pirée.
 N. Castriotis, Pirée.
 A. Constantinidis, Pirée.

ИТАЛІЯ.

La Nuova Parola, Roma.
 La Nuova Antologia, Roma.
 M. Semenoff, Roma.
 F. Trapeznikoff, Roma.
 E. Tchahotine, Venezia.
 La Critica, Napoli.
 La Rassegna, Napoli.
 Poesia, Milano.
 G. Papini, Firenze.
 Il Leonardo, Firenze.
 La Rassegna Nazionale, Firenze.
 Il Marzocco, Firenze.

НОРВЕГІЯ.

D. Kristensen, Kristiania.

ТУРЦІЯ.

Z. Fitylis, Constantinople.
 D. Zygomalas, Constantinople.
 A. Souprounenco, Syrie.
 M-me C. Pialoglou, Samsoun.

ФРАНЦІЯ.

A. Amfitéatroff, Paris.
 C. Balmont, »
 P-esse Czertvertinsky »
 A. Erchoff, »
 René Ghil, »
 J. de Gourmont »
 R. de Gourmont, »
 N. Goumilev, »
 D. Merejkowsky, »
 E. Montfort, »
 O. Popova, »
 M. Servier, »
 I. Stchoukine, »

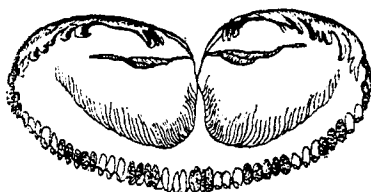
E. Wladimiroff, Paris.
 M-me L. Wilkine, »
 Mercure de France, »
 L'Occident, »
 Revue d'et. Franco-Russes, Paris.
 Le Courrier de la Presse, »
 La Revue, »
 La Revue de Mois, »
 L. Jousserandot, Lille.
 Le Beffroi, Lille.
 Revue de Lyon, Lyon.
 M. Oustinova, Menton.
 L'Âme Latine, Toulouse.
 La Revue Provinciale, Toulouse.
 La Revue de Champagne, Cham-
 pagne.

ШВЕЙЦАРІЯ.

E. Morducovitch, Lausanne.

ШВЕЦІЯ.

E. Osterman, Stockholm.
 Alf. Iensen, Stockholm.
 Ida Halberg, Landskrona.

Книгоиздательство «СКОРПИОНЪ»

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ:

СТАНИСЛАВЪ ПШИБЫШЕВСКІЙ. Вѣчная Сказка.

Драматическая поэма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ Е. Троповскаго. Обложка по рисунку К. Брунелески. Въ этомъ переводѣ „Вѣчная Сказка“ поставлена въ „Драматическомъ театрѣ“ В. О. Комиссаржевской.

Цѣна 1 р.; для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 85 к. съ перес.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Земная Ось.

Разказы и драматическія сцены. Содержаніе: Республика Южнаго Креста.—Сестры.—Въ подземной тюрьмѣ.—Послѣдніе мученики.—Теперь, когда я проснулся...—Въ зеркалѣ.—Мраморная головка.—Земля (сцены будущихъ временъ).

Цѣна 1 р. 50 к.; для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 1 р. 28 к. съ перес.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. Нечаянная Радость.

Второй сборникъ стиховъ. Содержаніе: Весеннее.—Дѣтское.—Магическое.—Перстень—Страданье.—Покорность.—Нечаянная Радость—Ночная Фіалка.

Цѣна 1 р. 50 к.; для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 1 р. 28 к. съ перес.

КНУТЬ ГАМСУНЪ. Драма Жизни.

Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изданіе второе. Въ этомъ переводѣ драма будетъ поставлена въ Московскомъ Художественномъ театрѣ.

Цѣна 50 к.; для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 43 к. съ перес.

Открыта подписка на 1907 годъ.

ЗОЛОТОЕ РУНО

Журналъ художественный, литературный и критическій.

(III г. изданія).

„Золотое Руно“ въ 1907 году будетъ выходить попрежнему ежемѣсячно, въ форматѣ большихъ художественныхъ изданій тетрадями (до 100 страницъ in 4°). Какъ въ художественномъ, такъ и въ литературномъ отдѣлѣ будетъ принимать участіе составъ сотрудниковъ предыдущаго года, усиленный новыми именами. Въ каждомъ номерѣ журнала будетъ помѣщенъ рядъ снимковъ съ картинъ и оригинальныхъ рисунковъ русскихъ художниковъ, воспроизведенныхъ усовершенствованными техническими приемами, а также цвѣтныхъ приложений, иллюстрацій, заставокъ, виньетокъ, художественныхъ надписей и пр. Литературный отдѣлъ будетъ вестись и развиваться въ направленіи, ясно выразившемся въ послѣднихъ номерахъ „Золотого Руна“ за истекшій годъ. Будетъ значительно расширенъ музыкальный отдѣлъ. Независимо отъ задачъ чистаго искусства, редакція намѣревается удѣлить особое вниманіе художественной индустріи и декоративному искусству. Галерея портретовъ современныхъ русскихъ писателей и художниковъ, начатая въ 1906 г., будетъ продолжаться изданіемъ и въ слѣдующемъ въ видѣ приложения къ журналу.

ВЪ „ЗОЛОТОМЪ РУНѢ“ УЧАСТВУЮТЪ: художественный отдѣлъ: А. Анисфельдъ, А. Н. Бенуа, Л. Бакстъ, И. Билибинъ, П. Бромирскій, М. А. Врубель, С. Виноградовъ, А. Гаушъ, А. Я. Головинъ, А. Голубкина, Игорь Грабарь, В. Дриттенпрейсъ, М. Добужинскій, Модестъ Дурновъ, Павель Кузнецовъ, К. Коровинъ, Е. Кругликова, Н. Крымовъ, Е. Лансере, А. Линдеманъ, Ф. А. Малавинъ, Василий Милоти, Н. Некрасовъ, М. В. Нестеровъ, А. Остроумова-Лебедева, Н. Рерихъ, М. Сабашникова, Н. Сапуновъ, А. Срединъ, К. Сомовъ, С. Судейкинъ, С. Судьбининъ, В. Сѣровъ, Кн. П. Трубецкой, Н. Теофилактовъ, Вл. Фишеръ, С. Яремичъ и др.

Литературный отдѣлъ: Леонидъ Андреевъ, К. Д. Бальмонтъ, Александръ Блокъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Ю. Балтрушайтисъ, Ив. Бунинъ, М. Волошинъ, Л. Вилькина, А. П. Воротниковъ, З. Н. Гиппиусъ, О. Дымовъ, Б. Зайцевъ, Вяч. Ивановъ, А. Н. Корещенко, Маркъ Криницкій, М. Кузминъ, А. И. Купринъ, А. Курсинскій, М. Ѳ. Ликиардопуло, С. Маковскій, Н. Минскій, Д. С. Мерещковскій, Ив. Новиковъ, Ст. Пшибышевскій, С. Рафало-

вичъ, В. Ребиковъ, А. Ремизовъ, В. В. Розановъ, А. Ростиславовъ, Б. Садовской, И. Сацъ, С. Соловьевъ, Ѳ. Сологубъ, К. Сюннербергъ, А. Ф. Струве, А. И. Успенскій, Корнѣй Чуковский, Г. Чулковъ, Ю. Черета, Д. В. Философовъ, А. Шервашидзе, Н. Шинскій, К. Эйгесъ, Н. Ярково и мн. др.

Подписная цѣна: на годъ въ Россіи 15 р. За границу 55 frs. Отдѣльные номера въ Россіи 2 р. 10 к. За границу 6 frs. Требованія наложеннымъ платежомъ не удовлетворяются. Полугодовая подписка не принимается. Допускается разсрочка: 1 января—5 р., 1 марта—5 р. и 1-го мая—5 р. Для подписчиковъ „Вѣсовъ“, подписывающихся черезъ редакцію „Вѣсовъ“—вмѣсто 15 р. только 13 р. 50 к. на годъ. Объявленія принимаются съ платой за 1 стр.—100 р.; $\frac{1}{2}$ стр.—50 р.; $\frac{1}{4}$ стр.—25 р. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи,—Москва, Новинскій бульварь, д. Рогожина,—ежедневно, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней отъ 11 ч.—4 ч. дня, и во всѣхъ крупнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ и комиссіонныхъ агентствахъ Россіи.

Редакторъ-Издатель Николай Рябушинскій.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ОРЪ»

Поступаять въ продажу въ декабрь:

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. Зрость. Новыя стихотворенія.

Л. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛЪ. Тридцать три урода. Повѣсть.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ. Лучъ духовный. (Лимонарь). Три повѣствованія по апокрифамъ.

Ближайшія изданія „ОРЪ“:

С. ГОРОДЕЦКІЙ. Вражбогъ. Вторая книга стихотвореній. Печатается.

Л. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛЪ. Трагическій Звѣринецъ. Разказы. Печатается.

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ. По звѣздамъ. Статьи и афоризмы. Печатается.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. Третья книга стиховъ. Готовится къ печати. Выписывать можно черезъ главную контору „Вѣсовъ—Скорпіона“: Москва, Театральная площ., д. Метрополь, кв. 23.